

Щары
ЖУРНАЛ
АПРЕЛЬ 1991

ОТКРОВЕНИЯ НИКИТЫ СИМОНЯНА

БОЛЕЗНИ «ОРАНЖЕВОГО МЯЧА»

4

НИКИТА

СИМОНЯН.

Simonyan

ИНТЕРВЬЮ
ДЛЯ ОТКРОВЕНИЙ

Фото Игоря УТКИНА

„ТРЕНЕРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ НЕТ И В ПОМИНЕ“

Наш собеседник в представлении не нуждается. Можно напомнить лишь, что заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР Никита Павлович СИМОНЯН был блестящим футболистом, в роли тренера приводил «Спартак» и «Арабат» к победам в чемпионате и Кубке страны, возглавлял национальную сборную, на двух последних чемпионатах мира входил в тренерский штаб нашей сборной в должности начальника команды.

В беседе с членом редколлегии нашего журнала затрагивались различные вопросы, но все они, так или иначе, «крутились» вокруг главного — о роли тренера в современном футболе. Симонян убежден, что это — «вопрос вопросов». Впрочем, «послушаем» еще раз запись разговора, перенесенную на журнальные страницы.

— Не кажется ли вам, что в последние годы собственно футбол в разговорах между тренерами, в их выступлениях на различных собраниях и совещаниях остается в стороне, а на первый план выходят чисто организационные моменты, с футболом, разумеется, связанные, но не настолько, чтобы забывать о тактике, развитии тренировочного процесса, тенденциях игры. Вспомните, сколько было дискуссий в 60-е годы и на страницах печати, и на семинарах, которые с полным правом можно было назвать творческими, и как активно участвовали в этих дискуссиях прежде всего действующие тренеры...

— Полностью согласен, что раньше между тренерами была высокопрофессиональная полемика, служившая, к слову, прежде всего интересам нашего футбола. И добавил бы, что в дискуссионном запале никто никогда никого не оскорблял, не переходил на личности, а теоретическую правоту свою стремился продемонстрировать на футбольном поле во встрече с командой, тренируемой оппонентом по газетной дискуссии.

Сейчас же над тренерами довлеют чисто организационные вопросы, чисто прагматические задачи, связанные с коммерциализацией футбола, а размышления над тактикой, над путями развития игры отходят на задний план. Это печально.

В качестве наглядного примера мог бы сослаться на проходившую в ноябре 1990 года в Москве научно-методическую конференцию, посвященную итальянскому чемпионату мира. Предполагалось, что развернется дискуссия после докладов бывшего тренера сборной СССР Юрия Морозова и директора технического комитета ФИФА Вальтера Гагга. Ан нет. Говорили о чем угодно, но только не о том, как футбол будет развиваться дальше.

— **Насколько помнится, тренеры-практики вообще не выступали по вопросам, связанным с тенденциями в тактике и стратегии игры?..**

— Более того, многих просто не было на конференции, хотя, на мой взгляд, она была организована достаточно интересно. Во всяком случае, почва для дискуссий была хорошая.

Складывается впечатление, что тренеры либо мало волнуют эти вопросы, либо они уже все знают.

— **Второе, мне кажется, сомнительно.**

— Более, чем сомнительно...

— **Не считаете ли вы, что сроки проведения конференций были несколько непродуманными — спустя полгода после окончания чемпионата мира?**

— Может быть. В ФРГ, например, подобная встреча тренеров прошла через десять дней после того, как завершился чемпионат, и к этому времени были изданы технический отчет по турниру и красочный альбом, запечатлевший самые яркие моменты первенства мира. Мы же и к концу года не выпустили так называемого методического письма — брошюры, издающейся на серой грязной бумаге, без иллюстраций.

Но в то же время считаю, что такое

событие, как чемпионат мира, и спустя полгода остается событием, о котором можно говорить и говорить. К тому же не уверен, что, проведи мы конференцию летом, на ней бы развернулась дискуссия. Нет, утерян интерес тренеров к тому, что касается непосредственно игры.

— Утерян, надо полагать, прежде всего по вине самих тренеров. В свое время Бориса Андреевича Аркадьева, Виктора Александровича Маслова, Гавриила Дмитриевича Качалина, Михаила Иосифовича Якушина, Никола Яковлевича Глебова, вас никто насильно не тянул на полосы специального издания. Все вы с удовольствием участвовали в дискуссиях, интересно выступали на совещаниях. Последняя попытка дискуссии, если не ошибаюсь, была предпринята в середине 70-х годов, когда с серией статей о тренировке и тактике в еженедельнике «Футбол—Хоккей» выступили Валерий Лобановский, Олег Базилевич и Анатолий Зеленцов. Та дискуссия заглохла, не успев начаться.

Сейчас же молодежь в основном отмалчивается...

— Отмалчиваться-то отмалчиваются, но, когда речь зашла на той же конференции об изменении структуры чемпионата в 1991 году — расширении высшей и первой лиг прежде всего, желанием выступить не было числа. Очень многие хотели без борьбы либо попасть в класс повыше, либо сохранить себя в нем вопреки спортивному принципу...

— **И все же почему, на ваш взгляд, люди отмалчиваются по специальным, чисто футбольным вопросам?**

— Два объяснения, на мой взгляд. Первое — нечего, наверное, сказать. Второе — думают о том, что высказывания раскроют секреты подготовки команды, тактику ее игры. Это мнение, если оно есть, ошибочное: специалист с одного взгляда на поле определит, как строит игру та или иная команда. Понятие «секрет» в футболе — относительное. А вот плодотворные дискуссии могли бы, как мне думается, способствовать развитию творческой мысли.

...Да, так вот, продолжу насчет «без борьбы». В сообщении Юрия Морозова на конференции красной нитью прошла мысль о том, что на качество игры наших команд, на посещаемости матчей с их участием сказываются так называемые договорные игры. Эдуард Малюфеев в ответ на это бросил реплику с места: «Назовите конкретно». Минский тренер не имел в виду, что подобных игр нет в природе, наоборот, он был согласен с утверждением Морозова, который, в свою очередь, заметил, что конкретно подтвердить он ничего не может. Вопрос действительно непростой.

— **Вспоминаю, как в 70-х годах в Управлении футбола, которое размещалось тогда еще на Арбате, собрались старшие тренеры всех команд высшей лиги. Вы работали тогда в Управлении и задали поочередно каждому тренеру один вопрос: «Есть ли в нашем футболе договорные матчи?» Все тренеры, как один, ответи-**

ли: «Есть». Тогда вы задали — опять же каждому тренеру — еще один вопрос: «Участвует ли ваша команда в договорных матчах?» И вновь все тренеры были единодушны: «Нет, не участвует». Очень смешно, помнится, тогда получилось...

— Полагаю, если и сейчас повторить оба вопроса, ответы будут такими же.

Понимаете, есть только два пути борьбы с договорными матчами. Один из них — привлечь правоохранительные органы. Но у них своих дел по горло, никак с ростом преступности справиться не могут, а тут мы еще их позовем: помогите, мол, избавиться от негативных явлений в нашем футболе, имея в виду и договорные матчи, и судейство, оставляющее желать много лучшего.

Второй путь — наиболее реальный, и здесь все зависит от тренеров и игроков. Мы, сами того не понимая, ведем футбол к упадку. Если тренеры в конце концов не соберутся без посторонних и не скажут честно: друзья, давайте заканчивать с этим делом, давайте играть в футбол, дадим друг другу честное

Никита Симонян — один из известнейших советских футболистов и тренеров

Фото Владимира УЛЬЯНОВА

слово, слово рыцарей, которое должно соблюдаться неукоснительно, а тех, кто его нарушит, будем изгонять из своего круга, — ничего хорошего не будет.

Только в этом случае, убежден, и матчи у нас станут бескомпромиссными (все!), и зрители на них будут собираться не в таких мизерных количествах, как в сезоне-90. Конечно, на уровень посещаемости влияет положение в стране, когда людям, гонящимся за куском мяса или колбасы, не до футбола. Но и от футбола самого многого зависит. Мы должны «накормить» зрителя «вкусным» хорошим футболом. Только один критерий у футбола — х о р о ш и й. Других не вижу.

Тренеры, полагаю, в состоянии своими силами и в судействе порядок навести.

— То есть собраться и договориться не задабривать судьей для того, чтобы они влияли на результат, а относиться ко всем арбитрам подчеркнуто нейтрально?

— Именно так. А тех судей, которые сами просят мзду, выводить на чистую воду.

Обвинения по поводу договорных матчей и необъективного судейства сыплются на федерацию, а что она может сделать? Доказать-то ничего невозможно.

— Предположим, тренеры между собой условились вести честную игру. А вы не считаете, что игроки сами могут обговаривать результат?

— Происходит и такое. Тренеры порой бывают бессильны, поскольку все происходит за их спиной. Но виноваты все равно тренеры. Один только раз пойдя на сделку, они теряют контроль над ситуацией в будущем. Попробуй предъяви претензии футболисту в нечестной игре, если месяцем раньше ты сам предлагал ему «сыграть ничейку» или «сдать матч».

Мы, повторю, продолжаем рубить сук, на котором сидим. Между прочим, система договорных матчей, безусловно, сказывается на уровне мастерства, поскольку появляется стереотип: трудно собраться после «левой» игры на нормальную.

— Как, по-вашему, реально ли в обозримом будущем такое собрание тренеров, на котором они бы приняли решение впредь играть только честно и без помощи судей?

— Сложный вопрос. С трудом, конечно, в это верится, но сделать это необходимо, потому что в этом — единственный выход.

А знаете, почему тренеры не хотят договариваться обо всем этом?

— Почему?

— Боятся, что коллеги обманут — и договариваться о результате будут в ущерб третьим командам, и судей принимать на «должном уровне».

Наверное, для начала необходимо создание тренерской корпорации. Тренеры могли бы принять короткое заявление о честной игре, и под этим заявлением затем подписывались бы все новые тренеры. Каждый нарушитель «конвенции» изгонялся бы из футбола самими тренерами, лучше которых

никто не знает, что происходит в футболе — на поле и за его пределами.

— Существует ли, на ваш взгляд, тренерская солидарность в нашем футболе?

— Нет. Ее не было, к сожалению, и раньше. Нет ее и сейчас.

На упоминавшейся уже конференции вышел, к примеру, коллега, находящийся на пенсии, и вместо того, чтобы детально проанализировать то, что произошло на чемпионате мира, потребовал наказания для всего тренерского штаба (кроме Лобановского, добавил он, поскольку считал, что Лобановский уже наказан). Какого наказания он тре-

Система договорных матчей губит футбол, но доказать ничего невозможно

бовал? Не знаю. Может быть, снятия спортивных званий, увольнения с работы, передачи дела в суд, расформирования команды? Все это мы уже проходили. Выступивший коллега сам пострадал от сталинской несправедливости после Олимпиады-52 в Хельсинки. Так что же, возвращаться к тем временам?

Не слышал, сколько живу, чтобы тренер, придя в команду — сборную или клубную, поблагодарил коллегу, которого он заменил, за проделанную работу и потребовал бы от всех — игроков, помощников, руководства, чтобы в адрес предшественника не было сказано ни одного дурного слова.

Однажды я спросил своих будущих коллег — слушателей Высшей школы тренеров: с чего начнет каждый из них деятельность в команде? Ответы были самые разные: с организационных мероприятий, с тренировки, со знакомства с руководством и т. д. Ни один из них не сказал: я бы поблагодарил предыдущего тренера. И я попросил их, чтобы они начинали каждую новую работу именно с этого, поскольку это — начало тренерской солидарности, уважительного отношения друг к другу.

Нет ни одного тренера, который не хотел бы добиться результата. Ни одного!

Когда на ноябрьской конференции говорили о Лобановском, мне больно было слышать: некоторые люди вообще поставили под сомнение его профессиональное мастерство, класс тренера.

Неужели Лобановский не хотел

добиться в Италии высокого результата? Для того чтобы подтвердить авторитет советского футбола, сборной, свой собственный, наконец, рейтинг тренера?

Да, ошибся Лобановский. Но не только он — мы все, руководство команды. Винить одного Лобановского было бы нелепо.

И слава Богу, впервые, пожалуй, не было репрессивных мер. Впервые ушедшего из сборной тренера поблагодарили. Это — нормальные человеческие отношения.

И вдруг — вновь требуют наказаний. Да было уже все это. И Бескова снимали с работы, и меня, и Лобановского. Если уж на то пошло, мы с Лобановским вообще четыре года работали со сборной нелегально: постановление Госкомспорта о том, чтобы запретить Лобановскому и Симоняну работать со сборными командами Советского Союза (множественное число означает, что и с юношескими тоже), до сих пор никто не отменял.

— Возьмем всю критику, раздававшуюся в адрес сборной после итальянского чемпионата мира, за 100 процентов. Сколько процентов из них вы «кладете» на объективность?

«Винить одного Лобановского было бы нелепо, и слава Богу, не было репрессивных мер»

— Мне трудно сосчитать, но с несколькими критическими положениями я полностью согласен. И не только я, но и весь штаб.

Прежде всего, после чемпионата Европы 1988 года, на котором были завоеваны серебряные медали, уже не давало должного эффекта тренерское совмещение Лобановским работы в клубе и сборной.

Целая группа киевских футболистов перестала отвечать требованиям сборной, и если бы Лобановский не работал в клубе, он вряд ли привлек бы их в сборную.

Согласен и с тем, что мы допустили ошибку при подготовке. Все было спланировано очень верно, особенно учитывая тот факт, что целая группа игроков перед заключительным сбором —

Дасаев, Бессонов, Демьяненко, Добровольский, Алейников, Заваров — была не в порядке. Требовалось поднять их функциональное состояние. Это и делалось. Один лишь промах был — мы не дали за весь сбор, начавшийся 23 мая в Москве и завершившийся 8 июня в Чокко, ни одного дня отдыха, на котором я, в частности, настаивал.

Но видите ли, и я был введен в заблуждение самими футболистами. И в Новогорске, и в Италии спрашивал многих, видя, какие тяжелые нагрузки им предлагают: «Как переносите нагрузки? Как ноги?». «Нормально, — отвечали все как один. — И с ногами все в порядке». Более того, Бородюк и Лютый, играющие сейчас во второй бундеслиге, в клубе «Шальке-04», сказали мне, что у них в команде нагрузки не менее интенсивные. А в Италии на одной из тренировок Морозов вынужден был удалить обоих с занятия за саботаж.

— Может быть, игроки боялись признаться в том, что им тяжело?

— Почему же этого надо бояться?

— Ну, из-за возможных оргвыводов Лобановского, который, в соответствии с широко распространенными слухами, диктатор?

— Слухи о его диктаторстве сильно преувеличены. Говорю об этом с полной ответственностью. Ни один серьезный вопрос деятельности сборной не решался Лобановским единолично. Только — коллегиально. И, если бы он имел информацию о том, что игроки жалуются на усталость, то, уверяю, Лобановский изменил бы характер нагрузок. Игроки же в один голос утверждали, что все в порядке...

— Как вы относитесь к выборам главного тренера сборной?

— Считаю эту затею ненужной. Федерация должна нанимать на работу тренера на определенный срок, а не заниматься голосованием.

В связи с вашим вопросом вспомнил еще об одной ошибке, допущенной Лобановским. Он слишком рано, за восемь месяцев до начала чемпионата, объявил о том, что в случае любого результата слагает с себя полномочия тренера сборной. На мой взгляд, это психологически подействовало на футболистов, принявших гадать, а что будет потом.

— Да, но Беккенбауэр, к примеру, объявил о своем уходе еще раньше.

— У Беккенбауэра уже был официально объявленный преемник, который не находился в стороне, а был в команде и во время тренировочного периода, и во время чемпионата мира, и именно Берти Фогт занимался составлением для сборной календаря отборочного турнира чемпионата Европы. У нас же... Вы знаете, что преемник появился только в середине лета.

К чему у нас привели выборы? К тому только, что было проигнорировано мнение тренеров, проголосовавших на заседании тренерского совета за Евгения Кучеревского. Исполком же Федерации остановил свой выбор на Анатолии Бышовце. С 17 июля 1990 года до

сегодняшнего нашего разговора (конец ноября. — Прим. А. Г.) тренерский совет не собирался ни разу.

— Вы-то сами за кого голосовали, если не секрет?

— Не секрет. За Кучеревского. Я и Бышовцу это сказал. Сказал также, почему я это сделал.

— Почему?

— Когда Бышовец был старшим тренером олимпийской сборной, я был координатором работы всех наших сборных. Ни с одной, кроме олимпийской, не было никаких проблем в плане взаимодействия. Бышовец полностью игнорировал и координатора, и тренеров всех сборных, контактируя главным образом с третьим этажом Госкомспорта (на третьем этаже Госкомспорта расположены кабинеты руководства этой организации. — Прим. А. Г.). В олимпийской команде была создана

«Я служу не Колоскову, Лобановскому, Бышовцу, а советскому футболу»

обстановка «замкнутости». Я опасался, что в первой сборной будет то же самое, и это предопределило мой выбор. Кроме того, по чисто профессиональным качествам, по опыту и Кучеревский, и Садырин, снявший в последний момент свою кандидатуру, имели, полагаю, не меньше преимуществ, чем Бышовец.

— В связи с этим вот какой вопрос возникает: вы по-прежнему остаетесь координатором всех сборных. Как же в этой ситуации могут складываться ваши отношения — председателя технического комитета Федерации и руководителя всех сборных?

— Я служу не Колоскову, Лобановскому, Бышовцу или кому-либо еще — а советскому футболу. Именно поэтому я открыто высказал новому тренеру то, что сказал в этом интервью. И добавил также: или мы взаимодействуем, или вы говорите, что вас такой председатель техкома не устраивает. Бышовец в ответ сказал: «Я был не прав. Предлагаю начать с чистого листа».

— Что ж, успехов вам, Никита Павлович, в деле служения советскому футболу.

— Спасибо.

Интервью провел Александр ГОРБУНОВ

О том, как обстоят дела в национальной сборной команде СССР, читатели, надо полагать, достаточно хорошо осведомлены: оперативную информацию исправно поставляют ежедневные газеты и еженедельники. Поэтому в интервью, которое дал для «Спортивных игр» главный тренер сборной Анатолий БЫШОВЕЦ, практически не затронута «злоба дня» (положение в отборочной группе, вопросы определения состава и т. п.) Разговор пошел по другому руслу...

— Анатолий Федорович, влияют ли на вас, как на главного тренера сборной страны, наши современные внутривнутриполитические реалии, в частности обострение национальных проблем? Ведь, в отличие от многих ваших предшественников, вы лишены возможности включить в команду представителей Грузии, да и литовские игроки, наверное, могли бы быть в числе кандидатов в сборную...

— Все мы не раз слышали избитую фразу: «Спорт — вне политики». Но, с другой стороны, есть банальный, но, наверное, более близкий к истине контраргумент, утверждающий, что футбол — модель общества, которая неизбежно все проблемы этого общества отражает и воспроизводит.

Давайте называть вещи своими именами: футбол стал объектом политических спекуляций. И вся эта политическая игра, к сожалению, в силе похоронить игру футбольную, что мы и наблюдаем в Грузии, Литве... Опасность такая есть, я ее вижу, но при этом, как тренер сборной страны, ее не боюсь. Одно дело — отдельные регионы, и совсем другое — вся страна. Учитывая нынешний состав сборной, подобные политические неурядицы нас мало затронут. Во всяком случае, к фатальному исходу не приведут.

— Не ожидал, что вы до такой степени оптимист.

— Я бы не назвал это оптимизмом. Просто в силу характера мне, чем труднее ситуация, тем интереснее работать. Помните, что было перед ноябрьской игрой с итальянцами? Положение-то складывалось вроде бы аховое: выбито плечо у Михайличенко, травма у Кузнецова, переполнен отрицательными эмоциями из-за нервотрепки с трансфером Добровольский. Я поймал себя тогда на том, что совершенно не чувствую никакой растерянности. Напротив, ощущал прилив сил: было напряженное, но в то же время бодрое рабочее настроение.

Вообще, я больше всего боюсь глади, покоя. Когда все идет без помех, вот тогда мне становится очень тревожно. И когда мне кажется, что в команде воцаряется атмосфера благодушия, самоуверенности, я порой сознательно иду на создание искусственных в определенной степени конфликтов. Но это ни в коем случае не должно быть связанным с результатом того или иного матча: нельзя допускать, чтобы у футболистов появилась боязнь отрицательного

ЧЕМ ТРУДНЕЕ, ТЕМ ИНТЕРЕСНЕЕ

результата. Они никогда не должны видеть в глазах тренера страх поражения. Поэтому надо уметь управлять своими эмоциями, быть немножко актером.

— Но, по-моему, когда вы работаете с «золотой» олимпийской сборной, вам это умение было ни к чему: команда-то не проиграла ни одного матча.

— Кстати, и юношеские сборные команды, с которыми я работал, практически не проигрывали. В этом смысле — что касается умения извлекать уроки из поражения, не высказывая своих эмоций, — бесценный опыт я приобрел, тренируя московское «Динамо».

— Вы все-таки считаете, что, взвалив в свое время на плечи тренера олимпийской команды еще и ношу клубного тренера, поступили правильно?

— Мне не раз и не два давали понять, что поскольку я никогда не тренировал команду мастеров, то и тренер, я, значит, какой-то неполноценный. «Динамо» я принял тогда, когда команда смирилась с тем, что ее участь — из года в год биться за выживание в высшей лиге. Наверное, создав за три сезона интересный коллектив, ставший призером чемпионата страны, что-то маловерам доказали. Но главное — я сам себе доказал...

— Как правило, игроки о вас отзывались и отзываются тепло, отмечая демократизм, готовность искать компромиссы в сложных ситуациях. Но в последнее время, уже в качестве тренера первой сборной, вам пришлось принимать, насколько я понимаю, сложные, даже болезненные решения. Лосев, Лютый, Горлукович, Чередник — в олимпийской сборной эти футболи-

сты в течение нескольких сезонов были для вас «надеждой и опорой», а в новой сборной, судя по всему, места им не найдется, хотя все они по-прежнему играют за клубы.

— К сожалению, личные симпатии и интересы команды — вещи редко совпадающие. Да, приходится принимать жесткие решения. Мало кто из «отставленных» уходит без обиды, да и мне чисто по-человечески эти расставания даются всегда непросто. В таких ситуациях важнее всего вот что: вся твоя предыдущая тренерская деятельность должна служить гарантом того, что руководствуясь лишь интересами дела, а не сводишь счёты с неугодишим игроком.

— Вы не очень жалуете функционеров Федерации футбола СССР, и у некоторых из них к вам накопилось немало претензий. В том числе и такая: вопросы, связанные со сборной командой, вы решаете келейно, в узком кругу, не советуясь, даже игнорируя работников федерации.

— Я бы разделил вопрос на две части. Что касается келейности... Я хорошо отношусь ко многим людям, работающим в федерации. Кто-то из них обижается, что я не прихожу советовать, не обсуждаю свои планы, хотя вроде бы и должен это делать согласно субординации. Но в этом просто нет необходимости. Рабочие моменты мы достаточно подробно обговариваем в тренерском штабе сборной команды. Отсутствие же тяги к регулярным и оживленным контактам с теми, кто в нем не состоит, — это просто свойство характера. Ведь все мы разные... А характер мой может нравиться или нет, но он сформировался, и его не переделаешь. Мы должны принимать людей такими, какими они есть.

— После того как в июле вас выбрали тренером сборной, было объявлено, что вы заключите с федерацией письменный контракт на четырехлетний цикл...

— Контракт не подписан, но ничего страшного здесь я не вижу. На словах у нас все решено, а письменный контракт — чистая формальность, дело двух-трех минут, и в этом вопросе я полностью доверяю руководству федерации.

— Честно говоря, такой ваш миролюбивый настрой — для меня открытие. Ведь первые наши интервью на посту главного тренера сборной изобиловали критическими замечаниями, адресованными прежде всего вашему предшественнику и его тренерскому штабу.

— Возможно, в пылу эмоций я и сказал тогда что-то лишнее. Определенно сказал. Следовало, наверное, быть более конкретным, потому что под обстрел некоторых общих критических фраз попадали и невиновные. Но... Я ведь выступал с критикой предшествен-

ников и тогда, когда они были у руля сборной, в том числе и в победные для них дни. Почему-то проводится мысль: в основе наших разногласий лежат, мол, какие-то личностные моменты, но я могу сказать, что личностного здесь практически нет. Разговор и шел, и идет всегда о вещах принципиальных: для меня победа любой ценой — не победа.

Может быть, я и допускал в той перепалке переხлесты, но в общем и в целом, думаю, был прав. Хотя правота моя ничего пока в нашем футболе не изменила.

— Наверное, все же что-то меняется. Взять хотя бы факт, что вы оказались на посту тренера главной команды страны.

— Это «недоразумение» я объяснил бы скорее стечением обстоятельств, ну и результатами, которых я добился в олимпийской команде, в «Динамо»... Но для изменения общего положения дел в отечественном футболе недостаточно, к примеру, прогрессивного главного тренера или президента федерации с новым мышлением. Нужно менять всю систему управления футболом.

— Ломку старых структур мы наблюдаем чуть ли не во всех сферах нашей жизни — от культуры до экономики. И пока ни к чему хорошему это не привело: старое — сломано, а до создания чего-то нового — дистанция огромного размера. В результате — хаос, безвластие...

— Но на проходившем в ноябре пленуме совета Федерации футбола СССР сделан шаг, гарантирующий стабильность. Удалось сохранить структуру проведения чемпионата страны — это главное. А внутри этой структуры надо создавать принципиально новый механизм управления — рыночный, базирующийся на мощных, финансово независимых клубах.

— Тем временем ряд наших ведущих футболистов, не дожидаясь прихода отечественного «рынка», отправились завоевывать его за границей. У вас есть какая-то концепция в отношении «иностранцев»: какими критериями вы руководствуетесь, приглашая их в сборную?

— К какому-то определенному выводу можно прийти, лишь владея информацией. Информация — мать успеха. Поэтому, вызывая «иностранцев» на сбор, анализируешь, как каждый из них проявляет себя в отношении к тренировкам, в повседневном общении.

Главная проблема — вокруг чего объединить в сборной футболистов столь разных: тех, кто уже играет в ведущих европейских клубах, других — маститых, но за рубежом пока только собирающихся, новичков, в высшей лиге и полсотни матчей не сыгравших?..

Конечно, каждый из них в составе сборной команды страны борется за результат, за рейтинг — командный и

личный, за престиж страны, наконец. Но, как показывает практика, общий язык на поле и вне его игроки находят лишь в том случае, когда в команде присутствует неосозаемый дух доброжелательности, когда каждый футболист чувствует, что в нем видят не только функциональную единицу, но и человека, на которого надеются и на помощь которого рассчитывают.

Впрочем, кажется, я чуть ли не лекцию начал читать?..

— Что ж, как говорит известный режиссер Марк Захаров, «понизим уровень разговора»... Интересно, в житейском плане при общении с теми же «иностранцами» у вас, у других тренеров проблем не возникает?

— Ну, мировоззренческих расхождений у нас нет. Деньги?.. Скажите, а кто сейчас не хочет хорошо жить, много зарабатывать? Почему это надо вменять в вину?! Общаясь с «иностранцами», я сам, кстати, начинаю на некоторые вещи смотреть другими глазами.

...Приходит вдруг футболист на обед в шортах или отчитывает горничную за то, что чего-то нет в гостиничном номере. Ты думаешь: «Что он себе позволяет?! Это же нескромно!» Хочешь сделать замечание, но в какой-то момент понимаешь, что на самом деле его, а не твое поведение — это и есть норма раскованности, норма свободы.

Бывало, раньше увидишь игрока с банкой пива — так сразу и влипешь штраф в двести рублей, а сейчас приходишь к выводу, что для футболиста выпить чистый продукт — пиво — куда лучше, чем ту же «химию» — «фанту» или «пепси-колу», которые мы ему предлагаем. Другое дело, что каждый должен знать свою норму...

— Анатолий Федорович, в таком случае расскажите в духе «раскованности и свободы» о вашей частной жизни — семье, детях.

— У меня два сына: одному — 18, другому — 15 лет. Жена — тренер по фигурному катанию. Что еще?.. Семья, конечно, — это тот оазис, где я могу расслабиться, отдохнуть, набраться сил.

У нас, вообще, не принято об этом — о частной жизни — говорить. Считается, что чем меньше о тебе знают, тем более защищенным себя ощущаешь.

— Вы не являетесь в данном случае исключением. Впечатление такое, что в свой внутренний мир вы посторонних не допускаете.

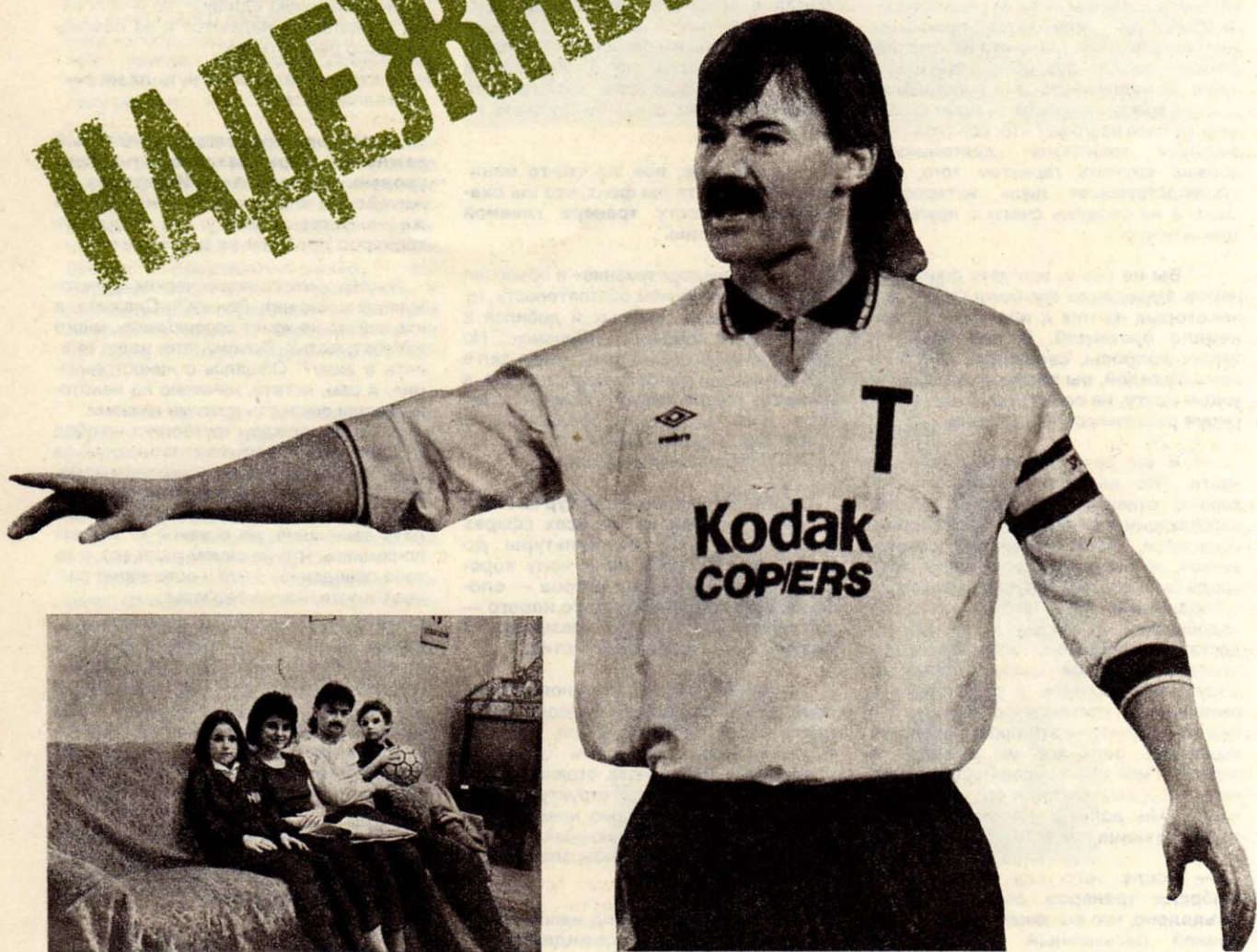
— Но мой мир — это мой мир. А вот что касается общения с журналистами, болельщиками, то здесь я практически никому не отказываю, они имеют право удовлетворить свой интерес, свое любопытство.

Всегда отдаю себе отчет: играем мы все же не только ради очков и медалей, а ради зрителей, ради людей.

Беседу вел Дмитрий ПАСЫНСКИЙ

ЭСКИЗ К ПОРТРЕТУ

НАДЕЖНЫЙ

— А я, например, уверен: с такими партнерами как Толя Демьяненко и Олег Кузнецов, я и сейчас бы в сборной сыграл. Хорошо бы сыграл, уверен.

...Александр ПОЛУКАРОВ смотрел на меня пристальным взглядом. Его небольшие, но очень выразительные глаза словно говорили: что, наверняка ведь спросишь — а почему, мол, никогда за столько лет ни один из тренеров не приглашал меня в «главную команду?»

Но я, честно говоря, не собирался спрашивать его об этом. И вовсе не потому, что не хотел царапать самолюбие. Причина здесь иная. Скорее всего, субъективная. Не знаю, кто как, но для меня все футболисты, те, что на виду, конечно, делятся на три категории. Одни (их — подавляющее меньшинство) — кумиры. О них говорят, о них пишут, на них ходят, их-то,

как правило, и приглашают в различные сборные. Другие... Их фамилии мелькнут, а затем остаются разве что в тетрадях футбольных статистиков и в ежегодных календарях-справочниках. И, наконец, третьи. Их нечасто приглашают в сборные, но они добросовестно пашут в своих командах. И тренеры этих команд ломают голову перед матчами в том случае, когда такой «пахарь» не может почему-либо выйти на поле. Вот он, Саша Полукаров, по-моему, из таких...

— Слушай, а ведь ты уже 14 сезонов в высшей лиге отыграл. Не знаю, что сейчас может похвастать таким же стажем.

— Да нет, есть ребята. — Задумывается, пытаюсь вспомнить, кто же еще. — Ну вот, к примеру, Вася Ищак в Одессе, думаю, что он по крайней мере не меньше. А может, и больше...

В прошлогоднем чемпионате капитан московских торпедовцев отыграл все 24 матча, не пропустив ни единой минуты. Невыдающееся, скажете, достижение? Может быть, и так. Но среди почти трех сотен полевых игроков основных составов команд высшей лиги, что в прошлом году появлялись на поле, аналогичное удалось еще только Олегу Ширинбекову и Геннадию Литовченко. Нет, это, конечно, не медаль, не приз лучшему игроку сезона. Но, честное слово, что-то в этом есть.

...В дубле луганской «Зари» Саша Полукаров появился, когда не было ему еще и 17 лет. А с чего началось?

— Как у всех пацанов. Где-то году в 65-м (это, значит, на шестом году жизни) потянуло к футболу. Жила-то семья рядом со стадионом «Авангард», и спрятаться от футбола нам либо ему от нас было невозможно.

— Ну и что, как у всех, — родители отвели?

— Да нет, сам пошел как-то с ребятами со двора. Меня почему-то рано тянуло к старшим. Ну, словом, пришли на стадион, нас пересчитали, разбили на две команды и предложили поиграть в маленькие ворота. Правда, не всем пришедшим повезло: отобрали примерно половину. А наблюдал за нами, увы, ныне уже покойный, замечательный тренер и человек Борис Васильевич Фомичев. Кстати, это он открыл Сашу Заварова. Потом я попал в группу Евгения Двуреченского, где ребята были постарше.

— Ну а ты-то как к ним попал?

— Но я же сказал: меня всегда тянуло к старшим. — Улыбается.

Тянуло к старшим. Это, мягко говоря, не совсем точно. Просто азы футбольных наук он схватывал быстрее сверстников. К примеру, тренировавший в 77-м «Зарию» Йозеф Сабо предложил ему сыграть в атаке. Попробовали так называемый двоянный центр. Опять-таки — со старшими — Александром Сорокалетом и Юрием Колесниковым.

— Все вроде бы получалось, но главного сделать не мог: не забивал. Помню, в Ленинграде, на приз «Недели» счет моим «взрослым» голам помог открыть Сорокалет. После его удара вратарь выпустил мяч из рук, и Саша спокойно мог забить сам, но откинул мне, знал, что рвусь.

А потом произошло маленькое чудо.

— Понимаете, Владимир Малыгин, Николай Пинчук, Александр Журавлев, Анатолий Куксов, Юрий Елисеев, Александр Ткаченко. Всех, наверное, и не вспомню, но... Но кажется, еще вчера подавал им мячи на тренировках, и вот я уже тренируюсь вместе с ними.

Ты, по-моему, забыл назвать Сергея Андреева.

— Нет, просто он ближе к моему поколению. А те, кого я назвал, они же были у нас, луганских мальчишек, настоящими кумирами. Нам казалось, что лучше, чем они, играть невозможно. Я и сейчас помню то ощущение, что охватило меня, когда вышел на первую тренировку с «основой»: будто бы все происходило не наяву, а в сказке.

В 77-м его уже несколько раз выпустили в основном составе «Зари». Как это произошло?

— Не знаю. Вообще-то тогда нас, молодых, редко выпускали. И вот теперь, спустя полтора десятилетия, думаю, что это и стало одной из причин падения «Зари». В 77-м и 78-м команда еще держалась в середине, заняла девятые места, а в 79-м мы оказались предпоследними и упали в первую лигу.

— «Заря» упала, а ты — бежать?

— Обижаете. Было совсем не так. Чемпионат 79-го еще не закончился, когда ко мне как-то подошел Николай Кузьмин, тренер-селекционер из «Торпедо», и передал приглашение от Владимира Максимовича Салькова перейти в автозаводскую команду. Понятно — Сальков ведь сам из Донбасса, навер-

няка видел меня не раз, быть может, я ему и приглянулся.

— И что, приглашение было принято с ходу?

— Да нет. Во-первых, Украина не отпустила, да и сам как-то еще колебался. В конечном счете, свою роль сыграло то, что я был в составе юниорской сборной СССР, и под вполне объективным предлогом — необходимость повышения мастерства — мне в конце концов разрешили переход.

— В первом же «торпедовском» чемпионате Полукарову не пришлось доказывать свое право на место в основном составе: в нем он сыграл все 34 матча. Обошелся без дубля, но любопытно узнать, действительно ли безоблачно проходил тогда процесс «притирки» к новым партнерам?

— Да, это так. Рядом с такими футболистами, как Витя Круглов, Сережа Пригода и Владимир Бутурлакин, я сразу же почувствовал себя «в своей тарелке». И главное не в том, что все они — отличные защитники. Я не припомню, чтобы кто-нибудь из них выговаривал мне на поле, хотя порой и было за что. Да и вообще могу теперь уже судить и по собственному опыту. В «Торпедо» это — традиция: новичок, если он действительно хочет играть в нашей команде, никогда и ни от кого не получит незаслуженного упрека. Это, если хотите, «визитная карточка» команды. И коль кто-то захочет меня опровергнуть, то только не те, кто отдавал и отдаёт себя команде целиком и полностью. Ну а «проходные» игроки были. Это из тех, кому все равно, где играть. Такие и не задерживались.

— В календарь-справочник, изданный на Центральном стадионе к чемпионату СССР 1980 года, вкралась опечатка: в составе «Торпедо» фамилия Полукарова напечатана дважды. Однако вопрос в ином: «двойной» Полукаров попал в категорию защитников. В то же время, если не ошибаюсь, уже в первых матчах болельщики «Торпедо» обратили тогда внимание на то, что в команде появился активный полузащитник, то и дело стремившийся к воротам соперников. Как же сегодня, спустя десяток лет, можно это объяснить?

— Нет, все верно. Началу я играл в защите, хотя, как уже говорил, в «Заре» мне довелось немного поиграть и в атаке. Когда Валентин Козымыч Иванов вернулся в команду после окончания ВШТ, он предложил мне роль опорного полузащитника.

— Тебе это было по душе?

— Если честно, то нет. Но с первых же своих шагов в футболе я был привычен уважать два «закона»: выполнять тренерские установки и делать то, что нужно команде, а не то, что нравится тебе.

— И все же...

— И все же я со временем вернулся в оборону. Почему? Во-первых, ни природа, ни, увы, годы, проведенные в футболе, не сделали из меня игрока с высокой техникой. К тому же по складу, что ли, своей я больше склонен к разрушению замыслов соперника, нежели к соз-

данию собственных оригинальных решений. Вот в связи со всем этим где-то в конце 87-го — начале 88-го я, конечно при полном одобрении тренеров, вернулся в линию обороны. Этому способствовало и то, что уже где-то на сходе были Пригода и Круглов, а у меня, напротив, начал набираться кое-какой опыт.

— Последняя игра прошлого года чемпионата страны оказалась для тебя 300-й в торпедовской майке. Немало. Но могло бы быть и больше: в 85-м тебя не видели во втором круге, в 89-м увидели только во второй половине второго круга.

— Я ведь ни откоу ничего нового, если скажу, что в футболе без травм не обходится. Тем более когда играешь столько лет. Тогда, в 85-м, в товарищеском матче со сборной Алжира произошел надрыв связок. На базе, в Мячково, почувствовал боль. Поехали к великой Зое Мироновой, она посмотрела и вынесла «приговор»: «Ни в коем случае не оперировать». Пришлось на долгое время забыть о поле, чемпионат команда заканчивала без меня. Нет, не так: я прожил вторую его половину без команды. А вот в 89-м... Не знаю, но мне говорили, что то, что произошло у меня, — редчайшее явление.

А было так. Примерно за десяток дней до начала чемпионата, а первую игру мы должны были провести в Одессе, как обычно завершали подготовку к сезону в Адлере. Утро. Прыжковые упражнения. Прыгнул и почувствовал резкую боль в правом колене. Посмотрел меня наш доктор, Анатолий Семенович Прояев, начал курс лечения. День проходит, другой, но никаких сдвигов. Посидел в Одессе на матче дублеров и вместе с ними улетел в Москву.

В ЦИТО положили на обследование, сделали снимок и обнаружили... разрушение хряща...

(Потом была первая операция, вторая...)

Когда выписался из ЦИТО, поехал к друзьям на дачу. Там, спустя некоторое время, решил поиграть в теннис, нужно было проверить, насколько смогу выполнять боковые движения.

— А играть тянуло?

— Не то слово!

(Супруга Саши — Лена — воспользовалась тем, что он ненадолго вышел, шепотом: придет, бывало, домой, швырнет костыли в угол и сидит с каким-то отсутствующим взглядом, а по лицу все ясно — играть хотелось).

В августе 89-го он впервые появился в составе «Торпедо» и...

— И попал в самое «пекло»: концовка сезона, плюс игры в Кубке УЕФА, в общем, настоящую форму не обрел, сыграл средне.

— Но вы же тогда в этих восьми играх проиграли всего одну, в Харькове «Металлисту».

— Да, но на выезде не выиграли ни одной, а уж матчи с «Грассхопперсом» и вовсе вспоминать не хочется.

(Окончание на стр. 25)

СЕЛЕКЦИЯ — «ТА ЖЕ ДОБЫЧА РАДИЯ»

Валерий БЕРЕЗОВСКИЙ

Подробностей за давностью лет уже и не припомнить, но не забыть, как резанул упрек одного футбольного статистика (имя тут не играет роли, потому что упрек этот был подхвачен разногласным хором), брошенный в прессе тренером одного из клубов высшей лиги (и это не суть важно — какого, потому что в той или иной степени попенять возможно любому тренеру). Обнародованный статистиком факт сам по себе казался удивительным, поражающим, но прежде всего призывающим к раздумьям.

А все дело в том, что тренеры того злополучного клуба за один сезон (34 матча) пропустили через свой дублирующий состав... Как вы думаете, сколько игроков? И не пытайтесь — не угадаете! Без двух — сотню!

Первая мысль, которую и подхватили многие, не дав себе труда поразмыслить, была такая: какие несерьезные люди... Что это они там, в игрушки играют? Где же кропотливая забота о подрастающем поколении?

Однако в последнее время критическая мысль взяла иной уклон. То тут, то там можно услышать или прочесть,

что-де некоторые тренеры «замораживают» в дубле способных игроков, мурьжат их там по два-три года (Михайличенко, например, «мурьжили» и дольше — и таки домурьжили).

В былые времена, между прочим, действовало в качестве подзаконного акта такое правило: ежели за три сезона игрок дублирующего состава не проходил в основной, он подлежал отчислению из команды. Ищи, мол, счастья в другой или топай на производство. Должно быть, нынче, в перестроечной суете, это правило подзабыто. К счастью. Иначе тому же Михайличенко не дали бы пять лет без малого, чтобы пробиться на футбольный Олимп.

Можно привести еще десятки примеров, как не год и не два тренеры бились над «непутевыми» своими воспитанниками в дубле, бились «как орлица над орленком», а их осыпали градом попреков. То Тарана, видите ли, передержали в дубле, то Тишкова, то еще кого. А на поверку выяснилось; в самый раз выдержали, отшлифовали, закрепили класс, что один потом и доказал в «Днепре», а другой в своем родном «Торпе-

до». А иных случается, и недодерживали, торопливо, мучаясь нехваткой кадров, вводили в основной состав неподготовленными, где они быстренько угасали, не раскрывшись. Фамилии называть не буду — эти парни не виноваты.

Но — читаешь иные публикации, посвященные столь щекотливой теме, селекционно-воспитательной работе тренеров, и диву даешься. Как же легкомысленно представляют себе их авторы такой сложный и трудоемкий процесс, как селекция! Увлеченные злобой дня: кто кого откуда взял, если от кого и к кому пришел, кто заиграл, а кто не заиграл, они совершенно неоправданно разрываю неразрывные звенья в цепи «поиск — отбор — подготовка — воспитание — ввод в состав».

Многосложный процесс селекции предстает в этих публикациях чем-то наподобие известной формулы, если не ошибаюсь, Александра Македонского: «Пришел, увидел, победил». В футболе: увидел, привез, поставил. И вся недолга! Этакое что нам стоит дом построить. А как он будет стоять, уже никого не волнует. Так повелевает психология

Фото Александра ФЕДОРОВА

нашего насквозь социалистического общества.

Между тем за каждым из слагаемых приведенной чуть выше цепочки кроется осмысленный и кропотливый труд.

Скажем, поиск. Как искать нужного игрока? Как иголку в стоге сена? Отнюдь. Сравнительно недавно наши ведущие практикующие тренеры разработали и ввели в обиход такое понятие — «модель игрока». Что это такое? Коль мы уже заняли у аграриев основной термин — «селекция», позволю себе несколько грубоватое агрономическое сравнение: модель игрока — это его сортность, кондиционность, то есть та сумма качеств, без которых не может быть высокого урожая, не может быть и классного игрока.

Согласитесь, можно слыть сколько угодно техничным, но, не обладая минимальными скоростными качествами, прослыть «полотером», как иронично сами футболисты называют игроков медлительных, тягучих. С такими Большую Игру не сделать.

Можно обладать целым букетом отменных футбольных качеств, но, не имея выносливости, задыхаясь уже на исходе первого тайма, классным игроком не стать. С такими не только Игру не сделать — результаты не достичь.

Можно быть сильным и быстрым, неутомимым и азартным, но, не владея техникой приема мяча, паса или удара, нечего и думать достичь класса. С такими игроками результата еще можно добиться, Большой Игры — никогда.

Можно быть быстрым и техничным, владеть ударом, но, не имея головы, не научившись думать на поле и читать игру, действовать, скажем, без мяча (большое, кстати, место наших футболистов, приученных с детства гурьбой гоняться за мячом), о классе можно не говорить. Футбол без мысли — бессмысленный, серый футбол. Его не спасет ни азарт, ни страсть, потому что настоящий футбол — это живые шахматы.

Наконец, можно обладать полным набором всех этих замечательных качеств и не стать классным игроком, будучи по природе своей трусом или безвольным человеком, который избегает борьбы, убирает ногу там, где ее надо ставить твердо, который не в силах сыграть через «не могу» (вот пример: Игорь Добровольский только тогда и забил гол, когда стал вытраивать из себя эти негативные качества).

Этот неполный перечень модельных качеств современного футболиста (в сороковых и в иных годах, сами понимаете, модельные качества были иными, соответствующими уровню тогдашнего футбола) позволяет тренеру-селекционеру безошибочно вести поиск способных игроков. После чего наступает стадия отбора.

Отбор — далеко не лишнее звено в цепочке. Пеле, Федотовы, Круиффы, Стрельцовы, Бобровы, Марадоны, Гуллиты, Воронины — футболисты, наделенные всем комплексом перечисленных качеств, рождаются не часто. Большинство природа ущемляет то в том, то

в другом, награждая порой избранных качествами, компенсирующими недостатки. Вот тут, на стадии отбора, тренеру важно выявить все плюсы и минусы того или иного игрока, оценить его компенсирующие достоинства, определить возможность корректировки уже сложившейся модели. Сколько времени понадобится на это — день, месяц, год, два, три? Кто знает? Все сугубо индивидуально.

Поэтому, восхищаясь прозорливостью тренеров вышеупомянутого клуба, пропускавших новобранцев через конвейер, я все же склонен отдать дань таким терпеливцам, как В. Лобановский или В. Иванов, которые годами корпели над приглянувшимися им игроками, доводя модель до совершенства. Это уже из области подготовки, шлифовки — как на курсах повышения квалификации, которые у нас почему-то на удивление скоротечны, словно сработаны для галочки. Но наши футбольные тренеры работают ведь не для профформы.

И именно на этой стезе их привычно ждут наибольшие потери, наибольшие разочарования. Зачастую труд нескольких лет уходит дымом в трубу. Нередко сказывается «сопротивление материала»: талантливый парень сворачивает на дорогу, «что протоптанной и легче», поддается искусству беззаботной жизни, просто запивает, что в наших условиях одновременно так сложно и так легко. Но не о них речь.

Чаще всего перед тренерами возникают проблемы чисто творческие. А иной раз — просто фатальные. Как-то довелось прочесть, что в дубле киевского «Динамо» форменным образом «сгноили» талантливых футболистов — Пасечного и Черникова. Оставляю на совести авторов их неосведомленность или (не могли же сны, берясь за такую тему, не знать всей правды?) их нечистоплотность. Выступаю свидетелем: четыре года готовили в дубле Пасечного, три — Черникова, и оба уже стали появляться в основном составе, когда один трагически погиб, а у второго выявились тяжелые врожденные болезни, вынудившие его оставить большой спорт. Прискорбно, но тень на клуб, на тренеров брошена. Когда же мы, журналисты, причём себя отвечать за слово изреченное, как того требуем от тренеров за содеянное?

Касаясь чисто творческих вопросов доведения футболиста до требуемой модели, не буду глубоко вникать в «лабораторный процесс», во-первых, не чувствуя себя достаточно компетентным в тонкостях этой работы, во-вторых, потому хотя бы, что творческая лаборатория тренера — это его святая святых и непосвященные в нее посвящены быть не могут. Отмечу лишь, что создание модели ведется, как правило, в двух направлениях — усиление компенсирующих качеств и становление, развитие качеств отстающих, подавленных. Не все они ставятся в равной степени: если технику передачи, скажем, или удара путем многократных повторений можно усовершенствовать, то ско-

рость, к примеру, качество более консервативное, труднее поддающееся тренингу, поскольку связано с особенностями нервно-мышечного аппарата. Примерно так же соотносятся между собой, допустим, выносливость и мышление. Хотя думать, полагаю, научить можно, для чего и практикуются в тренерской деятельности теоретические занятия, установки и разборы игр.

Под воспитанием в нашей цепочке разумеется не только становление человека. Очень точно говорил об этом по окончании прошлого сезона в интервью корреспонденту «Известий» начальник киевского «Динамо» В. Веремеев. В дубль приходят молодые люди не только из футбольных школ, где к футболу в общем-то, простите за невольный каламбур, относятся по-школьному, но и из полупрофессиональных команд, из коллективов физкультуры. О футболе мастеров, не говоря уже о чисто профессиональном футболе, который сейчас пробивает дорогу к жизни, о его содержании и режимных требованиях, о его психологии они знают только понаслышке.

Так вот, по словам Веремеева, это и есть самый трудоемкий процесс в становлении классного футболиста — привить ему психологию, навыки и мироощущение профессионального игрока. На это-то и уходят годы. И чаще всего тот или иной футболист не выдерживает испытания не в силу своей модельной недостаточности, а из-за невозможности психологически достичь профессионального потолка.

Ответ велик. Селекционную (равно как и тренирующую, воспитательную) деятельность наставников наших команд можно сравнить, пользуясь образом поэта, с добычей радия — «в грамм добыча, в год труды». И это естественно. И не надо рвать на себе волосы по поводу того, что-де в одном клубе пропустили через конвейер дубля почти сто игроков (вполне допускаю, что по двум-трем матчам можно выявить бесперспективность игрока) или что в другом дубле потратили на талантливого парня два-три года, пять лет, чтобы явить миру Мастера. И не надо домыслов по поводу якобы низменных целей того или иного тренера, якобы стремящегося «погубить» способного игрока. Тренер себе не враг — себе и своей команде. Он будет счастлив видеть воспитанный им талант в составе. Ну а уж если кому не найдется в ней места, отпустит — нет, не с легким сердцем — в другую. Примеров тому не счесть.

Последнее звено в селекционной цепи — ввод в основной состав подготовленного в дубле игрока, собственно, уже выходит за рамки нашего разговора о селекции. Это тема специального исследования, к которой, надеюсь, мы еще вернемся. Как и к теме дубля как такового. Поскольку на новом витке развития футбола он в своем нынешнем виде уже не во всем отвечает профессиональным требованиям. На этот счет у тренеров и специалистов есть дельные предложения...

Думается, мой собеседник Иван ЕДЕШКО в особых представлениях не нуждается. Герой Мюнхенской олимпиады — те знаменитые три секунды до сих пор будоражат спортивный мир. И сегодня, спустя почти два десятка лет, американское телевидение берет интервью у главных героев того мюнхенского финала: нашего Ивана Едешко и американца Дага Коллингза.

В 1974 году в составе национальной сборной Едешко стал чемпионом мира в Сан-Хуане, а в 1976-м бронзовым призером Олимпиады в Монреале. Когда сборную возглавил Александр Гомельский, Ивана, как «человека Кондрашина», из сборной сначала вывели, но потом пригласили вновь, и к своей и без того не бедной коллекции он добавил золотую медаль чемпиона Европы-79 и серебряную, привезенную с чемпионата мира 1978 года, разыгранного на Филиппинах.

Мне довелось работать с Едешко в пресс-центре Олимпиады-80, прекрасно помню, как переживал он тогда неудачу своих товарищей по сборной. И сейчас говорит: «Думаю, и я б тогда пригодился, да что там, после драки кулаками не машут».

Потом Едешко работал с молодежной сборной страны, помогал Александру Гомельскому тренировать национальную сборную, ту, которая в 1982 году в Колумбии в последний раз добыла для нашего баскетбола «золото» чемпионов мира.

Мне все это было хорошо известно, поэтому наш разговор начался с... Гвинеи-Бисау.

— Тут и впрямь есть о чем поговорить. Принимая предложение поехать в Африку, считал: «Через два-три года уйдут те, с кем выступал на площадке, — нелегко ж командовать ровесниками с тренерской скамейки, да и опыта на ней поднаберусь, пусть и в чужих краях, а затем...»

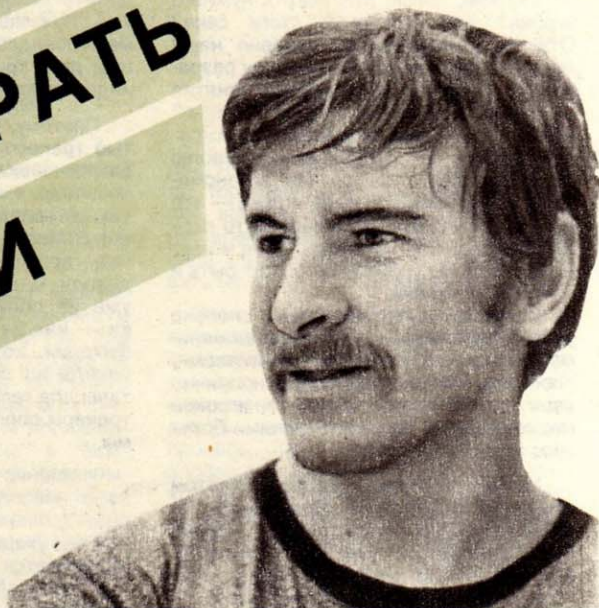
Теперь вижу: если и не пропали те три года даром, то ничего и не прибавили мне в тренерской квалификации.

— Я слышан об условиях работы в так называемых слаборазвитых странах от ваших же товарищей, сегодняшних помощников в клубе Станислава Еремينا и Евгения Коваленко, они поведали об этом и читателям «Спортивных игр». И все же трудно понять, почему наши коллеги, например американские тренеры, даже малоизвестные, получают в тех же странах и за ту же работу вознаграждение в добрый десяток раз больше, чем получили вы, знаменитые в баскетбольном мире люди.

— Так то американцы, люди свободные, вольные распоряжаться собою сами. Я же считался в командировке, в должности, правда, какой уж и забыл, что-то по техническому обслуживанию вертолетов. Помните о «бездомной помощи развивающимся странам»?

Ну а нам, специалистам, платили теми же, как теперь их модно называть, деревянными рублями. Заикнись только

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

о контракте, скажем в посольстве, выслали б из страны в 24 часа. Я попробовал на площадке заниматься с ребятами из нашей колонии, на тренировки приходили и иностранцы. А это уж были «лишние контакты». Так что меня не раз пытались отправить домой, да мои новые темнокожие друзья вступались.

По возвращении в ЦСКА вновь пошел в помощники к Александру Гомельскому в сборную СССР, а потом и вторым тренером в ЦСКА к Юрию Селихову. Никак не скажешь, что это были мои лучшие годы. Распространяться не хочу, но общего языка с Селиховым мы не нашли. С Беловым работалось лучше, он совсем другого склада человек, чем его предшественник, хотя, признаюсь, то, что мне оставалось при распределении тренерских обязанностей, удовольствие доставить не могло.

Помогло сознание, что ты кому-то нужен, что и административные функции надо кому-то выполнять, если хочешь, чтобы твоя команда стала чемпионом страны.

— Прекрасно помню, что вы должны были ехать и на Олимпиаду в Сеул...

— Все шло к тому. Но на последний сбор меня не вызвали, в Сеул поехал Селихов. Правда, за участие в подготовке команды мне потом все-таки вручили медаль «За трудовую доблесть». Впрочем, ворошить все это сейчас не хочется.

— Ну хорошо, вы наконец главный тренер первой команды нашего баскетбола. А я вот не могу избавиться от сознания какой-то странности, что ли, решения, принятого вашим предшественником. Оставить

клуб-чемпион ради заштатной, пусть и в Италии, команды...

— Я его несколько не осуждаю. Во-первых, в Италии нет заштатных команд. Во-вторых, Белов давно хотел попробовать силы за рубежом. Но то его Госкомспорт не пустил: «Что ж ты нашим соперникам помогать будешь», то сложности с армейским начальством мешали. И раз Сергей решился тренировать команду второй группы национального чемпионата Италии, это его дело.

Но, думаю, не последним поводом к его отъезду послужила и нынешняя обстановка в клубе. Не помню другого такого момента, в какой попала наша команда сейчас. По разным причинам она потеряла Владимира Ткаченко, Сергея Тараканова, Андрея Лопатова, Сергея Полова, Валерия Гоборова, Игорса Миглинкекса, Карлиса Муйжниекса, то есть всех тех, на ком и держалась.

Почему так уверенно выиграли мы последний чемпионат страны? Да потому, что ветераны выходили на каждый матч как на последний, играли подчас даже сильнее, чем в лучшие свои годы. Причина ясна: хотели подороже «продать» себя — один в Испанию, второй в Германию, третий во Францию, четвертый в Турцию. Рядом с ними не желали отставать и молодые, старались доказать, что и они не лыком шиты. Была жесткая конкуренция на каждое место в каждом матче, в ней и были добыты золотые медали.

А что мы имеем сегодня? Едва дюжину игроков в основном составе и, понятное дело, почти никакой конкуренции за место в нем.

Нет у ребят стимула. Баскетболисты, зачисленные в штат, зарабатывают

у нас двести восемьдесят — триста рублей в месяц. Но кого сегодня удивит такой суммой, скорее, она сниходятельную улыбку вызывает. Еще бы: даже в первой лиге есть команды, где платят по тысяче в месяц. Чего далеко ходить, на нас этак свысока поглядывали игроки из команды «Шахтер» города Нерюнгри, когда мы играли с ними в предварительном турнире нынешнего чемпионата. В этой команде новички, похоже, получают раза в два больше наших лидеров.

— И все-таки не хочется думать, что оскудела талантами армейская баскетбольная нива. Помните, Сергей Белов много ждал от Дмитрия Минаева, Георгия Резцова...

— Я тоже считаю их весьма перспективными. Но, повторяю, даже большой талант скорее раскрывается в условиях конкуренции. А если паренек знает, что его нечем заменить, выкладываться не будет. Таковы плоды нашего воспитания молодых — не по годам рациональны они сегодня.

— Словом, уже знакомое: «Будем брать»? И опять ЦСКА все будут склонять...

— ...И знакомые перепевы последуют: ЦСКА, дескать, в своей спортшколе никого не растит, только со стороны берет. Но на кого тогда работать СДЮШОР Тимирязевского, Фрунзенского, Советского районов столицы? Да и берем мы не «за так». Теперь, извините, бесплатно ничего не делается. Каждый выпускник спортшколы обходится клубу от семи до одиннадцати тысяч рублей. Кстати говоря, установилась «твердая цена» и на взрослых баскетболистов: двадцать пять тысяч, а «сборники» стоят дороже — пятьдесят.

Едешко нелегко было разговаривать, но когда это удалось, то и остановиться оказалось непросто — много у него накопилось. Например, о то и дело меняющейся, но от этого не становящейся лучше системе проведения наших чемпионатов.

— Кому был нужен предварительный турнир, на матчи которого ходили лишь родственники игроков да по обязанности — специалисты баскетбола? В неизбалованном зрелищами Нерюнгри на нашу встречу в первый день зрители еще пришли. Но увидев, что игра, как говорится, идет в одни ворота, на завтра потеряли к ней всякий интерес.

В Новосибирске публика искушенная, так что и на первом матче была всего лишь сотня болельщиков. В Киеве и того меньше, я не поленился посчитать: сорок восемь человек. А ведь шел матч ЦСКА — СКА, команд, столь богатых традициями.

Так для кого играем? И где? В Новосибирске в зале, где судейский столик едва не на площадку поставили, а в Киеве он и вовсе на площадке стоял. Как это жалкое зрелище контрастирует с праздниками, в которые выливаются матчи команд НБА с их пятнадцатую-восемнадцатую тысячами зрителей! И кому в конечном счете нужен такой вот наш чемпионат?

Ну зачем изобретать велосипед? Не

под силу найти самим наиболее рациональную формулу, возьмите за образец зарубежную — чего уж нам кичиться, и так многое берем. Ну вот, скажем, система итальянских чемпионатов. Устоявшаяся, многолетняя, проводится по группам, в каждой из которых восемь команд. Не буду здесь излагать подробности, главное, что каждая из двадцати четырех команд (всего их тридцать две) теоретически может стать чемпионом страны, не пробиваясь через такие немислимые барьеры, какие ставятся перед нашими.

И справедливо возмущался Анатолий Мышкин («Спортивные игры» № 11, 1990 г.): нас, тренеров, выслушают на федерации или в отделе баскетбола, но решение-то примут все равно келейно, нам же преподнесут готовенькую формулу очередного чемпионата. Да такую, что хоть стой, хоть падай.

Да и есть ли у нас, баскетболистов, федерация? Временами я начинаю в этом сомневаться. Разве не смешно было, когда председателем у нас выбрали человека, в ту пору работавшего... в Испании. Ну ладно, Александр Гомельский приехал, возглавил федерацию и сделал столько, что дай бог каждому.

Но вот сейчас, на момент нашего разговора, президент вновь уехал работать за рубеж, на этот раз во Францию. И кто, как будет проводить теперь матчи «Восток — Запад», устраивать баскетбольные шоу и т. д. И что такое без него федерация, если и ему-то нелегко было ее раскатать?

Давно пора поставить этот орган на твердую, профессиональную основу. В федерации должны работать штатные, платные, а значит, не зависимые от Госкомспорта люди.

Я слушал, соглашался, но знал, что разговор наш непременно должен вернуться к ЦСКА. Так оно и случилось, вернулся. Правда, через Сизтл.

— У многих, если не у большинства наших соотечественников, сложились весьма превратные представления о жизни спортсменов, те, мол, как сыр в масле катаются.

Вспоминаются Игры доброй воли в Сизтле. Тэд Тернер устроил там для спортсменов-участников просто феерический банкет. Среди приглашенных гостей из нашей делегации были и депутаты разных уровней. Я обратил внимание на широко открытые глаза некоторых из них, в которых нетрудно было прочесть: «Страна едва не голодает, а спортсмены, разъезжая по разным странам, черной икрой питаются».

Что тут скажешь? Будешь оправдываться, что не из одних банкетов состоит спортивная жизнь? Можно бы и мимо пройти, да такие настроения наверняка и на решения о развитии спорта, принимаемые в разных высоких инстанциях, влияют. Чем еще объяснить, что и так называемый массовый спорт оказался у нас в загоне, и на весь спорт вообще какие-то копейки выделяются, зато клубы и спортсооружения непомерными налогами облагают?

Но вернемся к баскетболу. Что чемпионат наш убыточный, наверное, ясно каждому. Не имей мы коммерческих поездок, не знаю, как и существовали бы команды. Такой клуб, как наш, должен зарабатывать деньги сам. Он и перешел на самостоятельный хозрасчет. Но вот о чем стоило бы задуматься. А под силу ли даже такому гиганту, как ЦСКА, содержать секции и команды по тридцати восьми видам спорта?

В сегодняшней обстановке едва ли. Доход-то приносит лишь четыре-пять из них. Так какой смысл содержать явно убыточный батут и пусть модный, но не менее убыточный бейсбол? Для отчета? Вот, дескать, какие мы, знай наших!

Ведь что значит «содержать»? Не только зарплату платить спортсмену, но и квартиру ему дать, о его семье позаботиться. Я прекрасно понимаю затруднения начальника ЦСКА, когда приходит к нему олимпийский чемпион по санному спорту с просьбой о квартире, а тут и я со своей просьбой о квартире для нового центрового. С одной стороны, олимпиец, с другой — безвестный, вытянувшийся вверх парень. Но мне-то, команде моей, этот акселерат нужен до разреза.

— Так не выход ли тут в самостоятельности, в хозрасчете не всего громадного ЦСКА, а только его баскетбольного клуба? Примеры ведь есть — хотя бы киевский «Будивельник».

— Увы, армия и «гражданка» — это как день и ночь. То, что позволено «Будивельнику», едва ли позволят нам. Мы, баскетболисты, едва начали зарабатывать деньги коммерческими поездками, так даже у своих, в армейском финуправлении, этакую черную зависть вызвали: «Эти валюту гребут, а тут...»

Однако я-то прекрасно знал, что мой собеседник вовсе не так прост. На эту встречу с ним в спортзал ЦСКА я приехал пораньше. В тренерской уже был кто-то из администраторов, когда вошел Едешко. И сразу, с порога: «Как решился вопрос? Подписали?»

«Кажется, вот она и разгадка, почему так трудно было «поймать» Едешко для этого интервью, почему так загадочно отвечали по телефону его домашние: «Ведет переговоры». «У него сегодня подписание».

С кем переговоры? Что подписывает? — все это интриговало.

Но и наша встреча мало что прояснила. Едешко, правда, на радостях обронил: «Мы (имелась в виду команда) сейчас отхватили такую сумму, что и всему клубу не снилась», но тут же спохватился, то ли коммерческую тайну не хотел выдавать, то ли на свое клубное начальство оглянулся.

Что ж, все правильно, время сегодня такое: раз в стране денег нет, надо выбирать самим. Как сказал мой собеседник: «Время собирать камни». Впрочем, когда вы будете читать эти строки, скрытое от меня наверняка уже перестанет быть секретом.

Интервью провел Виктор ФЕДОРОВ

«НЕ

МЫ

ВЫБИРАЕМ —

НАС

ВЫБИРАЮТ»

В разное время мне доводилось беседовать с такими великими баскетболистами, как Сергей Белов и Иван Едешко. Потом были Юрий Селихов и Владимир Ткаченко, Сергей Тараканов и Андрей Лопатов. Давали интервью Анатолий Мышкин и Виктор Петраков, Хейно Энден и Игорс Миглиниекс, Станислав Еремин и Евгений Коваленко

Читатель, знакомый с баскетболом, уловил, наверное, особенность этого ряда? Да, все игроки одного клуба, или, как модно теперь говорить, суперклуба, — ЦСКА. И только до Виктора БЕРЕЖНОГО «руки не доходили». Сначала казалось: рано ставить его в один ряд с теми, что названы выше. Но вот он уже и игрок сборной, вот и на первые роли не только в клубной, но и в главной команде страны вышел, того и гляди в какой-нибудь зарубежный клуб отправится — ведь как-никак подошел к 30-летнему рубежу. А все брали смена.

Нет, не в его кандидатуре дело, а лишь в том, что уж больно замкну-

тым, не для откровений рожденным казался этот человек. Опасения мои не рассеяла и очаровательная жена Бережного Наташа, когда встретила меня в своей квартире стандартного 16-этажного гиганта на улице Яблочкова:

— Откровения и Виктор? Это несовместимо. Из него клещами все приходится вытягивать.

Я быстро убедился, что если Наташа и преувеличивала, то не очень. Многое мне приходилось домысливать, о многом догадываться, но портрет Бережного вырисовывался все яснее.

Родился он в семье двух мастеров спорта по баскетболу. Отец, Виктор Бережной, играл в киевском СКА, потом в днепропетровской «Стали». Мать, Нина Остапенко-Бережная, — в киевском «Динамо». Знатоки со стажем помнят ее и по выступлениям за сборную СССР. Неудивительно, что сыну путь в баскетбол был, что называется, на роду написан. Киевский спортинтернат, потом выбор: «Строитель» или СКА? Посчитал, что в СКА меньше будет сидеть на скамейке.

Рассчитал правильно: в СКА быстро вышел на первые роли.

Помогла и школа, какую прошел в юношеской и юниорской сборных страны. В пору, когда рядом с Виктором там выступали Александр Белостенный и Вальдемарас Хомичюс, Николай Дерюгин и Хейно Энден, эти команды не знали поражений на своих чемпионатах Европы.

В общем, сегодня передо мною сидел мастер спорта международного класса, двукратный чемпион СССР, второй призер чемпионата мира и третий — Европы. Человек, умудренный и жизненным и игровым опытом. Предисловия были не нужны.

— Переходы игроков в ЦСКА всегда вызывали много разговоров. А конкретно за переходы Бережного и Владимира Горина, помнится, тренерам ЦСКА пришлось «оправдываться» перед читателями «Спортивных игр»...

Внешне мой и Горина переходы, возможно, выглядели некорректно. Но для меня лично приход в ЦСКА, как бы это сказать поточнее, оказался органич-

ным, естественным, что ли. Он был подготовлен всем ходом моей баскетбольной карьеры.

Александр Гомельский к тому времени уже несколько лет кряду брал меня в сборную страны. Но как-то так получалось, что при отъезде на европейский или мировой чемпионаты я неизменно оказывался в списке тринадцатым. Баскетболисты знают, что это не просто несчастливый номер, он выводит кандидата «за штат» — ведь на чемпионат едут двенадцать игроков.

Я же чувствовал, что способен на большее. Сил было много. А приглашения? Были и они. От ЦСКА, от других клубов. И в 86-м я решился принять цезсковское. Тем более что из команды собрались уходить Саша Волков и Валера Тихоненко. В самом же клубе я хорошо знал практически всех ребят. Иных — по национальной сборной, Сергея Попова, например, еще по юниорской, Александра Гусева и Александра Мелешкина — по той команде, что выступала на ныне уже тихо скончавшихся Спартакиадах дружественных армий.

Словом, переход выглядел вполне естественным. Да и сама акклиматизация в нашем суперклубе прошла без проблем.

Мой собеседник не говорит об этом прямо, приходится кое-что додумывать за него. Яснее ясного, что из столичного ЦСКА дорога в сборную куда прямее, чем из провинциального СКА. Особенно когда тренер сборной еще и сам цезковец.

— В оппозициях не состоял? — перешел я на анкетный язык. — В ЦСКА того времени в них, как и во всякого рода пертурбациях, недостатка не было...

— Возможно, это покажется странным, но все они прошли как-то мимо меня. Да и не забудьте: это же армия, где приказы не обсуждаются. По крайней мере, так было в ту пору. Естественно, смена тренера не могла остаться незамеченной и для нас, игроков. Но здесь ни я, ни мои товарищи по команде никакой роли сыграть не могли. В одно прекрасное утро нас выстроили на площадке, вышел кто-то из большого армейского начальства и объявил, что с сегодняшней тренировки с нами будет работать новый тренер Сергей Белов. Вот и вся недолга.

А мое личное отношение? Да кого оно теперь интересует, если и тогда-то ровным счетом никого не интересовало. Селихова я знал еще по юниорской сборной. Что бы ни говорили, но Юрий Геннадьевич — это величина в тренерском мире.

Белов с первого же дня «загрузил» нас так, что многие начали роптать. Но стали выигрывать матч за матчем — замолчали. Так что до «бунтов на корабле» все эти тренерские перестановки не доводили. Через труд преодолевали и недовольство Беловым, если оно у кого было. Я, во всяком случае, знал одно: мы идем вверх, а значит, все средства оправданы.

— А как команда встретила

неожиданный шаг своего наставника? Белов же предпочел ей никому не известный второразрядный итальянский клуб. И это в тот момент, когда ЦСКА после отъезда за рубеж почти всех ведущих игроков оказался в очень трудном положении.

— Я был бы последним из тех, кто бросил бы в него камень. Его выбор есть его выбор.

— У меня такое впечатление, что в сборной ты задержался в малоприятной для спортсмена позиции — за спинами лидеров. На мой взгляд, ты «созрел» для сборной значительно раньше. Что и доказал своей игрой на чемпионате Европы 1989 года в Загребе, хотя там еще выступали и все наши звезды: Арвидас Сабонис, Шарунас Марчюленис и все «иже с ними»...

— Что тут скажешь? Может, я не подходил Александру Гомельскому своим характером либо — что скорее всего — игрой, а новому тренеру Владасу Гарастасу подошел. Ведь взял он меня в Загреб без всяких колебаний, «несчастливое число» было забыто начисто.

Но если уж совсем откровенно, то я и раньше считал, что не слабее других игроков сборной, а кое-кого и сильнее. Да что ж было делать: не мы выбираем — нас выбирают.

Вот уж истинная правда. Снайперских качеств Бережному не занимать. Играв в киевском СКА, он едва ли не в одиночку прямо-таки «заваливал» корзины соперников. В ЦСКА пришло «делиться» с другими, снайперов было предостаточно. Но и здесь его «лицевые счета» выглядели очень внушительными практически во всех матчах.

Не робел он и в сборной. Но в ту пору больше доверяли проверенным: Куртинайтису, Хомичюсу, Тараканову, не говоря уж о великих: Сабонисе да Марчюленисе.

— Когда же именно утвердился в сборной, почувствовал наконец и себя лидером?

— Пожалуй, как раз на площадке чемпионата Европы-89. Увы, такой несчастливой для нас. Кстати, о том, что произошло в Загребе, ходило немало слухов. Я же и сегодня не считаю, что кандидаты на отъезд за рубеж старались больше себя показать, дабы повысить «продать» менеджерам, заполнившим трибуны, чем об интересах сборной заботились. Не хочу верить, что ребята шли на это.

Когда выходишь на площадку, ты уже весь во власти игры, забываешь обо всем привходящем, ты до конца захвачен борьбой.

— Ну что ж, блажен, кто верует. Да и те события стали уже достойным историей. Сейчас у всех на слуху иная сенсация: привезя из Буэнос-Айреса серебряные медали чемпиона мира, наша сборная не попала на чемпионат европейский. И это за все время участия в таких чемпионатах, это наряду с тем, что столько раз побеждала в них! Ты уж прости, но тут и с тебя спрос.

— Удар оказался тем болезненнее, что ни у кого не было и тени сомнения в нашем участии в финале. Один черный день может выпасть у каждого, но два кряду — это уж чересчур. Никогда мы не играли так плохо, как в Тель-Авиве с хозяевами и в УСЗ ЦСКА с французами. Мальчики для битвы, да и только!

— Скоро, наверно, и тебе предстоит надеть форму какого-то из зарубежных клубов. Не прокомментируешь ли такой очевидный факт, что в решающем матче с французами из рук вон плохо сыграл Валерий Тихоненко, лидер и капитан нашей сборной. Не потому ли, что мысли его были в Алма-Ате, куда он летел в тот же вечер к семье, а еще через день-два его ждал уже испанский клуб?

— Вы правы, Валера сыграл, наверное, худший свой матч. Но, видно, не за просто так платят денежки в профессиональном баскетболе. Усталость заметна была у Тихоненко еще на площадке Тель-Авива. А кошмарный перелет оттуда в Москву через Амстердам и ночное одение в аэропорту последнего (ох, уж эти извечные неувязки функционеров из Госкомспорта), понятно, не прибавили бодрости ни нашему капитану, ни всем нам.

Ну а непосредственно об этих злополучных матчах... Я ночами не спал, хотел доискаться, да так и не нашел ответа, почему же мы все-таки их проиграли.

— Но, может, вопрос надо ставить шире: разваливается все наше баскетбольное хозяйство? Вы, игроки, не можете же не чувствовать этого?

— Еще бы! Сейчас говорят: «Вот были Сабонис, Ткаченко, Марчюленис, Волков, на них и ходили». А я так вовсе не уверен, что сегодня и на них бы пошли. Как не пойдут и ни на кого другого, будь он и суперзвездой. Людям стали не до зрелищ.

Выходишь на площадку, видишь пустые трибуны и невольно задаешься вопросом: «Для кого играем?»

— В общем, одна дорога — за рубеж?

Вопрос был чисто риторическим. Я прекрасно знал, что в приглашениях в иностранные клубы у Бережного недостатка нет. И задержался этот «последний из цезсковских могикан» лишь потому, что просили его остаться хоть на год, помочь осиротевшей после отъезда сразу четырех ведущих игроков команде.

Уходили мы вместе, Виктор — даже не отдохнув после тренировки. Сменил только спортивную сумку на хозяйственную. Наташа наказала ему купить «чего-нибудь» в магазине. «Молочка побольше», — крикнула вдогонку, уже с балкона. А потом добавила: «Если будет, конечно».

Слышал бы этот разговор, скажем, Марчюленис. Да, да, тот самый, Шарунас, который, поиграв всего годик в НБА, готов был чуть ли не на корню свою бывшую «Сатибу» купить. Так можно ли винить тех, кто уже уехал или собирается уехать играть за рубеж?

Интервью провел Виктор ПУГАЧЕВ

Экспансия или интересы спорта

Сергей ГУСЬКОВ

Одна из наиболее важных тенденций современного этапа развития профессионального спорта в США состоит в его интернационализации, в расширении сферы его бизнеса и влияния. Говоря об этом, мы имеем в виду Национальную баскетбольную ассоциацию (НБА), Главную бейсбольную лигу (ГБЛ), Национальную футбольную лигу (НФЛ) и Национальную хоккейную лигу (НХЛ).

Вплоть до 1988 г. деятельность всех североамериканских профессиональных лиг по игровым видам спорта, за исключением НХЛ, ограничивалась внутренним рынком. Правда, команды лиг и по баскетболу, и по бейсболу, и по американскому футболу предпринимали ежегодные выезды в страны Европы и Азии с показательными играми. Но эта политика практически не приносила доходов.

Начиная с 1988 г. в структуре всех названных выше лиг произошли серьезные изменения. Появились новые подразделения, связанные с маркетингом на международном рынке, с осуществлением собственных международ-

ных программ, начали создаваться новые лиги в Европе.

Каковы же причины наметившейся тенденции в деятельности НБА, ГБЛ и НФЛ?

Прежде всего — это желание руководителей лиг расширить источники своих доходов. Как известно, руководящие органы этих лиг являются, согласно их уставам, неприбыльными, или, как их называют в США, «нон-профит организациями». Основной источник их бюджета — отчисления команд от продажи билетов. Штаты сотрудников в штаб-квартирах растут, увеличивается и их заработная плата. Это требует дополнительных средств. А руководители лиг в принципе не хотят решать этот вопрос путем увеличения процентного отчисления от продажи билетов, что поставило бы их в еще большую зависимость от владельцев команд.

Сегодня в структуре НБА помимо традиционной штаб-квартиры лиги появились новые подразделения, имеющие статус самостоятельных организаций. Это «НБА Пропертиз», «НБА

Интернэшнл» и «НБА Интертейнмент», где работают около 250 человек.

В отличие от «НБА Пропертиз», занимающейся национальным рынком, поднятием интереса у американских компаний к НБА и укреплением имиджа баскетбола в сознании американцев, «НБА Интернэшнл» занимается международным рынком. Причем основным направлением в этой деятельности является продажа телеправ на трансляцию матчей команд НБА зарубежному телевидению, организация показательных матчей и турниров за рубежом с участием американских команд, издание баскетбольных журналов в ряде стран Европы. Так, в Италии выходит журнал «Супер Баскет», в Испании — «Баскет 16», во Франции — «Макси Баскет».

Баскетбольные матчи команд НБА транслируются сегодня в 76 странах мира, включая и нашу страну. Так, в Италии транслируется — 60, во Франции — 40 и в СССР — 14 игр в год. Доход от продажи прав на их трансляцию составляет пока 8 млн. долларов. Ожидается, что к середине 90-х гг. этот доход увеличится до 25 млн. долларов. Отметим, что комиссар НБА Дэвид Стерн понимает, что в этом вопросе главным является не столько доход от продажи телеправ, сколько от американских фирм-рекламодателей, так как такие трансляции являются одним из эффективных путей рекламы их товаров на зарубежном рынке. Особую активность в этом направлении проявляет фирма «Макдональдс», организовавшая в 1988 г. специальный открытый турнир с участием команд США, Испании, Италии и Франции. Проявляют интерес к телетрансляциям игр НБА и такие фирмы, как «Кока-Кола», «Мастер Кард», «Марс Инк», «Америкэн Эйрлайнс». Заинтересованы в этом и фирмы «Конверс», «Найк» и «Рибок», производящие баскетбольную обувь. Так, фирма «Конверс», имеющая лицензию НБА на продажу баскетбольной обуви с ее эмблемой, в 1989 г. имела вне США доход в 50 млн. долларов.

Огромную роль в интернационализации сыграло решение МОК о допуске профессиональных спортсменов на олимпийские игры, принятое в 1988—1989 гг. и касающееся хоккея и баскетбола. Думается, что Международная федерация бейсбола примет аналогичное решение и в отношении бейсболистов-профессионалов.

Особенно наглядно политика интернационализации проявляется в деятельности НБА. Главным проводником этой идеи является комиссар лиги Дэвид Стерн. Кстати, он является сегодня одним из самых высокооплачиваемых спортивных бизнесменов — руководителей в профессиональном спорте. В 1989 г. совет управляющих лиги определил его зарплату в размере 3,5 млн. долларов в год, выдав ему при этом премию в размере 10 млн. долларов. И все считают, что это заслуженно. За последние 5—6 лет доходы НБА выросли более чем в 2 раза и составляют около 500 млн. долларов в год.

Несомненно, одним из мотивов активизации деятельности НБА на международном рынке является приток зарубежных баскетболистов в команды лиги. В настоящее время в 27 командах выступают баскетболисты из 13 стран.

По мнению американских обозревателей, не последнюю роль в этом процессе сыграло появление кабельного телевидения в Европе и создание в Западной Европе специализированного спортивного телевидения. Так, в Великобритании появились семь новых телестанций, начали функционировать спортивные телеканалы — Евроспорт, Скэнсэт, Скай.

Национальная футбольная лига пошла даже дальше. Она санкционировала создание новой лиги — сателлита в Европе. Кроме того, в Великобритании футбольные матчи НФЛ по субботам будут транслироваться в прямом эфире.

Прежде чем пойти на создание новой лиги в Европе, НФЛ в течение последних четырех лет проводила предсезонные игры в Лондоне, Токио, Берлине, Монреале. Сегодня в европейских странах насчитывается более 50 тыс. игроков в американский футбол, в командах НФЛ играют уже 10 иностранцев.

Новая лига по американскому футболу, названная Мировой лигой американского футбола, стартует в 1991 г. В ней помимо 6 североамериканских команд есть и 4 европейских — из Барселоны, Франкфурта, Лондона, Милана. Руководители лиги не скрывают своего желания иметь в ней и советскую команду. В создании североамериканских команд участвовали 26 владельцев команд НФЛ. Президент новой лиги — бывший владелец команды «Даллас Ковбой» Т. Шрамм. Поэтому и рассматривается Международная лига, в которой будет играть около 500 футболистов, как фарм-лига для НФЛ. Каждой команде руководство НФЛ предоставило кредит в 200 тыс. долларов, а участвующие в деле 26 клубов НФЛ добавили по 50 тыс. долларов. Свои игры новая лига будет проводить весной после окончания сезона НФЛ: с 23 марта по 9 июня, каждая команда сыграет по 10 игр.

Эй-би-си заключила 2-летний контракт с лигой на показ ее игр в США по воскресеньям, «Ю-Эс-Эй» — по субботам и понедельникам.

Почему стало возможным создание этой лиги? Причин две. Прежде всего эта лига не является конкурентом НФЛ. Она рассматривается как резерв для пополнения команд НФЛ, зарплата в которых примерно в 5—6 раз выше, чем будет в Международной лиге. Кроме того, за последние 5 лет резко возрос доход НФЛ, и она в состоянии поддерживать свое детище. Новый 4-летний телеконтракт, подписанный НФЛ с американскими телекомпаниями на сумму 3,6 млрд. долларов, дает каждой команде НФЛ в среднем более 30 млн. долларов в год.

Интересно подчеркнуть, что игрокам команд запрещается размещать любую рекламу на своей форме. Однако разрешено использовать имя главного спон-

сора в названии команды. Например, в Милане команда будет иметь спонсора — владельца футбольного клуба (соккер), которому принадлежит 40% акций многих средств массовой информации в Италии.

Немного легче приходится руководству ГБЛ, так как, в отличие от американского футбола, профессиональный бейсбол культивируется уже в 6 странах — Австралии, Южной Корее, Японии, Тайване, Италии и Голландии.

С 1 декабря 1989 г. в лиге действует новая организация — «ГБЛ Интернэшнл». Ей предоставлено право на продажу телеправ и спортивных товаров с эмблемой лиги в зарубежных странах. Причем, как подчеркнул в беседе с нами президент этой организации Фрэнк Хефферсон, главная ее задача — не извлечение прибыли, а развитие бейсбола в мире. Особенно тесные контакты ГБЛ имеет с Японией. В ноябре 1990 г. проводилась 29-я встреча команд «звезд» ГБЛ и Японии в 5 японских городах. Причем речь идет не только о работе с потенциальным резервом для команды ГБЛ. Ее международные программы направлены и на развитие детско-юношеского бейсбола. И если мы хотим по-настоящему развивать американский футбол и бейсбол в нашей стране, следует незамедлительно наладить с этими организациями самые тесные контакты. Их интерес к развитию этих видов спорта у нас был неподдельным. Отмечу, что директор международных программ развития американского футбола НФЛ Р. Годвел в ходе нашей беседы задал нам не меньше вопросов, чем мы ему.

Появление тенденции интернационализации в деятельности НБА, НФЛ и ГБЛ несомненно связано с той большой работой, которую проделали руководители НХЛ и нашей Федерации хоккея с 1972 г. Действительно, окно в Европу в профессиональном спорте Северной Америки прорубила НХЛ. Однако сегодня в своих действиях ее руководители значительно уступают названным выше трем лигам, хотя в составе 21 команды НХЛ выступает более 50 европейских хоккеистов из Швеции, Финляндии, СССР и Чехословакии. Таким образом, число европейских хоккеистов в НХЛ составляет в 1990 г. ровно 10% от списочного состава лиг. Казалось бы, что именно НХЛ должна задавать тон в интернационализации американского профессионального спорта. Однако этого не наблюдается. В чем же здесь дело?

На мой взгляд, это объясняется значительно более слабой финансовой базой команд лиги и ее двух штаб-квартир (в Монреале и Нью-Йорке). Доходы НХЛ почти в 2 раза меньше, чем НБА. А ведь многие команды играют в одних и тех же дворцах спорта.

Нельзя отрицать, что НХЛ проводит большую работу за рубежом. Команды НХЛ начали выступать в зарубежных странах. Осенью 1990 г. две команды — «Монреаль Канадиенс» и «Миннесота Норт Старз» выступили в нашей стране. Игры на Кубок Стэнли транслируются в Финляндии, Швеции, Дании, ФРГ, Фран-

ции, Италии и Югославии. Но и «невооруженным глазом» видно, что основная цель НХЛ на международной арене — в отличие от названных выше лиг — это прибыль и поиск талантливых хоккеистов в европейских странах.

Ни для кого в Канаде и США не является секретом, что доходы от международных встреч хоккеистов НХЛ с СССР, ЧСФР, Швеции и Финляндии являлись одним из главных источников финансирования пенсионного фонда игроков лиги. По данным газеты «Торонто Стар» (8 декабря 1989 г.), только за последние 10 лет международный, и прежде всего советский, хоккей позволил увеличить этот фонд на 35 млн. долларов.

Мы никогда ранее об этом не говорили: ведь с самого начала мы ведем неравный в финансовом отношении обмен с НХЛ. Мне вспоминается серия игр в 1975—1976 гг. Я выезжал в Северную Америку руководителем делегации с командой «Крылья Советов». Две наши команды ЦСКА и «Крылья Советов» получили за 8 игр по 100 тыс. долларов плюс покрытие расходов на пребывание в Канаде и США. Но наши руководители тогда считали, что главное — это подготовка наших хоккеистов к олимпийским играм и чемпионатам мира, завоевание на них золотых медалей. Вот и приучили мы НХЛ к тому, что они делятся с нами только доходами от продажи билетов. А, как известно, небольшую прибыль они получают и от продажи телеправ на трансляцию этих игр, от лицензионной и другой коммерческой деятельности. Но делиться этими доходами они пока не хотят. Прибыль надо делиться с партнером, и НХЛ должен это иметь в виду. Вот что пишет по этому поводу Эл Страчан в канадской газете «Глоб энд мэйл» (2 декабря 1989 г.): «Никогда в своей практике НХЛ не делила доходы от суперсерий поровну с советской стороной. Правда, там отдают себе отчет в том, что не будь НХЛ, они бы не получили и этого». Отметим, что по незнанию Э. Страчан пишет, что НХЛ делится с нами и частью доходов от телевидения. А это не соответствует действительности.

Как видим, это не только моя точка зрения.

Раньше, анализируя появление такой тенденции, мы, несомненно, говорили бы об экспансии империализма, о навязывании системы ценностей «американизма» другим странам и народам. Сегодня, ближе познакомившись с профессиональным спортом Канады и США, видно, что, несмотря на наличие определенных негативных явлений в нем, о которых, кстати, много пишут в этих странах, профессиональный спорт стал одним из любимых средств развлечения американцев и канадцев. Не случайно посещаемость игр этих четырех лиг в США составила в 1989 г. около 100 млн. чел., в т. ч. ГБЛ — свыше 50 млн. чел., НФЛ — 12,6, НБА — 15,5 и НХЛ — 13,7 млн. чел. (Отметим, что посещаемость всех спортивных соревнований 1989 г. в нашей стране составила примерно 30 млн. чел., в т. ч. футбольных команд высшей и 1 лиги около 9 млн. чел.).

СКУПОЙ ПЛАТИТ

Э то стало практикой нашей работы: проводится баскетбольный тур чемпионата страны в Свердловске (ведь совсем рядом) — и туда отправля-

Тур чемпионата, закрытый для широкой аудитории

ется группа челябинских тренеров: поприсутствовать на играх команд высшей или первой лиги, побеседовать со своими старшими коллегами, почерпнуть что-то новенькое. В октябре минувшего года собирались по традиции сделать то же самое, в календаре чемпионата СССР среди женских команд значилось: Свердловск — «Спартак» (Моск. обл.), «Горизонт» (Минск), «Уралмаш» (Свердловск), «Сталь» (Днепропетровск). Было на кого посмотреть, у кого поучиться.

Однако ничего не вышло из наших намерений. Буквально в день отъезда пришлось сдать билеты. Оказывается, место проведения тура хозяевами изменено и хоть игры состоятся в городе с тем же названием, но «Федот да не тот». Нас туда не пустят — есть такие места на Урале, города-тезки, сейчас это не секрет, в газетах можно прочесть, однако, не во все из них «вход свободный».

Поогорчились несбывшимся планам, но добиваться допуска в «зону» не стали, хлопотное это дело.

Тут возник вопрос: отчего чемпионат СССР стал соревнованием, закрытым для широкой аудитории?! Регламентируют ли эти вопросы Управление спор-

тивных игр Госкомспорта СССР и федерация баскетбола?

Согласны, надо расширять географию проведения крупных турниров, осваивать новые площадки и горизонты, доставлять удовольствие людям, которые многие годы, оказавшись заложниками грозных ведомств, были фактически лишены прав «жить, как все». Так что свердловчан нельзя журить за перенос в другое место. Однако сейчас, по свежим следам того события, придается сожалеть и о другом: «Уралмаш» ведь не от хорошей жизни отказался от игр в родных стенах. Из уралмашевского манежа, где баскетбольные соревнования обычно превращались в настоящий праздник, баскетболу, оказывается, вежливо сказали: «Позвольте вам выйти вон». А старый зал, предложенный команде, в лучшем случае пригоден для тренировок, не для всесоюзных соревнований.

Казалось бы, какое дело челябинцам до свердловских проблем? «Не суй свой нос в чужой вопрос». Возможно, земляки и обидятся на нас за это. Но все дело в том, что Свердловск и для Челябинска, и для всего Урала, да и, считай, для всей России был той высотой, на которую мы всегда ориентирова-

«Позвольте вам выйти вон» из манежа

лись, брали пример и учились. Свердловская организация дела, свердловская команда, свердловские тренеры — это считалось маркой! Имидж Свердловска в баскетболе побудил взяться за

этот вид спорта всю округу. Николай Краев, Лев Решетников, Александр Кандель, Вячеслав Новиков, Сергей Белов, Иван Дворный, Станислав Еремин, Анатолий Мышкин — они были не просто свердловскими звездами, а «нашими», всего Урала!

Сколько тренеры и спортивные руководители Челябинска выслушали гневных слов на городских и областных активах и прочих совещаниях: дескать, в Свердловске могут иметь большую команду, а мы почему не можем?

Ч елябинское «Динамо» создавалось в тени «Уралмаша». И стоило нам пройти лишь первый отрезок пути, попасть в чемпионат РСФСР, как «Уралмаш», наш вечный кумир и много-

Свердловский баскетбол — это считалось маркой

летний лидер российского баскетбола, сошел с дистанции. Не стало великой команды, которая нужна была не только Уралу — всему советскому баскетболу. Потеря невозполнимая, сейчас мы это хорошо понимаем, а тогда считали: это дело одного Свердловска. Помочь бы тогда «Уралмашу», по-соседски поделиться, чем могли. Нет, самим надо... Ни Челябинск, ни Пермь, ни Уфа, ни Сургут не стали сильнее оттого, что рухнул российский баскетбольный колосс.

В женском баскетболе «Уралмаша» также в свое время расцвел целый букет звезд — Людмила Эделева, Нелли Фоминых, Людмила Швецова,

ДВАЖДЫ!

Валерий ВОРОБЬЕВ,
заведующий кафедрой
спортивных игр
Челябинского института
физкультуры

Михаил ГРОЗОВСКИЙ,
заместитель
председателя
областного
Спорткомитета Челябинска

Ольга Коростелева... Но будто затянувшаяся осень, а затем долгая зима выжгли красоту команды и она никак не может воспрянуть духом. А после этого

Насилие над баскетбольной экологией в Уральском регионе

злополучного октябрьского тура «за колючей проволокой» (не посчитайте эти слова сарказмом), «Уралмаш» вернулся на круги своя — как и в предыдущем сезоне стал играть за 13—14-е места в чемпионате СССР. Это рядом с целой группой других совсем рядовых уральских команд, которые сегодня выступают в чемпионате РСФСР. Возвращаться же в высшую — таких планов «Уралмаш» себе, оказывается, даже не ставил, хотя, насколько нам известно, сохранил состав 1989 года, когда играл в группе сильнейших команд страны.

Конечно, мы не можем глубоко судить о свердловском баскетболе, да и цели перед собой такой не ставили. Говорили же о нем в связи с тем, что состояние лидера отражается на всем уральском баскетболе. За сильным легче идти.

К сожалению, во всем огромном регионе не нашлось замены тому, кто долгие годы шел впереди. Недалеко видность авторов административно-командных положений о российских и всесоюзных Спартакиадах отразилась на баскетболе точно так же, как пресловутый антиалкогольный закон на виноградных плантациях. Меньше стало районных, городских, областных сорев-

нований. Сократилось число баскетбольных отделений и ДЮСШ. Об этом не раз писали «Спортивные игры», призывая общественность выразить свой протест против насилия над спортивной экологией. Наконец, поправили положение о Спартакиадах, восстановили баскетбол (вообще игры) в гражданстве, но лес-то вырублен, надо ждать, когда он вырастет. Ох, долгая это история...

Те сведения, которыми мы располагаем, вызывают откровенные огорчения. В первенствах Свердловской, Челябинской, Пермской, Тюменской, Оренбургской, Курганской областей, Башкирии, Удмуртии, Коми участвует число команд, которые можно пересчитать по пальцам. А ведь в сравнительно недавнее время в чемпионате Свердловска только по первой группе выступало более десятка клубов, по шесть команд в каждом. В первенство Челябинской области заявлялось по три десятка команд. В Уфе устраивались турниры, собиравшие в один день сразу сто команд! Дело дошло до того, что с созданием профсоюзного спортивного

Лес вырублен, и, кто знает, когда он вырастет

монстра ВС ДФСО, объединившего добрых полдесятка обществ, баскетболистов в нем стало меньше, чем в одном «Труде», вычеркнутом из спортивного реестра, оказывается, «за ненужностью» (!!) коллективам физкультуры и спортклубам предприятий тяжелой промышленности, на которых, собственно,

и держится огромный Урал. Зачахли студенческие чемпионаты, в них сегодня в два раза меньше команд, чем «во времена» «Буревестника». Потери

«Команды, распущенные за ненужностью»

можно продолжить, а вот приобретениями похвастаться трудно — не знаем о них.

Не подозревая того, удар по баскетболу наши теоретики от спорта нанесли своим яростным отношением к повторению лучшего зарубежного опыта. Посмотрели на Америку, на Европу и сделали «открытие»: а ведь там играют в закрытых помещениях! И как здорово это у них получается! Давай строить залы. «Загнали» баскетбол под крышу, а болельщикам места не нашлось, поскольку сэкономили на трибунах, отобрав зрелище именно у тех, для кого была придумана игра. В общем, баскетбол отключили от источника питания. Руководители коллективов и клубов на этой «бережливости» делали себе авторитет — вот, дескать, как надо считать народную копейку. Помните, как в свое время (не столь уж далекое) в стране «внедрялся» лозунг «Экономика должна быть экономной»? До сих пор прийти в себя не можем. «Спорт должен быть экономным» — из той же административно-командной «оперы». Репертуар этот вечен. Как и последствия: скупой платит дважды...

Сколько залов — недомерок, маломертражек наплодили; по случаю ввода каждого устраивали торжества — пожалуйста, еще одно спортивное сооруже-

ние для народа! Для какого, простите, народа, если на играх могли присутствовать человек сто, больше мест не было. По роду своей деятельности одному из нас приходилось работать с зарубежными клубами, а другому бывать во многих залах Европы. «Там» спортивный руководитель, хозяин команды, мечтает не позволить себе сэкономить на зрителях. Подумать не решатся об этом, вылетят в трубу!

«Спорт должен быть экономным» — трибуны для зрителей не нужны

Ну ладно, зал с трибунами — накладно, а что же случилось с открытыми площадками? Их сейчас даже на стадионах нет, в парках, в жилых микрорайонах. Помните, как комсомол гордился своими «двухлетками по строительству спортивных сооружений»? ЦК ВЛКСМ принимал специальное постановление. Рапортовали «увесистыми цифрами», наповал могли убить? А в действительности что получили? В Челябинской области — 3 площадки, в Курганской — 4, в Свердловской — 2... Вот так держали слово.

Оставшийся без болельщика баскетбол фактически ушел в себя, стал пресным, незмоциональным. А тут еще лучших мастеров Урала стали рвать на части. Скажите, какая в том нужда была выкосить, выдрать с корнем из «Уралмаша» Сергея Белова, Станислава Еремина, Анатолия Мышкина, Ивана Дворного? ЦСКА и ленинградский «Спартак» без них не прожили бы? Вынесли смертельный приговор российскому клубу, плевали на крупнейший рабочий регион — «высшие интересы» требовали жертв. Кстати, в жертву был фактически принесен и истинный герой советского баскетбола, наставник названных мастеров Александр Кандель, человек тонкой натуры, художник игры и ее рыцарь. Но после такого, да еще публично, извините, избиения при вызывающем равнодушии верховных наших спортивных начальников кто сохранит душевные силы для борьбы? Так Урал лишился талантливого и тре-

нера, и продолжателя той школы, которую создавали знаменитые баскетбольные мужи Миркиян Егоров, Валентин Фирсов, Юрий Густылев, Александр Новиков... Эту школу прошли Галина Шалимова, Борис Башмаков, Рудольф Эделев, заслуженные тренеры РСФСР, ставшие затем достаточно известными специалистами, первая — заслуженный тренер СССР. Никто из них сейчас с командами мастеров не работает. Попытались мы «перетащить» кое-кого из названных свердловских тренеров в Челябинск. Отказались. Хватит жертв во имя идеи, надо пожить для себя. Может, поскромнее в материальном отношении, но без удавки на шее. Так и ответил один из собеседников.

А ведь вся обстановка в уральском баскетболе — это удавка. Посмотрите, кто ее набросил и затягивает. Было в нашем регионе свыше сотни баскетбольных школ и отделений — профсоюзных, народного образования. Сейчас от них осталось, дай бог, три десятка, принадлежат они школьному ведомству. В таких городах-гигантах, как Свердловск и Челябинск — по одной ДЮСШ. Не вина ВС ДФСО профсоюзов, что их школы (не только баскетбольные) закрываются. Агрессивность идет не от спортивного общества, оно лишь, к сожалению, безвольно дублирует действия головного профсоюзного органа, бывшего ВЦСПС и отраслевых ЦК, которые решили сократить ассигнования на спорт, на работу с детьми в нарушение своих же уставных обязательств перед членами профсоюза.

Тренеры хотят жить без удавки на шее

Здесь уместно сказать и о том, что профсоюзам было с кого брать пример. Вспомним, с каким вдохновением недавние руководители Госкомспорта СССР на различных совещаниях говорили о неустанной заботе партии и правительства о спорте, имея в виду самые высокие постановления о развитии футбола, хоккея и других игровых видов. Два таких документа мы имели, да еще многочисленные разработки, сделанные от имени союзного и республиканского спорткомитетов. А толку?... Потому что периферийному физкультурному работнику, тренеру вменялось

в обязанности быть и пекарем и лекарем, а в итоге он оставался голодным и больным. Не почувствовали мы, чтобы «высокие документы» были подкре-

В Челябинской области создана программа развития игр

плены механизмами их реализации — финансами, организационными усилиями, ответственностью руководителей Управления спортигр, гостренеров. Долго были «на контроле» те два «высоких постановления», и с каждым годом в стране сокращалось число баскетбольных ДЮСШ. Зато возрастал заявочный взнос команды мастеров, повышалась плата за судейство, дорожал инвентарь и его становилось все меньше. Ну, прямо рэкет, прообраз сегодняшней жизни общества, модель рыночных отношений! Как, оказывается, были прозорливы авторы тех «указующих» постановлений!

Баскетбольное поле Урала — это зона экологического бедствия. Требуется немало усилий, чтобы рекультивировать баскетбольную почву, засеять ее добротными семенами, выходить посевы и получить желаемый урожай. Мы у себя в Челябинской области решили взяться за это непростое, но очень нужное дело. Разработали комплексную программу развития игровых видов (в том числе баскетбола), постоянно ищем механизм влияния на обстановку, имеем кое-какие результаты: мужская гандбольная команда «Полет» — клуб высшей лиги, а Валерий Гопин — олимпийский чемпион; женская ватерпольная команда «Уралочка» — чемпион СССР; вернулась в высшую лигу женская волейбольная команда «Челябметаллургстрой». В баскетболе имеем три команды, выступающие в первой группе чемпионата России, — челябинское «Динамо» (мужчины) и женские — «Буревестник» (Магнитогорск) и «Строитель» (Челябинск). Не скажем, чтобы у нас все получалось гладко, но все задуманное свершается. Нередко нам задают вопросы и у себя дома, и в российских спортивных инстанциях: а насколько это оправдано иметь, скажем, две женские команды? Кому нужна конкуренция между ними? Не лучше ли из двух средних команд сделать одну сильную?

Действительно, год назад у нас был только «Буревестник». От одиночества он не стал сильнее и заметнее в российском баскетболе, хотя тренеру команды для этого был дан от областного спорткомитета картбланш. Это не его вина, просто удельное хозяйство не может решить проблемы, лежащие за его границами, а именно — влиять на общее состояние баскетбола. Что же касается конкуренции, если иметь в виду здоровые начала, то спорту от этого только выгода, тем более созданием команды «Строитель» заинтересовалась крупнейшая строительная фирма Челябинска, руководители которой желают способствовать баскетбольному делу. У команды — свой зал, неплохое финансирование, группа резерва, в перспективе ДЮСШ, в «Строитель» пришел работать заслуженный тренер РСФСР Юрий Перминов.

Так что наличие двух команд нас не настораживает, напротив, это — стратегическая линия. Однако в ее реализации встретились и неожиданные трудности. «Буревестник» был единственным

Наверное, «подсуживать» он не хотел — просто разрешил играть в «легкий баскетбол», что и вызвало соответствующую реакцию трибун.

Конфликт к нынешнему дню исчерпан.

Но факты судейства «не на уровне» должны стать темой разговора на заседании Всесоюзной коллегии. Ведь судьба баскетбола зависит не только от игроков, но и от взаимодействия тренеров, судей, руководителей спортивных организаций.

В дефиците — тренеры для команд мастеров

В противовес случаю, приведенному выше, мы можем привести не один и не два примера того, как тщетны оказываются усилия даже самого талантливого тренера перед «заданной направленностью» судьи. Гибнут личности в своем бессилии доказать преимущества ума перед материальным преимуществом противника. Необходим не словесный, не лозунговый, не совестливый, наконец, а юридический, административный, если хотите, экономический механизм влияния на ненормальную обстановку. Иначе верх над силой игры возьмет сила рынка в его худшем смысле. Впрочем, мы это уже чувствуем не первый год. Помним, как в 1982 году в финале спартакиадного турнира РСФСР в Куйбышеве не сумел совладать с нервами и разрыдался тренер из Свердловска Рудольф Эделев, чья команда заслуживала быть если не чемпионом, то уж призером наверняка, но была «поставлена» в итоге на шестую ступеньку.

Все эти антиспортивные явления не могли не отразиться в целом на баскетбольном климате Урала. Уходят на «легкий труд» тренеры. Не беда ли, если проблемой стало уже не только обеспечить штатное расписание в ДЮСШ, преподавателя в институте, но даже найти тренера в команду мастеров (милости просим в челябинское «Динамо»!), ведь эта должность в свое время считалась престижной, уважаемой. Но, видимо, все меньше остается охотников быть подопытными кроликами, когда на тебе проводят эксперименты каждый, кому это выгодно и интересно. Послед-

ствия такого положения — самые непредсказуемые. Вот вам еще один пример. В Челябинском инфизкульте имеется кафедра спортивных игр с отделением баскетбола. Конкурс, надо сказать, немалый. Но с огромным трудом нам удается зазвать на это отделение (принимаем ежегодно 10 человек!) абитуриента, знакомого с баскетболом хотя бы по программе ДЮСШ. Всего на четырех курсах института учатся не более десятка игроков команды мастеров из всего Уральского региона. Да и рассчитывать на них, как на будущих тренеров, не приходится. Не согласятся, поскольку знают, из чего будет состоять их жизнь. Куда с большим настроением дипломированные тренеры идут в массы, сажисты, грузчики и т. д. Во всех отношениях выгоднее.

Так есть ли у уральского баскетбола светлое завтра? Право, мы не сиделись бы за статью, если бы не считали уральский баскетбол не только перспективным видом, но и экономически выгодным. Для этого надо создавать хозрасчетные клубы и федерации. Но не во имя решения единственно финансовых вопросов, еще и для высокого спортивного результата, о чем, к сожалению, часто забывают иные сторонники чисто коммерческого взгляда на спорт. Урал тоже не остался в стороне от такого взгляда. А вот побед не прибавилось. Не из баскетбола пример — из соседних с ним видов. Свердловская «Уралочка» в волейболе и златоустовская «Уралочка» в водном поло стали чемпионами страны, уступая в финансовом отношении командам из хозрасчетных клубов.

Противопоставлен ли коммерческий успех успеху спортивному

Вот такой парадокс в эпоху рыночных (стоимостных!) отношений в спорте.

Нужна всесоюзная конференция (семинар) по обмену наработками по теме: «Хозрасчетные клубы и большой спорт». Челябинск готов с участием Госкомспорта СССР, Госкомспорта РСФСР, других заинтересованных ведомств и служб взять на себя организацию мероприятия. Во имя спорта. И баскетбола в том числе.

Челябинск

Перед силой рынка гибнут тренерские личности

любимым ребенком, а сейчас детей — двое. Трудно с этим смириться, если ставить удельные интересы выше всех остальных. И тогда в ход пускаются, к сожалению, приемы из старого багажа.

Право, большой вред челябинскому, да и вообще всему нашему баскетболу, нет-нет да нанесут судьи. Умышленно или нет, поди потом разбирайся. Но задумываются ли они хотя бы в таймауте, какие отношения после их судейства сложатся между девушками двух команд одной области? Какими глазами будут смотреть друг на друга тренеры? Да мало ли вопросов морального порядка возникает!

Думается, клич «Судью на мыло!» был слишком вежливой реакцией на «работу» одного из судей в Магнитогорске. Мы не называем его фамилию — он нашел в себе смелость впоследствии сказать, что не во всем был прав. Да и мы, возможно, тогда, сразу же после игры, погорячились, попеняв ему, что он снизил привычные и характерные (!) для него требования, сделал свистком уступку другим хозяевам площадки.

А ЕСЛИ ПОСМОТРЕТЬ ТАК...

Впервые, с 50-х годов, когда наш баскетбол вышел на международную арену, мужская сборная СССР оказалась за чертой финалистов чемпионата Европы. Что это, гром среди ясного неба? Промашка чиновника, не сумевшего должным образом сосотывать авиарейсы? Отдельные ошибки тренера Гарастаса?

Вы, читатель, уже могли ознакомиться в этом номере с мнением игрока — Виктор Бережной говорит, что не может для себя найти ответ на вопрос, как же это все-таки случилось? Однако, может быть, объяснение неудачи сборной следует искать за рамками европейского отборочного турнира — в проблемах, поднятых на страницах этой же «книжки» журнала Иваном Едешко, или в рассказе о бедах уральского баскетбола?

ПОКА ГРОМ НЕ ГРЯНЕТ...

Дмитрий РЫЖКОВ

Увы, отнюдь не ясным было небо над нашим баскетболом в последние годы. Несмотря на олимпийскую победу в Сеуле. Ибо на другую чашу весов надо бы положить не завершенные столь же победно и последние чемпионаты мира, и последние первенства Старого Света.

Наиболее широко распространённое объяснение этих неудач сводилось к следующему: практически все самые яркие наши баскетболисты либо ушли «играть за деньги» как в североамериканские, так и в европейские клубы, либо спят и видят контракты, где «сумма прописью» отнюдь не в рублях проставлена... те, кто стал профессионалами, либо отказываются выступать за сборную, либо рассматривают его, это выступление, как дело далеко не первостепенное... заменить яркие личности нечем — особенно в баскетболе, где о победах в юниорских чемпионатах Европы мы давно уже забыли.

Объяснение, как видите, выглядит правдоподобно. Рок — и все тут. И, не существуя рядом югославский баскет-

бол, на этом, наверное, можно было бы поставить точку. Но он существует. Равно как уже более десятка лет существует миграция югославских звезд — прежде в итальянские и испанские клубы, а ныне и в Северную Америку, в Национальную Баскетбольную Ассоциацию. И вот любопытная деталь: отъезд, скажем, Чосича или Далипагича не превращался для сборной Югославии в катастрофу, а, наоборот, стимулировал появление новых звезд — срабатывала самонастраивающаяся система югославского баскетбола. Как, кстати, срабатывала подобным же образом система шведского и финского хоккея, которые с 70-х годов ежегодно недосчитываются ведущих и наиболее перспективных молодых игроков, отбывающих в НХЛ.

Правда, прежде руководители нашего баскетбола (да и хоккея тоже), сохранявшие в строю всех своих звезд, подобную ситуацию в станах соперников могли лишь приветствовать — шансы для победных рапортов наверх

увеличивались. О завтрашнем же дне, положе, никто и не думал.

Известный деятель французского баскетбола Робер Бюсель писал в конце 70-х годов следующее: на уровне сборных у нас нет возможности конкурировать с русскими... у нас главные действующие лица — клубы, а главное событие сезона — чемпионат Франции, тогда как они в интересах подготовки сборной способны ограничить свое внутреннее первенство минимальным количеством матчей и могут даже заставить клубы выступать в них без сильнейших игроков... И, надо сказать, Бюсель не преувеличивал. Скорее — преуменьшал. Достаточно вспомнить, как почти во всех наших игровых видах спорта возникали «базовые» (разумеется, в интересах сборной) клубы, куда собирали лучших игроков, как ломали (естественно, в интересах сборной) календарь и форматы всесоюзных первенств, как отказывались (ради сборной необходимо жертвовать) от участия в европейских баскетбольных кубках.

Надо отдать должное тем, кто в те времена руководил баскетболом — в создании узкого элитарного круга игроков для сборной они преуспели: спортсмен, попавший в «обойму», получил максимум возможностей — по крайней мере в наших условиях — для совершенствования мастерства и накопления международного опыта. Но «в обойму» более двух-двух с половиной десятков игроков попасть не могло. И кто знает, сколько потенциальных звезд в нее так и не попало. У неудачников же шансов пробиться в люди практически не было.

Сейчас уже открыто признается, что многие годы наша страна, какую сферу жизни ни возьми, была страной красивых фасадов. Немудрено, что и за красивым фасадом нашего баскетбола творилось бог знает что — ветшали «полы и перекрытия» в уральском баскетбольном регионе (как это происходило, вы, читатель, уже могли узнать), проседали «фундаменты» в Закавказье, России, Латвии, и, не сделай скачок литовский баскетбол, уже в начале 80-х годов нашей сборной пришлось бы, скорее всего, весьма трудно. Но и так финал был предрешен: как только элита получила возможность поиграть за рубежом, она этим тут же воспользовалась. За нею же была пустота, ибо принцип «сильные клубы — сильная сборная» лишь декларировался. И это, кстати, весьма наглядно демонстрировали и демонстрируют выступления наших клубов в европейских баскетбольных кубках.

Последний раз наш клуб — разумеется, им был ЦСКА — побеждал в Кубке европейских чемпионов в 1971 году. И с тех пор лавров больше не удавалось снискать никому. Причем под это даже подводилась «теоретическая» база: мол, европейские клубы преуспевают за счет негритянских баскетболистов из США.

Так-то оно так — итальянские клубы действительно побеждают нередко в этих клубных турнирах руками амери-

канцев. Но возвести этот факт в теоретический постулат мешают опять-таки югославы. У них-то в кубках американцев нет, но преуспевают же они тем не менее — и в Кубке европейских чемпионов и, конечно же, в «своем» Кубке Корача. Причем руководители югославского баскетбола никогда не боялись, что неудача того или иного клуба подорвет престиж страны. Не боялись, потому что знали: в этих турнирах приобретает бесценный международный опыт и чем больше команд, тем больше игроков его поднакопят, тем лучше для всех. И для сборной в том числе.

Мы уже писали («Спортивные игры», № 6, 1989 год), как работает система подготовки игроков для югославского баскетбола. Подчеркиваю, для баскетбола в целом, а не только для сборной. И, видимо, не случайно, даже отъезд нескольких звезд вроде Дражена Петровича в НБА не помешал в прошедшем сезоне сборной Югославии выиграть все, что возможно, включая чемпионат мира. Причем выиграть не на жилах, а легко и убедительно. Мы же остались с некогда красивым фасадом, с которого ныне всю осыпается штукатурка.

Так кому же его да и все здание ремонтировать? Госкомспорт, как известно, сейчас занимается лишь сборными. И при нынешнем состоянии баскетбола в целом ему даже ремонт фасада, думаю, не под силу.

Федерация? В том же виде и в том составе, в котором она функционирует, она, как мне кажется, напоминает иные Советы, где в отсутствие профессионалов царствует говорильня.

Клубы? О том, в каких условиях вынужден сейчас существовать даже такой баскетбольный клуб, как ЦСКА, вам, читатель, уже достаточно рассказал Иван Едешко. Но я хочу обратить ваше внимание на одну деталь его рассказа: игроки команд первой группы смеются над армейцами, узнав, каково у тех жалование. Но разве может нормально функционировать система, при которой более высокая квалификация оплачивается хуже?

В этой баскетбольной подборке мы не случайно поместили статью о североамериканских профессиональных лигах. Правда, речь в ней идет о «высоких» — по нашим нынешним нуждам — материальных, но, по моему, важно другое: высокоэффективное, как со спортивной, так и финансовой точки зрения, производство зрелища немислимо без соответствующей исполнительной и, подчеркиваю, профессиональной структуры.

Первая попытка создать нечто подобное у нас — я имею в виду Союз футбольных лиг — по-моему, провалилась. Провалилась потому, что вместо профессионалов — юристов, экономистов, менеджеров — проблемы пытались решать общественники-любители. А это — пустая трата времени и сил.

Русская пословица гласит: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Что ж, гром над баскетбольным домом грянул. Возможно, кто-то уже перекрестился: мол, пронеси, господи. А дальше что?

РЕКОРДЫ — НАВСЕГДА?

Так уж вышло, что хоккейные чемпионаты мира и Европы, проходившие в Финляндии, неизменно приносили успех сборной СССР. Вернее говоря, традиционными эти победы на финском льду стали «благодаря» усилиям советских хоккеистов. Так что в преддверии очередного турнира в Финляндии вроде бы нет особого повода для беспокойства. Тем более если вспомнить, что в 1965 году, в Тампере, сборная СССР одержала семь побед в семи матчах. В 1974-м, в Хельсинки, в десяти встречах лишь чехословацким хоккеистам удалось отобрать у наших два очка. А в 1982 году, в Хельсинки и Тампере, победную серию нашей команды прервала странная нулевая ничья в последнем матче со сборной Чехословакии.

Но, как бы ни складывались предыдущие встречи, каждый новый турнир непредсказуем. И все же, дабы болельщикам легче было ориентироваться, мы предлагаем его вниманию несколько интересных цифр.

Большинство матчей предстоящего чемпионата мира и Европы пройдет в Турку. Наши хоккеисты — имеется в виду первая сборная — выступали в этом городе три раза. И все три товарищеские встречи с хозяевами завершились победой команд СССР — 9:4, 4:0 и 4:0. Причем в последнем матче, 3 апреля 1986 года, в сборной СССР дебютировал ее нынешний капитан Владимир Константинов. Кстати, Турку станет 26-м городом, где в чемпионатах мира и Европы выступит наша сборная.

Теперь — об индивидуальных рекордах. Именно рекордах, поскольку вряд ли в обозримом будущем они будут превзойдены. Ибо безвозвратно ушло то время, когда хоккеисты по многу лет выступали за сборную — ныне лучшие игроки довольно быстро уезжают за границу. Так что остается только поражаться показателям супермастеров прошлого. К примеру, Владислав Третьяк выступал в 13 (!) чемпионатах мира и Европы. В 12 турнирах играли Александр Рагулин и Александр Мальцев, в 11 — Вениамин Александров,

Валерий Васильев, Владимир Лутченко, Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов. Из хоккеистов нынешнего поколения, продолжающих выступления, наивысший показатель — 10 турниров — имеют Вячеслав Фетисов и Сергей Макаров.

Больше всех матчей в рамках чемпионатов мира и Европы провел Александр Мальцев — 108, больше всех шайб забросил Борис Михайлов — 98, больше всех результативных передач сделал Валерий Харламов — 82, наконец, больше всех очков по системе «гол плюс пас» набрал Борис Михайлов — 164. Феноменальные достижения!

В заключение — несколько командных показателей. Наша сборная участвовала в 33 чемпионатах мира и Европы. В этих турнирах советские хоккеисты провели 287 матчей, одержав 245 побед при 17 ничьих и 25 поражениях, разность шайб 1925—513. Так что с полной уверенностью можно утверждать, что в Финляндии будет одержана 250-я победа, а быть может, заброшена и 2000-я шайба.

Вот каковы результаты встреч сборной СССР в чемпионатах мира и Европы.

	И	В	Н	П	Шайбы
Швеция	52	40	6	6	244—104
Чехословакия	51	32	8	11	198—117
Финляндия	39	39	0	0	295—60
Канада	37	28	3	6	173—82
США	30	29	0	1	240—60
ФРГ	27	27	0	0	243—31
ГДР	16	16	0	0	135—9
Польша	16	15	0	1	166—23
Швейцария	7	7	0	0	73—14
Норвегия	5	5	0	0	53—6
Италия	2	2	0	0	20—3
Румыния	1	1	0	0	18—1
Япония	1	1	0	0	16—0
Венгрия	1	1	0	0	19—1
Австрия	1	1	0	0	22—1
Нидерланды	1	1	0	0	10—1

Наконец, последний факт. На чемпионат в Финляндию придут две команды в ранге чемпиона. Мировой титул — у сборной СССР, европейский — у шведов. Так что для продолжения традиции у наших хоккеистов будет дополнительный стимул.

Валерий Камачкин — лидер рок-группы «Лица» и соорганизатор СССР
фотоклуба «Лица» и соорганизатор СССР
фотоклуба «Лица» и соорганизатор СССР

Портрет
Каждый
Свой

МЕТАМОРФОЗЫ ВАЛЕРИЯ КАМЕНСКОГО

Когда года два назад среди хоккейных обозревателей заходил разговор о ведущих форвардах страны, то прежде чем подходила очередь Валерия Каменского, перечислялось по крайней мере с десятком фамилий. В самом деле, уж в чем в чем, а в приверженности комбинационному стилю заподозрить Каменского никак нельзя было. Да, он много забивал, но подчас действовал излишне прямолинейно, без особой выдумки, полагаясь лишь на силу броска. И когда перед нынешним сезоном Валерий остался без своих постоянных партнеров по звену — Вячеслава Быкова и Андрея Хомутова — казалось, дела его пойдут хуже. Ибо львиную долю своих голов Каменский забросил после выверенных передач этих ребят. Но произошло удивительное — Валерий заиграл на редкость мощно и изобретательно, стал истинным лидером нападения ЦСКА и сборной. На декабрьском турнире «Приз Известий» он выступал столь ярко, что был признан лучшим игроком. Даже несмотря на то, что из-за травмы сыграл лишь в двух встречах.

Кстати говоря, любителям хоккея о Каменском известно не так уж много. В основном то, что он не суеверен и потому не боится играть под 13-м номером. Конечно, информация этим не исчерпывается, и все же, вероятно,

болельщикам интересно будет узнать несколько фактов.

Родился Валера в Воскресенске. Мать работала на химическом комбинате, отец умер, когда сынишке едва исполнился год. Первые коньки и первая клюшка достались в «наследство» от старшего брата. Среди мальчишек Валера был самым маленьким, и его без промедления определили в ворота. В школу воскресенского «Химика», где тренер Геннадий Николаевич Сырцов нашел для Каменского новое амплуа, его приняли в восьмилетнем возрасте. Уже играя в юношеской команде, он часто оставался после тренировок, чтобы посмотреть, как шлифуют свое мастерство Александр Голиков и Игорь Ларионов. Но больше всего он любил смотреть за действиями на площадке Валерия Харламова. Валера Каменский не знал его лично, но единственная встреча с ним запомнилась навсегда...

ЦСКА играл тогда в Воскресенске. Друг брата Валеры был знаком с Харламовым и ожидал его после матча у Дворца спорта. Вернее говоря, ждали его двое — Валера очень хотел увидеть своего кумира и напросился на эту встречу. Наконец подошел Харламов. Каменский протянул руку и представился: «Валера...» Чуть улынувшись, Харламов ответил рукопожатием, сказав: «Я тоже Валера...» И все... Вот так, запросто, как будто и не было между

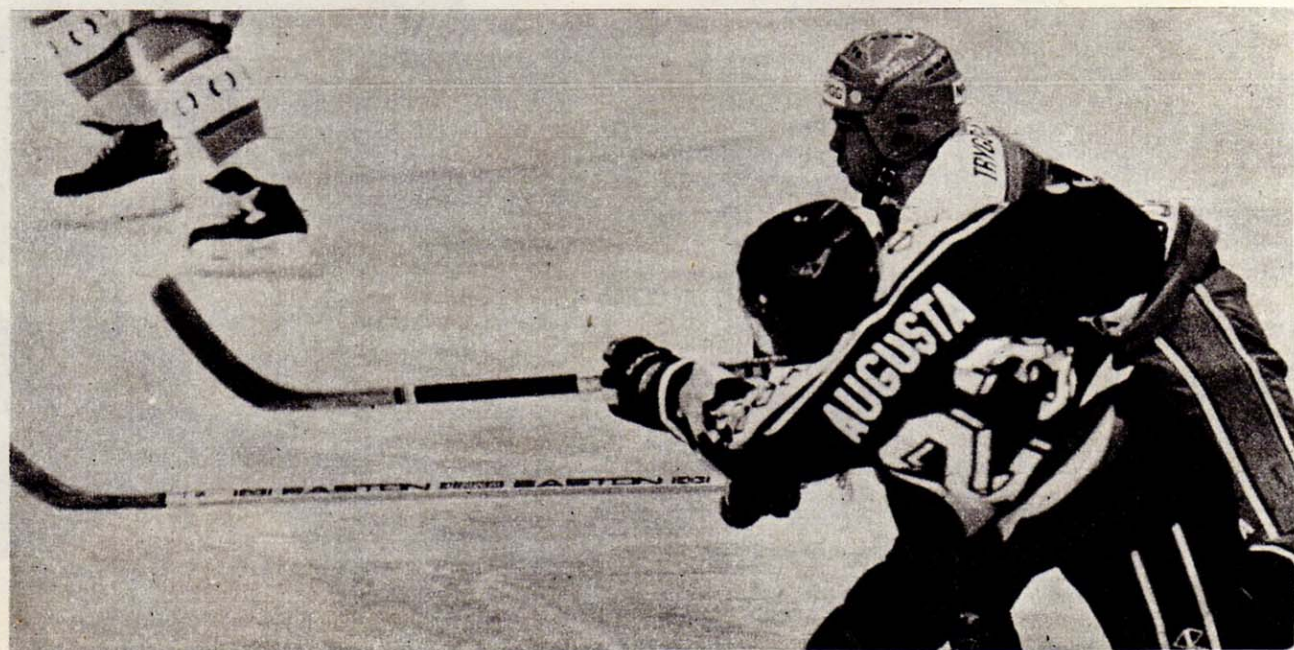
ними никакой разницы — в возрасте, титулах, мастерстве...

Спортивные успехи Валерия Каменского известны всем. Он — чемпион Олимпийских игр, мира, Европы, страны. И в сборной, несмотря на 25-летний возраст, играет уже шестой сезон. Самый опытный игрок... А началось все с февраля 1986 года, когда накануне товарищеских игр со сборной Швеции Каменского пригласили в национальную команду. На радостях он побежал звонить в Воскресенск. А мама в ответ: «Валерочка, как же ты сможешь? Ведь там — мужики, а ты еще мальчик!» Кончилось же все нормально — в первой же игре Валера забросил шайбу.

Как и большинство воскресенских ребят, разбросанных по клубам высшей лиги, Каменский часто приезжает в родной город. Да и его любимое занятие непосредственно «связано» с Воскресенском. Дом Каменских находится всего в ста метрах от озера и посидеть с удочками — излюбленное времяпрепровождение Валерия с детства...

...Однажды Вячеслав Быков сказал: «Почему журналисты пишут, что Каменский играет как-то не так? А нам с Андреем нравится...» Да, похоже, что партнерам Валерия Каменского давно уже было известно то, что и сейчас еще не столь очевидно для всех.

Игорь КУПРИН

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ - БЕРЕГ ПРАВЫЙ

Миллионы людей восторгаются мастерами хоккея с шайбой. Мы готовы вспомнить все, связанное с нашими любимцами. В том числе и подчас робкий дебют в большой игре, и впечатляющее своим темпом восхождение. Но все это подобно айсбергу, у которого, как известно, лишь восьмая часть на поверхности. Детство и юность, более десятка лет занятий многое формируют в хоккейном облике.

Итак, поднимемся вверх по течению времени и побываем в Челябинске, Ленинграде и Москве. Будем совершать эту переправу, а роли «паромщика» возьмут на себя те, кто лучше других знает подробности того времени, то есть сами спортсмены.

Вячеслав ФЕТИСОВ

Гитара. Это было повальным увлечением. И мне тоже очень хотелось научиться играть, только по-настоящему, а не так, двумя-тремя аккордами обходиться. И в кино хотелось. И просто с ребятами посидеть во дворе. Бывало,

скажу дома: «Ну, я ненадолго, прогуляюсь». А батя ни в какую: «Нечего там делать!». Или: «Лучше, Славик, к школе подготовься да ляг пораньше». Я, конечно, артачился. Времени свободного и так-то в обрез, а еще и дома сиди... Сей-

час понимаю: отец следил, чтобы я не расплылся, чтоб думал об учебе и спорте. Кстати, до девятого класса я учился очень неплохо.

Да, вот еще что. Не так давно батя признался в том, что следил за мной гораздо строже, чем я предполагал. Бывало, придет с работы, узнает от матери, что я поехал на тренировку и... сам туда собирается. И охота же была ему мотаться через весь город?! Причем заглянет в ЦСКА, убедится в том, что я на месте, посмотрит немного украдкой и — домой. Ну а по воскресеньям днем он всегда со мной ездил на игры первенства Москвы. Это для него было как праздник!

Чего-чего, а родителей я не обманывал. И все же не кажется мне нелепым такой вот неусыпный контроль со стороны отца. Как объясню? Ну это как подстраховка в игре...

В ЦСКА я акклиматизировался быстро. Юрий Александрович Чабарин сразу поставил меня на игру и возился со мной потом целых пять лет. Обычно мальчикам твердят: «Вперед не уходить». А он вот меня особенно не донимал, не порицал за вылазки. Спасибо Чабарину, не стал «ломать» меня, подгоняя под классический образ защитника.

В мальчишках я в первой пятерке играл, а как начал по юношам выступать, так посадили на скамью. И тренер новый еще возмущался, выговаривал Чабарину: «Кого вы мне дали — не нападающего, не защитника?!»

У кого когда наступает переломный момент. Я пережил это в пятнадцать лет.

Черная полоса у меня пошла. Долгая это история. Короче, не всем нравилась моя манера, защищаясь, еще и атаковать. Полсезона, вплоть до февраля, на лавке просидел. Практически не играл. Мыслишки крутились — уйти, закончить. Обиды были — за что? Почему?..

Заступился Виноградов Александр Николаевич, старейшина ЦСКА. Поехал я в турне.

Приземляемся. Пассажиры собираются на выход, а там объявляют: «Всем оставаться на местах — команда ЦСКА, — пройдите!» И попадаем в длинный коридор, где полно фоторепортеров, телекамер, журналистов видимо-невидимо. Мы ошарашены. Самому старшему из нас нет и семнадцати. Сразу — пресс-конференция, интервью. До того никто на этом уровне не играл, не соизмерял силу юношеского хоккея в Европе и Америке. Следующий после 1972 года «серийный» контакт. Получается так. Прием фантастический! И по сей день, сколько уж в национальной сборной отыграл, такого приема не встречал.

Два дня жили в роскоши. Пацаны — и в центральном отеле?! А стадион! Правда, не «Форум», а старый каток «Монреаль Канадиенс», но тоже дай бог.

Первая игра. Приехали за час, нет — за полтора, а там уже полный стадион народа! Представьте состояние наше: играли на «коробках», где люди на сугробах стояли, и вдруг — 15 тысяч на тебя смотрят! И на разминке глянули на

соперников из «Вердан Мейпл Лифз», чемпиона Канады, — такие, под два метра, внушительные ребята — наверняка чуточку преувеличиваю, но что поделаешь, если у робости глаза велики. Вокруг юпитеры, свет, телекамеры... Обстановочка аховая.

Начало, словно под копирку, повторило серию взрослых 1972-го. Две смены, и мы имеем 0:2. Мандраж жуткий: что? куда? зачем? почему?.. А потом освоились. И в конце концов убедительно выиграли, кажется, 8:2.

Растоптали их чемпиона! Неожиданность была полнейшая. Даже не понял, для кого большая — для канадцев или для нас.

Казус у меня потом случился. Коньки сломались. И канадский представитель, опекавший нашу команду, специально купил мне пару и подарил. Надел их — небо и земля! Так что получилось: нет худа без добра.

Турне имело в моей судьбе переломное значение. Поймал игру. И забавал, и оборонялся, думаю, нормально. И что крайне важно — появилась уверенность. Вера в то, что мог достойно сыграть против кого угодно и при каких угодно обстоятельствах. Запас моральных сил появился. И правоту свою почувствовал: за что упреки получал, за что страдал — за игру свою, которую я именно там, в Канаде, отстоял!

Вернулись. Финал юношеского первенства страны проводился в Челябинске. А в «Тракторе» тогда подбирались: Макаров, Стариков, Мыльников, Тыхных, Евстифеев... Сила! Не знаю, сколько вмещает открытый стадион ЧТЗ, но знаю, что вошло раза в полтора больше, чем полагается. Но мы-то приехали уверенные в себе, по-хорошему уверенные. И переиграли «Трактор» вчистую.

Фактически сразу, с той первой поездки, стало мне ясно, что главное на канадских катках — это не испугаться, держаться своей игры, быть сильнее всяких неблагоприятных обстоятельств. На последующие годы стало это для меня чем-то вроде заповеди, которую изо всех сил старался соблюдать.

Спустя три года я очутился в Канаде как участник юниорского чемпионата мира. Тогда и сошлись мы впервые лицом к лицу с Уэйном Гретцки... Между прочим, за плечами имел я уже пять матчей, сыгранных на венском — взорослом! — мировом первенстве. Кое-какую прессу получил. Примкнув к молодежной сборной, подумал про себя: здесь-то я буду отдыхать. Расслабился. Да еще эпидемия гриппа обрушилась на команду, я тоже прихворнул. Подготовительный период выпал у меня. Самомнение уже было, а опыта никакого. Я даже не представлял, сколь плачевно буду выглядеть. Первые дни в Канаде я был, если по справедливости, нулевой. Выставочную игру с канадцами в монреальском «Форуме» проиграли с разгромным счетом. Просто смяли нас, раздавили. Не то что я был недоволен собой — просто удручен своим состоянием: физическим, да каким угодно. Плохо играли. А ведь на меня уже надеялись, я понимал это.

Старанием пытался как-то добрать кондиции. Кто выйдет в финальную пульку — мы или финны? Это решалось в очной встрече. Вышли мы. В роли, если не ошибаюсь, консультанта находился там Тарасов. Как сейчас помню, заходит в раздевалку, поздравляет тренеров, каждому из ребят руку жмет, ну и я стою, наполовину раздетый, жду, когда очередь дойдет, а Анатолий Владимирович проходит как мимо стула и дальше мимо Сашки Тыхных тоже. У меня комок к горлу... Не лучшая моя игра была, ошибки были, но все ж таки старался, бился вовсю. А он ничего, ни полсловечка, с таким видом прошел, что, мол, не заметил и не знает, кто это такой. У меня чуть ли не слезы сами собой на глазах...

Единственно, чем себя утешил: может, он большего от меня ждет? Может, ход такой педагогический?

Одолели потом канадцев, а в финале и шведов. Прибавил я, в общем, нормально сыграл. Ликуем в раздевалке, даем волю нахлынувшим чувствам. И заходит Тарасов. Подходит к Давыдову и говорит: «Виталья, если б не эти

ребята, ты бы ничего здесь не выиграл!» Подошел, нас с Тыхней обнял, поцеловал по русскому обычаю трижды, развернулся и вышел.

Но и после канадского турне, переломного в моей судьбе, не стал я первым номером в команде. Авдеев. Красавец был! Иван Иванович — так его звали потому, что чуть ли не с пеленок занимался в ЦСКА. По нашему возрасту Авдееву в Союзе равных не было! Отвечаю за свои слова. Знаток поговаривали, что быть ему «новым Харламовым». Они даже чем-то внешне схожи были, катанием, обводкой, фигурой... А он даже в «основу» ЦСКА не попал, такого мастера потеряли. Ване бы подождать немного, потерпеть. А он привык же к лидерству, вот и осерчал, внутренне сломался и ушел из клуба.

Вину свою чувствую. Все-таки мы же столько вместе с Ваней прошли, друзьями были. И семьями дружили. Мне бы в тот момент подсказать ему, успокоить, в общем, поддержать, а я не сделал этого. У меня-то все пошло по нарастающей, голова закружилась...

Алексей КАСАТОНОВ

Не знаю уж почему, да только принял меня в секцию Сивков. Олег Константинович оставил добрый след в моей душе, и это не связано с тем, что я кое-чего достиг в спорте. Главное, он — очень порядочный человек. И мы это чувствовали, ловили каждое его слово. Честность по отношению к людям, честность по отношению к делу, в данном случае к хоккею — все это воспитывалось в нас изо дня в день, но без нудных нотаций или постоянных окриков. Наказаний в помине не было. Была игра в хоккей под внимательным, чутким присмотром доброго и знающего человека.

В юношеских командах я все чаще пытался атаковать, хотя и противоречило это моим обязанностям. Защитник же. Уйму ошибок совершил, «проваливался», а Олег Константинович не устраивал мне разносы. То ли предвидел, что в будущем защитник расширит свои функции, то ли просто не зажимал инициативу...

Наступило время, когда пришлось задуматься о будущем.

В Ленинграде я играл во всех юношеских и молодежных сборных и на фоне сверстников, прямо скажу, выглядел на приличном уровне. Но хоккей молодежный и взрослый — это разные вещи. На этом барьере многие шею ломают.

Были парни, которых я оценивал выше, чем себя. Тот же Слава Фетисов.

Тот же Юра Вожаков из Горького. Но сколько же перспективных игроков пропало или развехалось по третьеразрядным клубам! Только в родном Ленинграде посчитать — пальцев на руках не хватит...

Сложный возраст: 17—19 лет. С одной стороны, столько людей ломаются, пускают по ветру то, чем одарены были от природы, а с другой — немало и тех, кто и добивается того, чего хочет и чего от него никто и не ждал. Бывает, из незаметных хоккеистов за два-три года вырастают мастера вполне приличного уровня.

Не лежит у меня душа рассуждать о других. Легче о себе вспомнить. Без утайки.

В этот переходный период, чего скрывать, пьянки начинаются. Я и сам был далеко не ангел, проблемы с дисциплиной имелись. И не все гладко шло у меня в Москве. Несколько раз вещи собирал, смущало только, что родителям по приезде скажу. Сдался, значит, да?..

Мне повезло. Это факт бесспорный. Попал в ЦСКА, где и дисциплина армейская, и цели у каждого большие. Тихонов сумел каленым железом выжечь во мне эту расхлябанность, сумел зажечь большой работой. Потом я стал офицером, вступил в партию. А уж когда попал в сборную, когда в первое звено попал, меня и вовсе как подменили.

Сергей МАКАРОВ

Не хочется быть задним числом умным. Но объективным надо быть. Оглядываясь на те годы и признаю, что хоть я и выделялся, но хватало ребятшек и посильней меня. Челябинск не случайно же слывет хоккеейной кузницей страны. Больше скажу. На каждом этапе моего становления находились сверстники, которых и тренеры оценивали выше меня, да и я сам, положая руку на сердце, признавал это.

Помню Лешу Калинина.

Да как же мне его не помнить, если росли вместе, в одном бараке жили. Он, правда, на два года был старше, но я и старался играть с более взрослыми ребятами. Они охотно брали меня в свои хоккейные и футбольные команды, не давали в обиду, если кто бил «в кость».

Леха Калинин! Это был хоккейный король. Со своим «Метеором» он выиграл всесоюзный турнир на призы «Золотая шайба». В награду их отправили в Артек! Поощрительные путевки раздали и, пожалуйста, на заслуженный отдых. Сказка.

Леха Калинин! Крепенький, на коньках стоял уверенней, чем без них, бесстрашный, со светлой головой, игру читал не по слогам... Я тогда с ними тренировался, но разница в возрасте помешала выступить, да и не уверен, что попал бы в состав. Иначе б взяли, почему нет.

А я чего? Совсем другой. За индивидуализм шпыняли меня кому не лень, да и ростом не вышел. А в сказки о том, что кто-то где-то подрос, делая специальные упражнения, я не верил. Прибедняться тоже не хочу, с обводкой у меня было все в порядке, мог целую пятерку обвести, но и это вызывало недовольство, а то и обиды. Партнеры ругали: «Ты играешь для себя, обводишь и забиваешь в одиночку, а нам что, лед полировать, что ли?!» Спасало меня, что забивал. Забивал много. А если удача отворачивалась, то совсем опальным становился. А я, будто бес в меня вселялся, гнул свою линию, все норовил сам сделать, от начала атаки до ее завершения. Меня и воспринимали не очень-то серьезно — шустрый парнишка, но маленький, маленький, маленький... До сих пор в ушах стоит это слово, которое воспринимал как приговор.

Стариков, конечно, видел, что я очень злоупотребляю индивидуальной игрой. Однако он не задавал меня, не обвинял Виктор Иванович в эгоизме. Хотя и мог бы. Другой на его месте наверняка поступил бы иначе.

Леша Калинин и я.

Теперь волей-неволей задумываешься над тем, почему разбежались наши пути-дороги? А тогда я заиграл «по мастерам» и, признаюсь, голову над этим не ломал...

Леша недолго за наш «Трактор» выступал, потом, когда возраст вышел, в Темиртау был, в Караганде. Вряд ли за хвастовство сочтете, если скажу, что я, уступавший ему в юности на голову, а то и на две, в итоге-то добился куда большего. Одиннадцать лет в ЦСКА — это, считайте, одиннадцать раз чемпион страны. Двенадцать лет в сборной — двукратный олимпийский чемпион и восьмикратный чемпион мира. Без ложной скромности — разница огромная!

Почему же так вышло?

Что сказать? Сказать стандартное: я больше работал, соблюдал режим и так далее и тому подобное?

Нет, я категорически против такого подхода.

Глупо это, попросту неправда, что, допустим, я пахал день за днем, а он дурака валял...

Я против однозначности, схематизма.

По-моему, все или почти все решалось на подходе к команде мастеров. Тогда какое время было? Рабочий город. Модно было шатание по улицам шумными компаниями и непременно с гитарой и песнями, то полублатными, то лирическими. Ну и увлечение девушками, танцы, не без этого. И сидение во дворе допоздна. И я тоже этого не избежал. Но у меня это как-то вскользь прошло, потому что меня, как бы поточнее выразиться, выдернули оттуда. У меня же братья были, старшие притом. Ставили меня на место, получал от них подзатыльники, за что теперь благодарен им. А у Леши братьев старших не было.

А случай? Разве последнее это дело? В спорте воля случая весьма часто распоряжается людьми. Примеров тому сотни. Примеров тому, что про человека вообще бы не узнали, кто он и что он в спорте, если бы ему не подфартило.

Взять Славу Быкова. Он же не был ни в юношеской, ни в молодежной сборных. Да о нем и в Челябинске ничего особенного не говорили. Учился в институте и играл, как говорят, «для себя» за наш челябинский «Сельхозвузовец». Не думал, не гадал себя в большом хоккее увидеть. Позвали Славу в «Металлург»,

потом в «Трактор», оттуда уже в ЦСКА, в сборную...

А Алексей Червяков? Да никто и слыхом не слыживал про такого вратаря. Был на третьих ролях в Воскресенске, призвали в армию, и он выступал аж за калининский СКА. Ну а у нас в ЦСКА вакансия образовалась: Белейский то натоврит чего-нибудь по части дисциплины, то травму получит на ровном месте; Тыжных на сходе и выручки от него не жди. Кого-то надо было позвать. Позвали Червякова. Он, молодец, хладнокровие сохранил, помог нам, а вокруг зашумели: мол, какой вратарь пропал, оказывается. Да не возникни такая ситуация, никто б о нем, уверен, и не узнал. Да и он сам про себя тоже.

Но и случаем надо воспользоваться умеючи.

На себе это изведал.

У меня с тренером вышел серьезный конфликт. Серьезный. Был такой Дубинин Владимир Михайлович. Это сейчас он состарился, осанку потерял. Согнулся, даже немного жалко на него смотреть, а тогда, бывало, лютовал, не зная пощады и не выбирая слов. После того, когда мы молодежной командой уступили кому-то в финале всесоюзного первенства, он разнос устроил страшный. Все свалил на первую тройку, а меня вообще обвинил во всех смертных грехах: «Ты не будешь в моей команде!» А другой, собственно, и не было в городе. Я не стал кивать на то, что почти на полтора года младше ребят, что забросил шайб в турнире больше всех, что считаю его упреки несправедливыми. Я был зол и страшно обижен. Я вообще обидчивый и по сей день. Если что-то задает меня, я это не буду скрывать... Так меня обида задела, что решил: вообще завязываю с хоккеем! Явился к Дубинину и сдал форму: «Прощайте». Ну, может, еще в футболе себя попробую, а не выйдет, забуду о спорте.

Николай, старший брат, из виду меня не упускал. И как-то пришел домой и таким равнодушным тоном говорит: «Тебя Кострюков видел. Понравился ты ему. Хочет взять тебя на сборы». А Анатолий Михайлович руководил командой мастеров «Трактора». Он все взял на себя, видно, интуиция ему подсказала... И я, минув молодежную команду, попал в команду мастеров! Так что Кострюкову я очень обязан. Это — однозначно. Ну и брат, конечно, рядом был. Без него не видать мне хоккея. Я бы не уступил: коли сказал, что заканчиваю, так бы и поступил. Да меня уже и в местный футбольный «Локомотив» приглашали...

Случай. Случай.

Надел я форму «Трактора». Добился того, о чем каждый челябинский мальчишка мечтает. Ну а дальше? Дальше я совсем не уверен, что попал бы в первое звено нашего хоккея. А как вышло? Пригласили меня в 1977 году во вторую сборную. Приятно, но и не бог весть что. Никаких тут авансов и тем паче гарантий. Ну и совпадение: руководил командой Тихонов, а я, видно чем-то приглянулся ему...

Записал Леонид РЕЙЗЕР

Фото Владимира БЕЗЗУБОВА

Лучшим бомбардиром турнира на призы газеты «Известия» в декабре 1990 года стал форвард сборной Финляндии Теему СЕЛЯННЕ, впервые выступавший на московском льду.

Дата рождения 3 июля 1970 года.
Место рождения Хельсинки. Рост 184 см. Вес 85 кг. Команда «Йокерит» (Хельсинки). **Амплуа:** крайний нападающий.
Карьера в высшей лиге финского хоккея: «Йокерит» — с 1989/90.

С чего начинался хоккей?
— С подарка родителей на Рождество игрушечной клюшки.

Самый трудный выбор в жизни?
— В 16 лет пришлось решать: футбол или хоккей? Играл тогда за юношеские сборные Финляндии по футболу и хоккею.

Хоккейный кумир?
— Яри Курри.

Почему «Йокерит»?

— Потому что там играл Яри Курри.
Самое яркое событие в хоккейной жизни?

— Его еще не было.

Чем занимаются родители?

— Отец по линии ООН работает в организациях, помогающих Африке. Мать — воспитательница в детском саду.

Братья, сестры?

— Два брата. Старший Ристо к спорту не имеет никакого отношения. Двойняшка Пааво — хоккейный вратарь, но — в хоккее на траве.

Своя квартира?

— Пока живу с родителями.

Хоккей — единственный источник материального существования?

— Не только. Четыре часа ежедневно занимаюсь с детьми в детском саду, в том самом, в котором работает мать. Каждый день с 10 утра до 2 дня, кроме, разумеется, случаев, когда «Йокерит» играет на выезде.

Женат?

— Пока нет, но есть подруга, с которой у нас много общих интересов.

Самое большое огорчение в хоккее?

— Перелом ноги в первом же сезоне в «Йокерите».

Тип людей, которые нравятся?

— Живые, веселые, открытые.

Почему?

— Сам такой.

Любимые книги?

— Не делаю из чтения культа. Больше люблю музыку и кино.

Мечта?

— НХЛ.

Клуб?

— «Виннипег Джетс». Предварительное соглашение уже есть.

Когда?

— После чемпионата мира в Финляндии.

Любимый город?

— Хельсинки. И... может быть, Виннипег.

Самое тяжелое чувство во время матча?

— Ожидание на скамейке очереди своей пятёрки.

Александр ГОРБУНОВ

НАДЕЖНЫЙ

(Окончание. Начало на стр. 6)

— Ну, раз не хочется, то давай о другом. В последние годы для твоей команды стало чуть ли не явлением. Начинается сезон, придет несколько игр, и вот уже практически от кого угодно — начиная от болельщика и кончая специалистом — можно услышать примерно такое: «Играют неплохо. Где-то около призеров в конце чемпионата окажутся». Но почему — чемпионы призеров? Что мешает в общем-то добротной команде побороться за высшие награды? Ну пусть не получится, и тогда окажется «только» в призерах. Что мешает-то? (Он внимательно слушает мой вопрос, однако чувствую, что желая отвечать на него у Александра нет).

— Знаете, причин немало. Да, я капитан и вроде бы должен ответить. Поймите меня правильно: я не боюсь кого-то обидеть, но команда — это сложный и чувствительный механизм, и прикосновение к его отдельным деталям чревато в дальнейшем нежелательными последствиями. К тому же, пусть это не удивляет, хотя я и капитан, лидером по большому счету я себя не считаю. Лидер, как я понимаю, это нечто большее, это совокупность многих качеств, некоторые из которых у меня просто отсутствуют.

— Но капитаном все-таки избрали тебя?

— Да, но почему — ответить смогут ребята, я не смогу.

— Ладно, попытаемся к этой проблеме подойти с иного, что ли, фланга. Вот уже несколько лет, как у нас периодически возвращаются к теме профессионализма в спорте, в футболе в частности. Как бы ты, человек, готовящийся ныне к своему 15-му сезону в высшей лиге, раскрыл понятие «футболист-профессионал»?

— Попытаюсь, но, естественно, не претендуя на исчерпывающее толкование. Итак, первым делом такой человек должен понимать игру до мельчайших деталей и постоянно развивая свой общий и игровой интеллект. Далее — режим. Режим не вообще, а режим жизни — где бы ни находился футболист — на сборе или дома, в семье. Конечно, у игроков многое, как мы говорим, от Бога. Но профессионалом можно и не родиться, им нужно стать, если ты избрал своей профессией футбол. Стать — через огромную работу и при наличии внутренней дисциплины. Внутренней, а не той, которую порой соблюдают некоторые футболисты. Ведь у нас, как и у всех, есть и праздники, и горькие дни, когда, что по-человечески понятно, тянет «нарушить режим». Только вот профессионалу в этот

момент надо помнить, что футбол — его работа. Причем от ее качества в конечном счете зависит качество работы коллектива людей и далее, это не громкие слова, уровень их благосостояния. И еще. Если сам футболист всего этого не прочувствует во всей полноте, ему, на мой взгляд, должны помочь товарищи по команде, включая, естественно, и тренеров, семья наконец.

Я немало слышал (да и знаю) о киевских динамовцах. Многим из них не очень-то по душе тот, что ли, образ жизни, что заведен в их команде. Но все видят плоды этого образа, а они, по моему, как раз и являются плодами профессионализма. Жаль только, что не совпали сроки вхождения киевлян в форму с началом чемпионата мира, уверен — они сыграли бы значительно лучше.

— Саша, а теперь, на основании твоего толкования «профессионализма», скажи, кто в «Торпедо», ну, скажем, если и не в полной мере соответствует ему, то хотя бы приближается по отношению к избранной профессии?

— Валера Сарычев, Олег Ширинбеков, братья Савичевы...

— А можно добавить Полукарова?

— Можно, но с оговоркой: я лишь после длинной паузы в 89-м многое пересмотрел, многое, что ли, попытался изменить в себе самом. И знаете, если бы сегодня я смог вернуть годы, то многие из них прожил бы иначе, многое сделал бы по-другому.

— Так не в этом ли коротком списке, Саша, скрыт торпедовский «комплекс»?

— Наверное. Но знаете, я верю в нашу молодежь. Верю в Юру Тишкова, в Сережу Шустикова, Сашу Кузьмичева...

— И все?

— Почему, есть еще Дима Ульянов, Максим Чельцов.

— А не пересидели ли все они в дубле?

— Это — сложный вопрос. Вот нередко можно услышать, что тренеры не дают молодым дорогу. Наверное, такое бывает. Но когда может выйти молодой игрок в основном составе? Либо тогда, когда он чрезвычайно одарен, либо когда у кого-то из игроков «основы» стабильно... не идет игра. По моему, иных вариантов нет.

— Саша, а можно еще непострой вопрос?

— Давайте.

— Подчас от обывателя слышишь, что вот, мол, у футболистов не жизнь, а сплошная масленица: и деньги получают они немалые, и всякие жизненные блага достаются им просто, «за кордон» частенько ездят, и прочее, и прочее, и прочее. Что скажешь на это?

— Что скажу? А зачем говорить: я предлагаю рассуждающим таким образом — поменяться...

Я люблю футбол, не мыслю себя вне его, я люблю свою команду, мне даже кажется порой, что и в детстве я играл в «Торпедо», но... Но я хотел бы напомнить многим, что детства, как его видят многие дети, я не видел. У нас, футболистов, организм за 10—12 лет изнашивается так, как подчас не изнашивается у людей других профессий за всю трудовую жизнь, то есть лет за 35—40. У меня двое детей — Юля, которой 11 лет, и Алешка, которому семь (кстати, уже тренируется под руководством недавнего партнера отца Александра Гостенина), но за все эти годы они слишком редко видели меня дома. Конечно, они окружены заботой и вниманием Лены, но ведь далеко не во всем мать может заменить отца. Не уверен, что какой-нибудь сталевар или паровозостроитель легко принял бы такой образ жизни.

...Таков он, торпедовский капитан. Портрета, скорее всего, не получилось, только эскизы к нему. Немного и неожиданно помог Валерий Сарычев. Когда мы уже расставались, он забегал на несколько минут о чем-то посоветоваться с Леной.

— Валера, какое из качеств своего капитана ты назвал бы главным?

— Когда в 89-м его не было в составе почти весь сезон, мне было просто тяжело стоять в воротах. Надежный он какой-то, вот, наверное, это и главное в нем...

Что к этому можно добавить? Ну, скажем, что в сборную-то он мог вполне попасть. Где-то году в 83-м. Но тогда родился долгожданный Алешка, и, по признанию Саши, для него это было куда важнее в жизни, чем включение в состав главной команды страны (да, да, не удивляйся, читатель: не всем в жизни можно пожертвовать даже ради красоты и почетной майки с буквами «СССР» на груди). Что играл он в юниорской сборной СССР, достигшей финала мирового чемпионата и уступившей аргентинцам, среди которых были Диас и Марадона. Что за всю свою долгую жизнь в футболе он получил две желтые карточки (за «беседы» с судьями) и одну — красную (заступился в Тбилиси за Пригоду, которого хозяева поля решили вдруг превратить в боксерскую грушу). Что он очень ценит своего главного тренера — Валентина Козьмича Иванова, человека простого, даже сложного, но, по словам Александра, уважающего в футболе трудолюбие. И еще то, что в прошлом году он, попросту говоря, крепко устал: «Ничего не делали, пока шел чемпионат мира, а потом началась гонка».

Уверен, однако, что такие, как Александр Полукаров, устанут ненадолго. И с первыми днями весны он снова вывел свою команду на поле, а она, как и прежде, надеется на него.

Эдуард ФРИМЕРМАН

БИЗНЕС СЕРГЕЯ БУБКИ

Юрий ЮРИС

Мне удобнее соблюсти логику не вполне ординарных событий, приведших в конце концов к рождению в Донецке этого необычного теннисного турнира, если начать с... Сергея Бубки, для которого пластиковый шест, конечно же, более привычное «оружие», нежели ракетка со струнами (хотя и ею, замечу в скобках, знаменитый атлет владеет вполне достойно).

Так вот, прошлой зимой Бубка взбодоражил спортивный мир своим отказом от стипендии Госкомспорта, которую он получал много лет как член сборной страны. Переход олимпийского чемпиона на «самофинансирование» вызвал разноречивые толки. Они наверняка подогревались «бунтами» на корабле главного спортивного ведомства, поднятыми ранее Гарри Каспаровым и Натальей Зверевой. Правда, то были представители игровых видов, шахмат и тенниса, давно и прочно во всем мире ставших на путь профессионализации и коммерциализации. Легкая атлетика же у нас считалась дисциплиной сугубо любительской и потому «законопослушной».

Руководящие спортивные чиновники, легко представить, были шокированы решением Бубки. Еще бы! Утратить власть над такой суперзвездой! Однако «отступничество», с точки зрения функционеров, привыкших стричь купоны с чужого таланта, — лишь одна сторона медали. Другая, куда более любопытная, заключалась в выборе, сделанном Бубкой в пользу «Донецкого центра НТТМ «Труд», где олимпийский чемпион «без отрыва от шеста» занял должность заместителя заведующего отделом внешних связей. А поскольку связи у Бубки в спортивном мире огромны, то первый же проект, осуществленный им вместе с новыми деловыми партнерами по центру, оказался на диво успешным. Международный матч «Мастера шеста» собрал в феврале прошлого года в Донецке всех звезд этого вида спорта и завершился полетом самого Сергея на высоту очередного мирового рекорда.

Турнир был прекрасно организован, потребовал, естественно, солидных расходов, главную тяжесть которых принял на себя центр НТТМ «Труд». Несколько позже я пытался выведать у Александра Попова, 40-летнего кандидата наук и бессменного директора центра со дня его основания, какими были эти расходы, и, собственно, ради чего, — ведь не альтруисты же они, в конце концов, готовые швыряться день-

гами ради удовлетворения амбиций пусть даже олимпийского чемпиона.

— Не альтруисты, — подтвердил Попов. — Скорее напротив, мы — суровые прагматики. Именно поэтому, возможно, быстрее многих других поняли, что спортивный шоу-бизнес — это отличная реклама центру, возможность наладить и расширить контакты с отечественными и зарубежными партнерами, наконец, испытать себя в крупном коммерческом предприятии, приносящем пользу и нашему делу, и спорту. А

трих лет назад в рамках набиравшей силу «молодежной экономики». В ней, начисто свободной от надуманных идеологических пут, в значительной мере проецировались будущие рыночные отношения: когда успех дела предопределяют инициатива и предприимчивость. Начинали с нуля, без копейки дотаций, зарабатывая «стартовый капитал» на скромных посреднических услугах... А сегодня годовой оборот по заказам, выполняемым акционерным обществом «Донецкий центр НТТМ «Труд» (так они теперь называются), составляет 8—10 миллионов рублей. При штатном расписании, заметьте, всего 60 человек, включая административный и технический персонал.

Какие же это заказы? Чаще всего — разработки проектной документации на строительство жилья в сложных горно-геологических условиях Донбасса, школ, культурных центров, ремонтных дворов, колхозных и совхозных ферм. Все исполняется практически по государственным расценкам, только в 2—3 раза быстрее, поскольку до минимума сведены согласования и увязки, присущие неповоротливым госорганизациям проектного профиля. Словом, расхожая формула «время — деньги» тут обрела реальный, осязаемый смысл.

Нельзя, разумеется, умолчать и о «фирменном» направлении в коммерческой деятельности молодых донецких бизнесменов. Им стали научно-практические разработки мирового уровня, связанные с проблемой эффективной защиты кабельной продукции. Эффективной настолько, что заключен договор о сотрудничестве с Институтом электросварки имени Е. Патона Академии наук Украины. Ученые, разработчики высшей квалификации охотно предлагают на договорных началах

Начинали с нуля — сегодня в обороте миллионы

расходы — они неизбежны. Законы бизнеса просты: хочешь что-то получить — сначала вложи, ибо скупой платит дважды. Мы не скупились, зато потом, после «Мастеров шеста», поток заказов увеличился в 3—4 раза.

Тут я прерву Александра Попова, чтобы хоть вкратце рассказать о ведо-мом им центре. Возник он, как и все аналогичные структуры в стране, больше

свои услуги центру, где за достойную работу платят и достойные деньги, ибо большая часть средств идет на материальное поощрение поиска и инициативы, а не на прокорм громоздких начальственных структур, которых тут нет и в помине.

...Прошу прощения у читателей за несколько затянувшуюся, хотя и необходимую для ясности преамбулу к тому, ради чего пишутся эти строки. Итак, успешно пройдя испытания «Мастерами шеста», новую сферу приложе-

Выставка «Уголь-90» в обрамлении теннисных ракеток

ния своих спортивных интересов центр НТТМ «Труд» обнаружил на теннисном корте.

Напомню, что Донецк — признанный «теннисный» город, располагающий прекрасными условиями для проведения состязаний самого высокого ранга. Было время — в основном в 70-е годы, — когда местные корты «Локомотива» видели игру таких корифеев ракетки тех лет, как Никола Пилич, Ян Кодеш, Мануэль Орантес, не говоря уже об Александре Метревели и других наших звездах. Между прочим, все скольконибудь значительные успехи мужской сборной СССР в розыгрыше Кубка Дэвиса связаны с Донецком. Увы, вспоминать об этом приходится с ностальгией, потому что в последнее время теннисные метры почему-то не жалуют шахтерский город своим вниманием.

Что ж, пусть им будет хуже, — возможно, так рассуждали в центре НТТМ «Труд», когда задумывали первый, вероятно, в нашей стране международный коммерческий турнир, но не для мастеров-профессионалов, а для любителей. Впрочем, турнир был и «профессиональным» — в том смысле, что участвовать в нем приглашали в первую очередь представителей фирм, съехавшихся в Донецк на всемирную выставку «Уголь-90». Заранее оповещенные фирмачи из Австралии и Канады, США и Франции, Польши и Великобритании прихватили с собой теннисные ракетки. Они (разумеется, вместе с советскими бизнесменами) разыгрывали главный приз — «Золотой Меркурий». Все остальные участвовали в массовом турнире, причем теннисному «дилетантству» отдавалось предпочтение перед мастерскими и прочими званиями, пусть даже прошлыми.

— Прошагав, образно говоря, «от шеста до ракетки», имея некоторый опыт, мы хорошо понимали, что удачное воплощение нового замысла будет зависеть от привлечения спонсоров, — рассказывает директор «Менеджер-тенниса» Владимир Котелевский. — Несколько месяцев шла подготовительная работа, в результате которой спонсорами соревнований вызвались стать «Хаммер-клуб», компании «Развитие», Донецкое производственное объединение «Точмаш», Ясиноватский машиностроительный и Авдеевский коксохимический заводы, объединение «Югрыба», донецкая фирма «Бис», творческий производственный центр «Пирамида» и объединение «Донэкс».

Естественно, возникает вопрос: а что, собственно, побудило все эти организации и фирмы вдруг раскошелиться ради любительского турнира, сколотившего в итоге солидный призовой фонд в 30 тысяч рублей?

— У нас иногда все еще думают, будто спонсорство — некая разновидность хорошо знакомого всем меценатства, — поясняет Котелевский. — Разумеется, это заблуждение. Поэтому мы постарались сделать все, чтобы те, кто согласился субсидировать «Менеджер-теннис», в проигрыше не оказались. Для каждого предприятия, вложившего деньги, разработали так называемые спонсорские программы, включавшие рекламу фирм, их сервисное обслуживание, налаживание деловых контактов через работавший на турнире бизнес-клуб. В результате, скажем, только фирма «Бис», занимающаяся рекламой и продажей множительной техники

Деловые контакты возникают на корте

мирового уровня, набрала за четыре турнирных дня заказов на миллион рублей. А, к примеру, севастопольское бассейновое объединение «Югрыба» получило в качестве «улова» десятки новых партнеров, которых давно и без особых успехов искало.

Как ни старались зарубежные фирмачи, как ни потели на корте, главный приз — статуетка бога торговли Меркурия плюс 3000 рублей в конверте — остался в Донецке. Из рук первой красавицы Украины Марины Смирновой его получил менеджер фирмы «Бис»

Михаил Павлюков, которого, к слову сказать, когда-то тренеры-профессионалы сочли «неперспективным» для большой игры.

Но еще более впечатляющим торжеством спортивного духа над обстоятельствами явилась победа в массовом турнире Юрия Черного из Мариуполя, в юношеском возрасте оставшегося без руки... Запомнился и благородный жест Манфреда Хаймана, представлявшего германскую фирму «Паурат». Выигранные в турнире 600 рублей он попросил передать детскому саду Ясиноватского машзавода — предприятия, с которым «Паурат» имеет прочные деловые контакты.

Наш спорт, еще недавно «самый массовый в мире», оказался на поверку голым королем, которому подчас нечем прикрыть свою наготу. Однако по природе своей он по-прежнему притягателен, и слава Богу, что все больше деловых людей понимают это. «Менеджер-теннис» в Донецке — одно из свидетельств тому. Финансовые инъекции, сделанные организаторами, несомненно, будут иметь, как сказали бы медики, пролонгированное действие. При подготовке к турниру за счет центра НТТМ «Труд» был отремонтирован теннисный стадион, да и за аренду уплачены солидные деньги, которыми надлежит только распорядиться по-хозяйски, с умом.

Кстати, неожиданно любопытное предложение сделал первый секретарь посольства Австралии в СССР Джеральд Сибер, тоже игравший в турнире «Менеджер-теннис». Восхищенный и кортами, и «теннисным» климатом, и гостеприимством донбассцев, он намерен обсудить с нами возможность проведения регулярных теннисных «уик-энд» в Донецке для аккредитованных в нашей стране австралийских дипломатов. Разумеется, не за спасибо. И даже, видимо, не за рубли...

Впрочем, это всего лишь частность, деталь. Главное же заключается в том, что при центре НТТМ «Труд» теперь создана постоянная дирекция международных теннисных турниров «Менеджер-теннис». Стало быть, продолжение следует. Возможно, в Бохуме — немецком городе, давно породненном с Донецком, где, по словам президента местного спортивного клуба Вернера Хассе, идея подобных состязаний воспринята на «ура». Или — в польском Вроцлаве, представители которого заявили о готовности принять «Менеджер-теннис» уже этой зимой. Или — в нашем Севастополе, тоже выставившем свою кандидатуру в качестве первоочередной.

...А Сергей Бубка, с которого, вольно или невольно, все «заварилось», смею думать, тоже захочет хотя бы на время отложить в сторону шест и взять в руки ракетку. Как давний поклонник тенниса и как деловой человек. Имеет полное право.

Донецк

ИГРАТЬ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

Под этой рубрикой в нашем журнале уже дважды выступил кандидат медицинских наук Владимир Мельников — по проблеме, касающейся каждого из нас: здоровье нации. Проблема отнюдь не нова, и мы обращались к ней в наших публикациях неоднократно. Однако в последнее время она приобрела особую остроту, ибо, по признанию медиков, наконец-то отважившихся назвать вещи своими именами, состояние этого здоровья сегодня становится катастрофическим. Молодой ученый не только констатирует этот факт, но и высказывает свои, во многом отличные от общепринятых, взгляды на пути выхода из тупика, в котором мы все вместе сегодня оказались. Предлагаем вашему вниманию первую часть третьей, заключительной, статьи из этой серии. Слово Владимиру МЕЛЬНИКОВУ.

В прошлый раз мы остановились на том, что нам необходимо всерьез заняться восстановлением своего утраченного здоровья. Таких нуждающихся в восстановлении и реабилитации, как утверждает статистика, сегодня, к сожалению, подавляющее большинство — 75%. Но не случайно темой нашей заключительной беседы мы избрали проблему здорового меньшинства, не нуждающегося в реабилитации, но требующего дальнейшего совершенствования. Проблема, на мой взгляд, важнейшая, потому что от того, сумеем ли мы хотя бы сохранить это здоровое меньшинство, а по возможности его и приумножить, зависит возможность

всем нам выжить сегодня.

Ничего не поделаешь, во все века природа не ко всем была одинаково милостива: один появлялся на свет здоровым, другой — больным. Один рождался умным, другой — не очень. Одного природа одаряла талантом, другого — почему-то таланта лишала. Наконец кто-то рождался гением... Сегодня, чтобы иметь возможность лечить больных, кормить инвалидов, престарелых, нетрудоспособных, мы должны очень серьезно позаботиться о тех, кому это по силам — о здоровых, умных, талантливых. Но для этого мы сначала должны найти их, отобрать...

Еще совсем недавно слово «отбор»

было чуть ли не запрещенным в нашей самой «гуманной» науке. И тем не менее в сегодняшней беседе это слово будет встречаться достаточно часто.

Сначала хочу предложить вам короткий конспект предстоящего разговора — обозначить основные его темы, с тем чтобы потом на каждой остановиться и поразмышлять.

Итак, мы все разные. Наше сообщество — это гармония разнообразных. И естественный отбор — инструмент такой гармонии. Мы вмешались в этот отбор. Мы сломали инструмент. И причина этого вмешательства — прежде всего наши пороки. Какие? — назовем и разберем их чуть позже.

Политика превращает наши пороки в закон. Закон фиксирует систему самооправдания — идеологию. Медицина, опираясь на псевдогуманизм идеологии, суетится в сегодняшнем дне, не думая о дне завтрашнем. В итоге искусственный отбор становится антиотбором.

Сейчас мы много и с большой болью говорим о больных наших детях. Но предвижу вопрос: кого имеет в виду статистика, назвавшая больными три четверти наших детей — нездоровых физически или отсталых умственно? К сожалению, здесь все слишком крепко связано. Как говорят ученые, человек «без печени» мыслит иначе, чем человек «с печенью». В применении к нашим сегодняшним будням можно было бы сказать, что человек с куском хлеба, намазанным маслом и икрой, мыслит иначе, чем человек с сухой коркой. Качество мысли определяется вполне четкими материальными факторами.

Сегодня многие из нас с тоской смотрят на благополучный и сытый Запад. Но... именно сейчас без оглядки бро-

ситься в хаос западного образа жизни — это конец. Это может быть концом траектории биологического развития нашего этноса — советского. Это смерть.

Впрочем, у благополучного и сытого Запада тоже проблем хватает. И перед ним тоже стоит проблема выживания. Только там разработали систему страховки. Мы же сегодня в период смуты думаем прежде всего о самом элементарном: мы хотим хорошо есть и хорошо одеваться. Мы голодны и злы, поэтому нам очень трудно сейчас подняться до высоких мыслей, до размышлений о смысле существования...

Меня могут спросить, а при чем здесь спортивные игры, не слишком ли далеко в сторону мы ушли? — Так вот к сегодняшнему разговору они имеют самое прямое отношение. Во-первых, именно спортивные игры могут быть средством отбора, развития, реабилитации в нынешней критической ситуации. Во-вторых, мы, как государство, воспринимаем спортивные игры слишком однобоко — в виде зрелища. И вкладываем в это зрелище деньги. О спортивном зрелище-психонаркотике мы уже говорили. Психонаркотик для толпы — это инструмент убогой политики. Сегодня нужно вкладывать деньги в возможность выжить. А для этого необходимо изменить взгляд на игры...

А теперь обо всем подробнее.

До сравнительно недавнего времени фразу «мы все разные» у нас и произнести было нельзя. Первым, кто недавно с позиций науки сказал об этом с большой трибуны, стал профессор Гумилев из Ленинградского университета. Он разработал новое направление в науке — этногенез, в котором есть своя, четкая, систематика. Мы, оказывается, разделены на стереотипы — стереотипы поведенческих и устремленческих наших состояний. Есть люди бродяги. Есть люди убийцы. Есть люди творцы... У каждого есть предрасположенность к тому или иному. В основе ее — внутренняя совокупность определенных качеств, которые можно было бы назвать предназначением. Подобная систематика, такое деление — не новинка, они родились еще в древности.

Простейший пример — женщина, одаренная от природы талантом. Для того чтобы реализовать этот талант, ей надо преодолеть своеобразный барьер, который стоит перед женщиной в любом обществе, то есть искусственно поставленные рамки — законами, традициями общества. Та, у которой нет внутреннего предназначения преодолеть их, не будет и преодолевать эти рамки. Она и в своей экологической нише будет чувствовать себя очень хорошо. Более того, будет искать в ней свою, маленькую, особо уютную нишу. Другая же этот барьер преодолеет и уйдет за него в ту область, которая, скажем, обществом для женщины не предназначена. Однако, будь у нее только желание, без внутренней предрасположенности сверчок бы знал лишь свой шесток.

Словом, предназначение — это не только желание, это — росчерк Господа Бога на вашей генетической программе,

т. е. наличие соответствующего внутреннего качества. Тут ничего сложного нет. Не соответствуете вы своей нише — будете несчастны. Будете мучиться. Возможно, не сразу, а лишь по прошествии времени почувствуете это. Со стороны будут говорить, что характер, мол, не тот: начался человек — фантазии у него разыгрались... А дело все в том же — мы разные. Кому-то доставляет радость кормить людей. Для других радость — изучать, анализировать и рассказывать о своем анализе, просве-

КАК БЫЛ СЛОМАН ИНСТРУМЕНТ ЕСТЕСТВЕННОГО ОТБОРА

щать. Третьим радость доставляет защищать людей. Но есть Разрушители, для которых счастье — разрушить. Счастье — растоптать чужое счастье. Есть и такие. А причина — в совокупности гормонов, в совокупности ферментов. Это внутренняя биохимия. Но есть и внешние факторы. Это Космос, космофизическое воздействие. Это — и время рождения человека и многое другое...

Кстати, наука этого давно не отрицает. Я был бы слишком самонадеян, утверждая, что это мой личный взгляд. К счастью, мне удалось эти знания усвоить. А наука владеет ими давно.

Даже в гороскопах есть своя определенная логика. Я учился в темное время, именуемое сейчас периодом застоя. Так вот, уже в те годы наш декан М. М. Горшков с позиций науки, физики занимался изучением взаимосвязи биологии, психологии человека и картины звездного неба. Ведь воздействие на нас последнего — чисто материальное воздействие. Скажем, у Солнца — самого близкого к нам Светила — повысилась активность. На нас это отражается мгновенно. Хотя лично я противник публикаций о предстоящих магнитных бурях и т. п. Они лишь вызывают невротические состояния у людей, ставят их в зависимость от этих цифр — читатели уже заранее ждут этого дня, заранее мучаются...

Помимо нашего Солнца не менее активно действуют на нас и другие светила — звезд-то миллиарды. И каждая из них, живя своей жизнью, — действует на нас. Сегодня она поактивнее, излучения стали более жесткими и... вызвали изменения наших маленьких молекул, из которых мы состоим, — они тоже стали более активными, более вредными, более опасными или, наоборот, — более добрыми, более полез-

ными и т. д. В результате у нас произошло ослабление к какому-нибудь вирусу. Или вдруг просто изменилось состояние: вроде бы день праздничный, а нам не по себе, грустно, плохо. Как видите — все связано.

А поскольку Космос, космические законы, физические законы — это законы, которые поддаются прогнозам и расчетам, то, значит, прогнозам и расчетам поддается и наше поведение, и даже наши поступки. Ведь человек — частица Космоса.

Видите, мы забрались далеко, даже в Космос — но всего лишь для того, чтобы разобраться в том, почему мы такие разные и по возможности уяснить, что такое предназначение. И уяснили: каждому из нас на роду написано — быть ему ученым или спортсменом. Меня могут спросить: это что, фатальная неизбежность? Отнюдь. Нужно уяснить себе другое: если природой тебе предназначено стать ученым или спортсменом и ты им стал — это счастье. Если мне предназначено стать садовником, то я буду счастлив, получив возможность общаться и шептаться со своими цветами. И окажусь крайне несчастливым, если вынужден буду считать чужие деньги... И от общества, государства мы должны требовать, чтобы оно дало нам возможность попробовать себя и там, и там, чтобы в конце концов найти истинное. Вот что такое естественный отбор — инструмент Гармонии. И в него нельзя вмешиваться. А мы вмешались. Причем каждая идеология оправдывала это вмешательство по-своему.

Фашизм, как любое националистическое движение, опирался на лобовую логику отбора — национализм, расизм, то есть отбирал по признакам: нация, раса. В итоге — антиотбор. Коммунизм

«ДАЖЕ В ГОРОСКОПАХ ЕСТЬ ... ЛОГИКА»

провозгласил другой принцип отбора: происхождение, класс-гегемон, ведущий и правящий, «социально чуждые элементы»... Отсюда анкета, по которой отбирали. В результате — тот же антиотбор. Наконец, капитализм — «уродливое общество потребления», как нам его представляли. Правда, сегодня осуждать это общество потребления, на которое мы глядим издали с возмущением, небезопасно — камнями забросают. И все-таки эти три способа антиотбора я объединил бы по одному признаку — в основе каждого лежат наши пороки: страх, жадность, сексуальная страсть, ненависть, зависть...

Начнем с первого. Это Страх, что кто-то отнимет мое, сегодняшнее, имеющееся лично у меня. Жадность: я хочу, чтобы этого имеющегося было как можно больше. Сексуальная страсть: я хочу чтобы это имеющееся, если я мужчина, было оценено красивой женщиной и чтобы она стала моей. У женщин, соответственно, наоборот. И, наконец, ненависть к тому, кто хочет меня этого лишиться. Или я подозреваю, что он того хочет. Вот причины выражения и даже реализации систем антиотбора, которые, по крайней мере, нашу страну привели на грань краха.

Мы провозгласили светлое будущее, но гнали в него под дулами автоматов — насильно, а непокорных уничтожали в концлагерях. Причем этими непокорными оказывались как раз самые здоровы, сильные, умные, талантливые.

Мы тоже культивировали потребительское отношение к жизни. Причем именно Номенклатура, провозглашавшая высокие идеалы, звавшая молодежь на подвиги — на целину, в тайгу, на строительство БАМа, собственных отпрысков отправляла на дипломатическую работу за границу. Как часто в нашем «самом гуманном» обществе человека с предназначением артиста, музыканта, художника насильно загоняли в дворники или солдаты. Вот пример нашего вмешательства в естественный отбор, примеры нашего «социалистического» антиотбора, в основе которого лежат все те же перечисленные выше пороки.

Во все времена пороки в общем-то питали законотворчество. И будут питать. Законы же, а точнее — законодатели, в свою очередь, формировали систему самооправдания — идеологию.

Нам с детства объясняли, что такое античеловеческая идеология фашизма, противопоставляя ей «самую гуманную» идеологию коммунизма. Я, честно говоря, в этих двух не очень разобрался.

ЧЕЛОВЕК — ЧАСТИЦА КОСМОСА

Мне, как медику, ближе и понятнее идеология определенных групп людей. Есть, например, идеология фанатов, идеология спортсменов... Есть даже идеология алкоголика. Причем мощнейшая. Чего только вы из нее не почерпнете: там и стихи, и формулы и способы лечения (водочка с перцем, например...). От идеологии всего шаг до мировоззрения. А мировоззрение питает уже профессию. Наша медицина, опиравшаяся на «самую гуманную» идеоло-

гию, понятие «отбор» признавать не желала. Публикации на эту тему было достаточно, причем многие из них опирались на советский (позволил себе это выражение) «псевдогуманизм». Смысл его в том, что успехи отечественной медицины направлены прежде всего на то, чтобы каждому человеку дать жизнь, при этом противопоставлялись духовное и материальное, интеллект и сила. Люди с медицинским образова-

«ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГЕНИЯ — ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНАЯ»

нием очень любили пример о преждевременном рождении Гете. Он, как известно, родился иссиня-черным, маленьким, недоношенным, но впоследствии человечество получило гения. А сын Гете, родившийся одновременно и вполне нормальным по весу, оказался слабоумным. Предоставив все естественному отбору, человечество — подвели итог апологеты «гуманизма» — потеряло бы гения...

Я бы назвал это публицистическими играми. Потому что если уж говорить на эту тему, то опираться следует на профессиональные заключения науки.

В проблеме, которая особенно волнует нас сегодня — Гений, Талант, Отбор, — больше всего, пожалуй, поработано у академика В. П. Эфроимсона — ведущего медицинского генетика страны. Так вот, по его теории, зарождение потенциального Гения — это проблема биологическая и генетическая. Развитие и становление гения — проблема биосоциальная. Осуществление гения — проблема социальная. Расшифруем: даже самого одаренного, умного, мудрого надо кормить, одевать, защищать. В конце концов, слушать его, учиться у него. Словом, без сообщества людей индивидум не реализуется. А без здорового индивидума-производителя нет будущего у сообщества. Словом, Гений и Толпа... эта проблема существовала всегда.

Нас десятилетиями убеждали, что подобная гармония достигнута в нашем «самом справедливом обществе», где созданы все условия для развития таланта и где «самая гуманная медицина» одинаково заботится и о сильном, и о слабом. Тогда как же пришли мы к этому соотношению: 75 на 25?

Беру на себя смелость утверждать, что наша медицина опиралась на «псевдогуманистическую» идеологию. Попробую это обосновать. Понимаю, что риску. Возможно, меня не поддержат

даже многие коллеги-профессионалы. И тем не менее рискну. Приведу самый доступный пример — детские прививки. Мы, медики, все чаще и чаще сталкиваемся с тревогой людей по этому поводу. На лекциях — огромное количество вопросов. Родители высказывают беспокойство, что прививки эти опасны. Причем боятся того, что опасны они прежде всего качественно — для стерилизации, например, используются пестициды. Однако мы редко ставим вопрос о том, что этот искусственный иммунитет для нас, как для сообщества людей, — отнюдь не благо. Потому что среди нас все меньше и меньше становится особей, у которых этот иммунитет формируется естественным образом. Среди нас все меньше и меньше становится людей, у которых естественным способом накапливается информация, определяющая взаимосвязь человека с окружающим миром и прочность этих уз. Связи должны формироваться поэтапно: меняется окружение, внешняя среда — меняется и наша внутренняя среда, причем только в результате постоянных контактов, столкновений с инфекционным фактором, при котором возможна и гибель. Да, это закон природы.

Мы вмешались. Отчего? От Страха — порока, о котором уже говорили. Боимся умирать. Боимся за жизнь своих близких. А я своему ребенку прививок не делал. Потому что тоже боюсь — боюсь за будущее потомство. Я, как всякий нормальный человек, хочу иметь внуков. Но, как медик, понимаю, что если они родятся здоровыми и у них будет все в порядке с окружающим миром, в том числе и с микромиром, то у них будет еще более здоровое потомство. Только так, ибо нет никаких гарантий, что мы с вами, как человеческое сообщество, обгоним, опередим микромир — микробов, которые и быстрее совершенствуются, и быстрее приспособляются. Больше того, у нас нет никаких шансов — мы уже сегодня проиграли эту гонку. Проиграли, играя с гриппом, спидом, с герпесом — с самой обычной простудной лихорадкой, которую в Европе уже боятся больше, чем СПИДа. Потому что герпес сегодня так же изменился, как спид. Последний в недавнем прошлом тоже был вполне невинным вирусом — невинным по отношению к человеку. И вдруг стал агрессивным. Почему? Очевидно, потому, что мы создали ему условия. Это сегодня одна из основных, базовых гипотез происхождения СПИДа. И другие вирусы не ждут. Как выяснилось, невинный герпес тоже меняется. И сегодня уже выкакивает где угодно, а не только на губе. Попадая на легкие, вызывает герметонную пневмонию, при которой погибает 30% больных — не лечится ничем. Попадая в оболочку мозга, вызывает герпетический энцефаломиез. Погибает уже 60% больных. — Не лечится ничем. Более того, в среднем городе, даже и не диагностируется — ничем.

Так что микробы изменяются. Исчезнет северный олень (а он уже исчезает) — возникнет 200—300 новых микро-

организмов, незнакомых человеку. Таковы законы природы: пустое место обязательно заполнится. Мы бурим скважину на три километра и ликуем — глубинное бурение, рекорды... А поднимаем оттуда еще до 300 новых микроорганизмов. Они тоже будут видоизменяться, а мы будем их стимулировать — химией, радиацией, лекарствами... В Соединенных Штатах, например, проститутки попали в группу риска отнюдь не потому, что занимаются этим ремеслом. А потому, что они постоянно в профилактических целях принимают колоссальное количество антибиотиков, что послужило фоном для изменения самих микроорганизмов, живущих в организме этих женщин. Сегодня найдены две новые формы того же СПИДа у тех же американских проституток. Спрашивается, почему именно в этом объекте он меняется много быстрее? Одна из вероятных причин названа выше.

В этом отношении медицина с ее псевдогуманизмом является одной из причин нашего ухода от естественного отбора как блага. И зашли мы уже так далеко, что, даже решив остановиться, уже не сможем этого сделать. И души наши не примут этого торможения. Да и процесс уже начался — микроорганизмы быстрее плодятся, быстрее размножаются. А в поисках средств защиты мы лишь создаем им дополнительные усло-

ПРОСТУДНОЙ ЛИХОРАДКИ БОЯТСЯ БОЛЬШЕ СПИДА

вия для изменения, уничтожая других животных, освобождаем экологическое пространство — ускоряем их изменчивость, «подавляя» всякой химией, радиацией, лекарствами... Ну, и образ жизни, вне всякого сомнения, сказал свое слово — динамичный, насыщенный, не ограниченный обычаями, традициями, которые в общем-то стояли на страже нашего здоровья. А значит, и здоровья будущих поколений. Я отнюдь не призываю к патриархальности, — а лишь к здравому смыслу. Нам отнюдь не всегда следует гордиться так называемыми «успехами» в биологии и медицине.

Записала Татьяна БЕЛЯЦКАЯ

(Окончание следует)

ШКОЛА БИЛЬЯРДА

КАРАМБОЛЬ

Владимир КАПРАЛОВ

Продолжение. Начало в № 12 за 1990 г.

В последнее время советские спортсмены-бильярдисты получили доступ к участию в традиционных европейских и мировых первенствах. Однако проблема в том, что русский бильярд в мире почти неизвестен, точно так же, как неизвестны у нас игры, наиболее популярные за рубежом, и, чтобы наши спортсмены смогли на равных состязаться с признанными лидерами мирового бильярда, необходимо эти игры по меньшей мере освоить.

Именно поэтому не так давно приезжали в Москву тренер национальных сборных Голландии, Дании и Люксембурга Л. Вильемс и неоднократный чемпион мира по бильярдному пятиборью и аристократическому бильярду Д. Бесемс, в течение двух недель интенсивно обучавшие наших ведущих бильярдистов карамбольным играм, которые входят в программу бильярдного пятиборья, имеющего официальный спортивный статус в десятках стран на всех континентах.

Главная особенность пятиборья заключается в том, что все пять игр — «Открытая партия», «Кадре 47/1», «Кадре 74/2», «Карамболь от одного борта» и «Карамболь от трех бортов» — проводятся на непривычном и неизвестном для нас карамбольном столе без луз, что совершенно меняет смысл и содержание игры, делает неприемлемой специфическую тактику и стратегию русского бильярда.

Самой сложной в пятиборье и одной из наиболее престижных в мировом бильярде игр считается «Карамболь от трех бортов». Эта игра требует от спортсмена высочайшей техники и совершенного геометрического мышления. С нее мы и начнем рассказ о европейском карамболе.

Игра ведется тремя шарами — красным, желтым и белым. Последние два — битки. Каждый партнер на протяжении всей партии играет только своим битком. Смысл игры заключается в том, чтобы биток игрока, выполняющего

удар, коснулся любого из двух других шаров, затем отразился как минимум от трех бортов (отсюда и название игры), а потом попал во второй шар. Возможен и иной вариант удара: вначале касание битком трех бортов, а затем карамболь по обоим шарам, однако в любом случае биток должен непременно совершить обход не менее трех бортов бильярда!

За каждый успешно выполненный карамболь игрок получает одно очко. В случае неудачи право на удар переходит к сопернику. Игра ведется до 15 очков, а общий счет партий — до трех побед. Если игрок, начинавший партию, первым набрал 15 очков, его соперник имеет право на завершающую серию ударов, так что результатом партии может быть и ничья.

Право первого удара разыгрывается весьма оригинально. Шары устанавливаются на бильярде, как показано на рис. 1. Оба игрока бьют по биткам так, чтобы, отразившись от дальнего короткого борта, шар вернулся к ближнему. Тот из партнеров, чей шар останется ближе к короткому борту, у которого находятся в момент розыгрыша игроки, и начнет игру. Если шары встали одинаково, розыгрыш повторяется. При этом ни в коем случае нельзя задевать красный шар. Его касание автоматически означает проигрыш розыгрыша.

В начале игры шары выставляются в позицию, изображенную на рис. 2, и первый удар проводится битком обязательно по красному шару. Правила игры, в общем, немногочисленны. Если при ударе чужой шар вылетает за борт, он просто выставляется на свою первоначальную точку без каких-либо последствий для бьющего. Вылет за борт своего шара влечет переход права на удар к сопернику, который начинает серию из начальной позиции. Кроме того, бьющий может потребовать восстановления начальной позиции и в том случае, если его биток встал вплотную к красному шару.

Соревнования по «Карамболу от трех бортов» ежегодно проходят в рамках Клуба мира по бильярду и собирают множество поклонников этой красивой и динамичной игры, а сам Кубок по

праву считается наиболее престижной наградой в мировом бильярдном спорте.

В нескольких словах познакомим читателей и с остальными играми бильярдного многоборья.

«Открытая партия» играется до 500 очков. Карамболь здесь разрешается делать произвольно — касание битком борта стола не обязательно. Каждый успешный удар приносит одно очко. Однако, когда все три шара в процессе игры соберутся в одной из угловых запретных зон (рис. 3), бьющий может сделать карамболь только один раз. Если после карамболя хотя бы один шар не вышел за пределы зоны, право на удар переходит к сопернику.

Игра в «Кадре 47/1» ведется на столе, расчерченном на 9 зон (рис. 4). Столона квадратов в углах стола составляет 47 см. Играть шарами, собравшимися вместе в одной из зон, так же как и в открытой партии, можно лишь один раз. Чтобы не прервать серию, игрок должен позаботиться о том, чтобы к следующему удару зону покинул хотя бы один шар.

«Кадре 74/2» весьма схожа с предыдущей игрой. Стол здесь делится на 6 зон (рис. 5), внутри которых допускается два карамболя.

Название игры «Карамболь от одного борта» говорит само за себя: перед столкновением со вторым шаром биток должен по меньшей мере один раз отразиться от борта.

Во всех этих играх право на первый удар разыгрывается так же, как и в «Карамболе от трех бортов», а начальная позиция несколько отличается — шары выстраиваются в линию (рис. 6).

С основными приемами ударов по шару при игре в карамболь читатели могут ознакомиться на рис. 7—10.

Лучшие зарубежные мастера карамбольного бильярда добиваются удивительных результатов, делая подряд более двадцати успешных карамболов и точно попадая в шар даже после девятикратного отражения битка от бортов! Это ли не фантастика! Помимо высочайшего мастерства спортсменам помогает и превосходный игровой инвентарь — тщательно сбалансированные кии из драгоценных сортов древесины, идеально выточенные шары, превосходные карамбольные столы из аспидных досок с бортами, упругость которых выверяется в каждой точке с помощью специальных измерительных устройств, система термостатирования для поддержания во время игры постоянной температуры и влажности игровой поверхности. Влияние посторонних, внеигровых, факторов при этом сводится почти к нулю. Не случайно, при тренировках зарубежных мастеров все чаще используются ЭВМ, позволяющие рассчитывать оптимальные параметры удара в различных игровых ситуациях. Об этом пока мы можем только лишь мечтать! Поэтому продолжим знакомить начинающих игроков с основами игры в карамболь. Сделать это легче всего, анализируя игровые ситуации.

Предположим, что шары стоят так, как мы видим на рис. 11, — один из

самых простых случаев, когда легко сделать карамболь. Для этого нужно слегка срезать любым несильным ударом шар № 2, после чего биток столкнется с шаром № 3.

Позиция вторая, несколько более трудная (рис. 12). Шары составляют тот же угол, что и в первом случае, но при этом значительно сблизились. Для карамболя надо пустить биток сильным накатом, ударяя шар № 2 почти в лоб.

Чтобы сделать карамболь в позиции, показанной на рис. 13, следует, пустив биток боковым накатом влево, слегка срезать вперед стоящий шар, после чего биток, отразившись от длинного и короткого борта, сделает карамболь по другому шару.

Допустим, что биток стоит между двумя шарами (рис. 14). В этой ситуации биток пускают средней силы боковым накатом влево и слегка режут вправо первый шар, после чего свой шар, отразившись от четырех бортов, тушует другой шар.

А возможно ли вообще получить карамболь при одном и том же положении шаров с помощью различных ударов? Например, в данном случае получится ли карамболь, если биток пустить в том же направлении, но боковым накатом вправо?

Применение различных приемов для получения карамболя теоретически допускается всегда и нередко встречается и на практике. Но проблема в том, что в процессе игры необходимо не только сделать карамболь, но и рассчитать его так, чтобы и следующим ударом легко можно было сделать другой карамболь. Значит, при одном и том же расположении шаров для получения карамболя приемов много, но лучший прием только один. Поэтому при положении шаров, изображенном на рис. 14, допустим удар по битку боковым накатом вправо, но этот удар должен быть другой силы и направлен под другим углом к первому шару. При таком положении шаров можно, кроме того, тушевав сначала второй шар, скарамболировать затем первый. Однако все эти приемы гораздо более трудны.

Рассмотрим еще одну позицию, когда три шара встали вплотную друг к другу по длинному борту близ угла (рис. 15), то есть такой случай, когда очень трудно сделать карамболь. Тут могут быть использованы два приема. Первый, более легкий, состоит в том, что биток ударяют с умеренной силой боковым клапшотом влево и слегка тушуют первый шар. После этого биток, отразившись трубабаном, скарамболирует второй шар. Другой, более трудный прием уже потребует от игрока прекрасной техники. Он состоит в том, что биток ударяют очень крутой боковой оттяжкой влево, после чего он, слегка задев за первый шар, описывает очень заметную кривую и, возвращаясь, ударяет второй шар.

В этом и в следующем примерах особенно нагляден результат взаимодействия поступательной силы и силы бокового вращения. Эффект здесь зависит главным образом от величины

угла, под которым производится удар кием по битку; чем круче этот угол, тем меньше сила поступательного движения и тем больше сила бокового вращения, благодаря которой и возможны дуговые движения шара.

Представим, что шары расположены почти на одной линии в центре стола. Если желают сделать карамболь так, чтобы биток описал дугу раньше, чем он столкнется с шаром, то, подняв кий почти вертикально к плоскости бильярда, наносят отрывистый и сильный удар в правую нижнюю часть битка, после чего он, устремившись вперед, круто поворачивает назад в сторону первого шара, режет его и производит карамболь по второму шару, как показано на рис. 16.

Этот удар один из самых трудных и требует от исполнителя виртуозной техники.

Обучившись приемам карамболирования, игроку необходимо еще уяснить те приемы, посредством которых скарамболированные шары становятся в положение, удобное для следующего карамболя. На языке лузных партий это называется «выходом под шар».

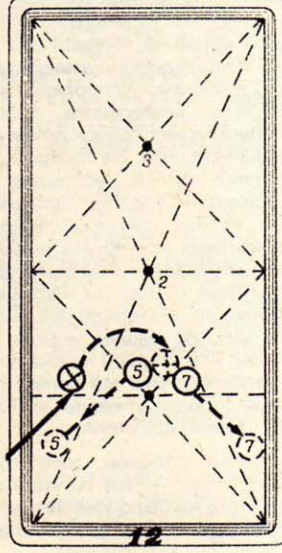
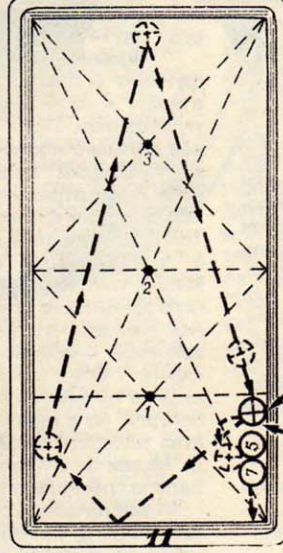
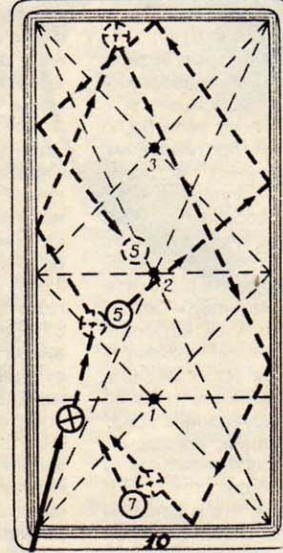
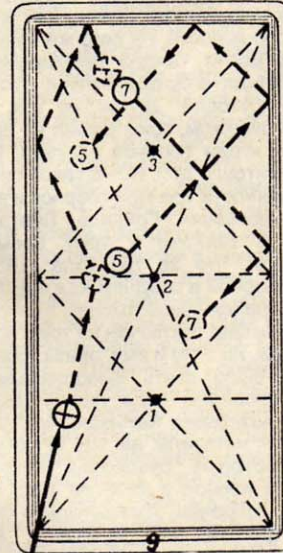
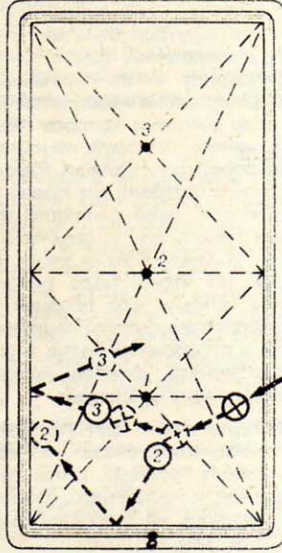
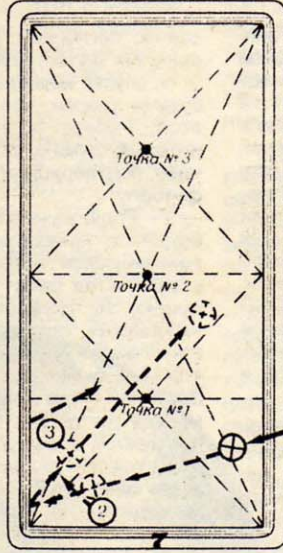
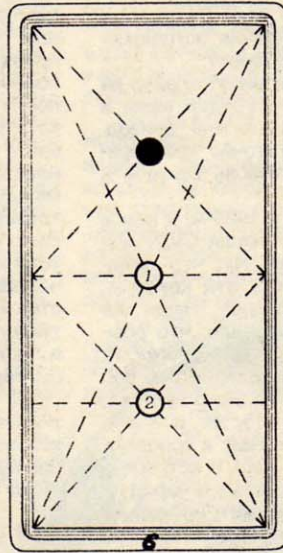
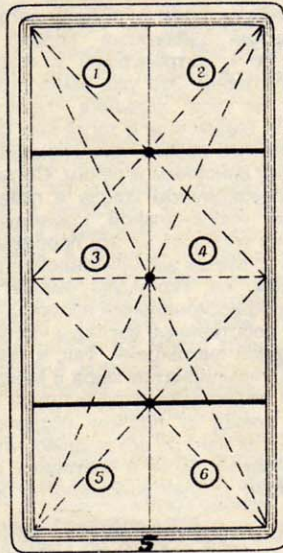
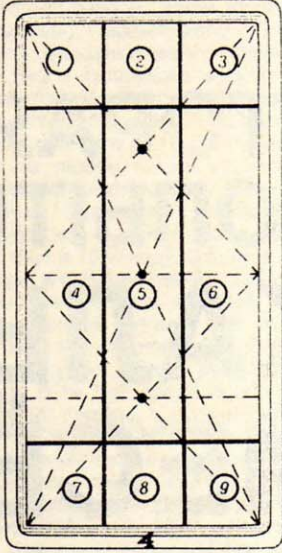
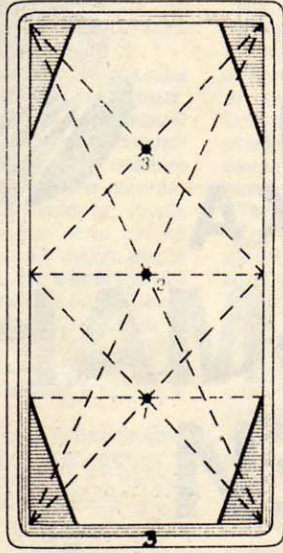
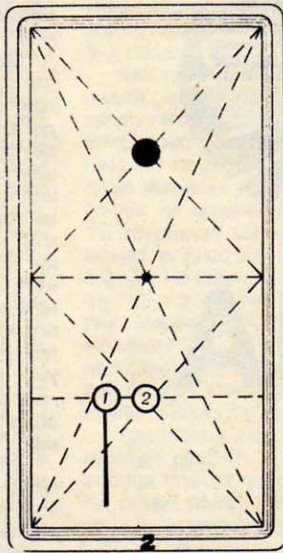
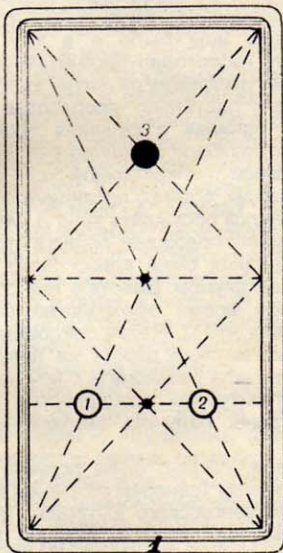
На Западе, где карамболь особенно популярен, есть много первоклассных игроков, делающих по несколько сот карамболов подряд. Это достигается благодаря блестящей технике, главным образом с помощью умения, карамболируя шары, одновременно подготовить и следующий карамболь. Мастерски сделать «выход» здесь еще важнее, чем в лузных партиях русского бильярда.

Самое удобное для карамболирования, как мы уже убедились, такое расположение шаров, когда они находятся близко друг от друга. Значит, искусство «выхода» и будет состоять в том, чтобы, карамболируя, постоянно сближать шары в процессе игры. Если же карамболирование станет настолько трудным, что игрок не сможет его сделать, он прибегает к отыгрышу. Отыгрыш состоит в том, чтобы, карамболируя последний раз, разогнать шары на возможно большее расстояние друг от друга или поставить их в какое-либо другое положение, не удобное для дальнейшей игры.

Для многократного карамболирования игроки-виртуозы пользуются, в сущности, очень простой системой. Наблюдая за игрой, можно заметить, что сделать несколько карамболов подряд легче всего, когда шары не только стоят близко друг к другу, но и при этом находятся в каком-нибудь углу. В этом и весь секрет многократного карамболирования.

Игрок, загнав в угол все три шара, выполняет в нем возможно большее число карамболов, а затем несколькими карамболями он перегоняет шары в другой угол, где повторяет все сначала.

В заключение скажем: чтобы достичь высот карамбольной техники, необходимы исключительные способности и несколько лет упорнейших тренировок. Для того же, чтобы получить от этой игры огромное удовольствие, достаточно просто научиться играть в карамболь!

ВТОРАЯ ПОПЫТКА КАЛЬМАНА МЕСЁИ

Венгрия и футбол. Футбол и Венгрия. По зазубренному еще в начальной школе правилу — от перемены мест слагаемых сумма не изменяется. Вот и в сумме того действия, которое указано в начале, ничего, пожалуй, не изменится, в каком порядке ни напиши. Рассказать о венгерском футболе «от Ноева ковчега» до наших дней означало бы как минимум лишить места всех остальных авторов, выступающих в этом номере журнала. Но что-то надо рассказать. Хотя бы потому, что сборная СССР встречается с венгерской национальной сборной в отборочном матче европейского чемпионата, финалы которого в 1992 году пройдут в Швеции.

В Венгрии любят футбол. Вот написал и понял, что не сказал ничего: футбол-то любят повсюду, даже там, где еще не видели настоящего, фирменного мяча. Довелось не однажды бывать в Будапеште, там же посещать футбольные матчи. Последний раз это случилось в конце 1987 года и совпало с товарищеской встречей сборных Венгрии и ФРГ на «Нэпштадионе», вмещающем 70 тысяч. С друзьями — спортивными комментаторами венгерского телевидения — приехал на стадион почти за два часа до начала игры. На трибунах, в разных уголках сидели небольшие кучки болельщиков, по верхнему асфальтированному кольцу уже расставил свои ларьки частный сектор. На импровизированных столиках можно было увидеть всевозможные яства, как местного, так и зарубежного производства. Словом, вся картина, по нашим меркам, говорила о том, что стадион к началу матча будет заполнен. Все же решил проверить свое предположение у Роберта Витара, давнего приятеля.

— Полный стадион, говоришь? — переспросил он. — Что ты, об этом мы забыли, этого не было уже лет пять...

— Так что, у вас разлюбили футбол?

— Да нет, просто, думаю, людей

сейчас поглощает решение житейских проблем. Футбол у нас любят...

А спустя несколько минут словно не будучи уверен, что он убедил меня в этом, Роберт рассказал мне эпизод, который, думаю, достаточно красноречиво подтверждает любовь венгров к футболу:

— Году, кажется, в 1985-м, к нам в Будапешт приехала сборная США для товарищеской встречи. Ну, что представляла из себя тогда эта команда, думаю, ты догадываешься. Наши же «сборники», похоже, решили, что обыграют американцев «на одной ноге». И, конечно, были наказаны, проиграв 0:2. Зрителей тогда на матче было немного, ну где-то тысяч 12—15. И встреча повторюсь, неофициальная, и соперник не из тех, кто делает кассу. И вот, представь себе, матч закончился, а народ не расходится. Ну, быть может, несколько сел и ушло. А остальные сидели и... плакали. Плакали в абсолютном своем большинстве... юноши и мужчины. Вот и суди сам — любят ли у нас футбол...

... Восьмидесятые годы в венгерском футболе его историографы наверняка отнесут к категориям «кризисных». А с углублением этого явления возникало все большее количество противоречий и прямо-таки скандальных историй. Одним из отражений ситуации стала частая смена тренеров сборной страны. Так, в начале 1989 года, не проработав и полгода, ушел в отставку Дёрдь Мезеи, которого сменил тренер столичного армейского клуба «Гонвед» Берталан Бичкеи. Что же явилось истинной причиной очередной смены «командующего»? Этим вопросом тогда задавались не только общественность и пресса Венгрии, но и многие зарубежные средства массовой информации, поскольку Д. Мезеи достаточно авторитетный в Европе специалист футбола.

А все началось с того, что в декабре 1988 года Д. Мезеи выступил с острой критикой в адрес руководителей Венгерского футбольного союза. Он обви-

нил их в неразберихе, в отсутствии в составе руководства людей, способных профессионально заниматься футболом. Дело еще было и в том, что Д. Мезеи подготовил рассчитанную на шесть лет программу развития футбола, при этом тщательно проработав все детали, начиная с решения проблем детского футбола и кончая созданием центральной тренировочной базы сборной команды. Однако президиум союза не торопился обсуждать труд Д. Мезеи, и он, немного подождя, подал в отставку. Последняя была единогласно принята президиумом. Вместе с тем спустя некоторое время руководство союза объяснило, что Д. Мезеи следовало бы представить свою работу не президиуму, а сначала ознакомить с ней наиболее авторитетных специалистов футбола страны, получить заключение от них.

Словом, налицо была полная размова между тренером сборной и руководством венгерского футбола. Понятно, что альянса в такой ситуации произойти не могло. Параллельно с этим разгорелся скандал по поводу договорных матчей (знаковый вопрос, не правда ли?), затронувший и игроков сборной страны. Это уже была вторая, после 1984 года, вспышка «темь», и, кстати, Д. Мезеи еще и тогда был обвинен в том, что добился слишком мягких наказаний виновным игрокам. Согласия между президиумом союза и главным тренером национальной команды не было и во взглядах на эту проблему. К тому же Д. Мезеи зарекомендовал себя человеком, не теряющим вмешательства в профессиональные вопросы, считающим собственными взгляды «истинной в последней инстанции». Так, к примеру, перед чемпионатом мира в Мексике (1986 г.) он отказался ознакомить президиум союза с планом подготовки сборной, так как, по его мнению, члены президиума не были в состоянии дать этому плану квалифицированную оценку.

В марте 1989 года сборная Венгрии должна была выступить в отборочных матчах к последнему чемпионату мира, но не было ясности, на кого же из игроков она могла твердо рассчитывать. Одни кандидаты были временно отстранены от футбола, других, из тех, кто играл за рубежом, союз решил не привлекать к играм сборной (Детари, Рот, Гараба, Фитош и др.). Вот в такой ситуации обязанности тренера сборной и взял на себя наставник «Гонведа» Берталан Бичкеи. В Венгрии к тому времени подсчитали, что за три года (1986—1988) у сборной в среднем каждые полгода появлялся новый тренер. Контракт с Б. Бичкеи был заключен на три с половиной года, но... Но и ему, оказалось, не суждено было стать выполнимым: в начале прошлого года национальную команду возглавил Кальман Месёи. Не удивляйся, читатель: да, да, тот самый Месёи, который руководил сборной Венгрии в период с 1980 по 1983 год, который... Впрочем, это настолько колоритная фигура, что, думается, есть смысл рассказать о нем подробнее.

Родился Кальман Месёи в июле 1941

года (внимание сборной СССР: в годы юбилеев главных тренеров их команды любят делать им подарки!), в Будапеште. Юношей начинал играть в столичном «Вашаше» и майку этого клуба не снимал в течение всей карьеры игрока, проведя только в чемпионатах страны более 300 игр, неоднократно в составе «Вашаша» становился чемпионом и обладателем Кубка Венгрии. Центральный защитник К. Месёи имеет в активе 61 выступление в составе сборной, бронзовый медалист европейского чемпионата 1964-года. Играл он и в финальных стадиях двух чемпионатов мира — в 1962 году в Чили, в 1966 году — в Англии и, кстати, оба раза венгерская сборная становилась четвертьфиналистом, а Кальман был ее капитаном.

Закончив играть, К. Месёи работает тренером в клубах второй лиги — «ГАНС-МАВАГ», «Будафок», затем его приглашают в первую (высшую) лигу, в команду «Бекешчаба» и, наконец, в родной, в самом прямом смысле слова, клуб «Вашаш». Именно оттуда в 39-летнем возрасте он переходит на пост тренера сборной, которой тогда предстояло добыть путевку на финальную часть мирового чемпионата 1982 года. Сделать это удалось, причем позади венгров в отборочной группе оказались англичане, румыны, швейцарцы и норвежцы. Увы, первый же раунд финалов оказался для венгерской сборной и последней. Как это нередко случается (и не только в Венгрии!), в такой ситуации сдаются и тренерские полномочия...

Судьба и контракты забрасывают К. Месёи в Турцию (стамбульский «Фенербахче», измирский «Алтай»), а по окончании «турецкого этапа» биография ему находит место тренера-консультанта в команде небольшого венгерского города Залозегерсега. Следующий (непродолжительный) период работы проходит снова в «Вашаше», а в начале прошлого года его вторично возвращают на самый высокий тренерский пост — в национальную сборную.

Итак, 17 октября 1990 года в матче с итальянцами он открыл вторую сотню игр, будучи причастным к сборной команде, хотя, понятно, что нигде не принято суммировать деятельность игрока и тренера. Как и почти повсюду, такие тренеры сборной на вопрос — кому на их взгляд тяжелее — отвечают, что тренеру. И еще: четыре раза К. Месёи приглашали выступить в сборных «звезд» — дважды — европейских и столько же — мировых. Так вот, он — это тот самый центральный защитник, который принял участие в памятном для нас матче в Лужниках, в мае 1971 года, посвященном окончанию спортивной карьеры нашего великого Льва Яшина.

В бытность свою игроком, К. Месёи отличался отменными бойцовскими качествами, с годами — высоко развитым чувством позиции, отличной техникой. Подобно тому, как у нас нередко и справедливо вспоминается героический поступок Тищенко в 1956 году на олимпийском турнире в Мельбурне, так и в Венгрии хорошо помнят, как в 1966 году, в финалах мирового чемпионата в Англии, в групповом турнире, в матче с бра-

зильцами (его венгерская команда выиграла — 3:1), К. Месёи получил тяжелейшую травму плеча, но не только вернулся на поле, а и точно пробил пенальти.

Как тренер, К. Месёи владеет целым рядом ценных качеств. Во-первых, легко находит общий язык с игроками, во-вторых, обладает умением психологически подвести команду на необходимо высокий уровень настроения на игру. Месёи не признает футболиста, какой бы авторитет он ни имел, если тот не может полностью, все 90 минут вести борьбу. Не исключено, что в венгерском футболе будет звучать еще одна фамилия Месёи: у Кальмана два сына, а младший — Геца (24 года) уже несколько раз выступал в составе сборной (7 игр), нынче же играет в Корею, в клубе «Поско Атом».

Три отборочных матча провела венгерская сборная в прошлом году, а 3 апреля играла четвертый — на Кипре. На своем поле венгры сыграли вничью (1:1) с итальянцами и победили (4:2) киприотов, на выезде — в Бергене (Норвегия) сыграли вничью (0:0) с норвежской сборной. Кальман Месёи проверил в этих матчах 17 игроков, хотя, понятно, у него на примете куда большее количество футболистов.

Ворота во всех трех матчах защищал Жолт Петри, 24-летний голкипер «Гонведа», перешедший в армейскую команду из клуба «Видеотон». В сборную приглашен только в этом сезоне, однако специалистам он хорошо знаком по выступлениям в составе юношеской сборной Венгрии, которая в свое время победила на европейском чемпионате.

Все три отборочных матча без замен провел правый защитник Тамаш Монош (24 года, «Жерен», Бельгия), который дебютировал в составе сборной в марте прошлого года, в товарищеском матче со сборной США (2:0), в Будапеште. Подписание профессионального контракта резко изменило в лучшую сторону его отношение к футболу. На этой же позиции может сыграть и сын К. Месёи — Геца.

В центре обороны играло несколько футболистов. Это и вице-капитан команды Имре Гараба (33 года, «Шарлеруа», Бельгия), в активе которого около 80 игр за сборную, а среди них и игры в финальных стадиях мировых чемпионатов 1982 и 1986 годов. Говоря иначе и без претензий на оригинальность можно отметить, что Имре — «последний из могикан». Может сыграть в центре обороны и Жолт Лимпергер (22 года, «Ференцварош»), который в то же время способен появиться и на левом фланге защиты. Претендует на роль центрального защитника (заднего, имеется в виду) и Иштван Козма (26 лет) — играл в «Ференцвароше», у которого и был приобретен шотландским клубом «Данфермлайн», а с нынешнего года выступает во французском «Жиронден» из Бордо. Пока же стабильно играл, как это ни странно, самый молодой из кандидатов — Лимпергер, а фамилию эту можно сегодня обнаружить и в «блокнотах» селекционеров таких клубов, как «Барселона», «Аякс» и «Мехелен».

В среднем звене пока «постоянную прописку» имели Йозеф Салма (24 года, «Татабанья») и Эрвин Ковач (25 лет, «Гонвед»). Первый, кстати, может выполнять функции и левого защитника и имеет тягу к атакующей игре. Второй входил в состав юношеской команды Венгрии, ставшей чемпионом Европы, а вообще-то про него говорят, что может сыграть на любом месте. Здесь же выступал и Йозеф Киприч (27 лет, у «Татабаны») был куплен голландским «Фейеноордом», дебютировавший в сборной еще в 1984 году. Это он в 1985 году, играя в среднем звене, поделил с Лайошем Детари приз лучшему снайперу чемпионата страны (18 голов). Киприч из тех игроков, про которых говорят, что у них высоко развито чувство гола. В те дни, когда он в ударе, сдержать его сложно: 13 голов, забитых в 42 матчах за сборную, говорят сами за себя. О Киприче можно говорить и как о форварде, все зависит, какими функциями его наделит Месёи. Нечто аналогичное относится и к двум «иностранцам» — Дьердю Богнару (29 лет, перешел из французского «Тулона» в бельгийский «Стандард» из Льежа) и Эмилио Лёринцу (25 лет, МТК, Будапешт «уступил» его бельгийскому «Мёленбеку»). Оба без замен провели все три отборочных матча.

Нельзя не сказать и о, пожалуй, главной фигуре в сегодняшнем венгерском футболе, хотя игрок этот пока не участвовал в отборочных играх. Он, можно сказать, и форвард, и игрок среднего звена. Речь — о Лайоше Детари (когда он в составе — капитанская повязка безоговорочно — у него). В апреле Лайошу исполнилось 28 лет и сейчас он играет в итальянском «Болонье». В активе этого футболиста, для которого в игре уже, пожалуй, нет секретов — 41 матч в составе сборной (с 1984 года) и 11 забитых мячей.

Еще в 1987 году Детари был приобретен западногерманским клубом «Айнтрахт» из Франкфурта-на-Майне за 12 млн фунтов стерлингов. Затем афинский «Олимпиакос» заплатил франкфуртскому клубу почти в четыре раза больше, что явилось своеобразным рекордом: до той поры ни один из футболистов из стран так называемого «социалистического содружества» не приобретался западноевропейскими клубами за столь значительную сумму. Нынешние (итальянские) хозяева Детари заплатили греческому клубу 3 млн фунтов стерлингов. Валюта валют, но для нас важнее вопрос — будет ли играть Детари в сборной Венгрии? Пока, похоже, что не все в порядке во взаимоотношениях этого великолепного мастера футбола с руководством сборной...

Эдуард ЯКОВЛЕВ

(в работе над материалом автору помогли коллеги из спортивной редакции Венгерского ТВ и Юлия Катона)

ОСЬ ЛОНДОН — ЯУНДЕ

Игорь МАРИНОВ

Жаль, право, жаль, что в сборной мира, которая вышла в тот осенний вечер 1990 года на поле стадиона в Милане, чтобы сыграть против бразильцев во главе с праздновавшим полувековой юбилей Пеле, не оказалось англичанина Питера Шилтона. Ведь тогда бы этот вратарь, 125 раз защищавший честь национального флага и отобравший абсолютный рекорд по числу матчей за сборную у другого голкипера Пэта Дженнингса из Ирландии, мог бы выступить вместе с камерунцем Роже Милла. О, то был бы уникальный состав! В одной команде сошлись бы два главных действующих лица, да нет, два самых ярких, на мой взгляд, героя минувшего чемпионата мира, который в отличие от предыдущих не выдвинул в непререкаемые лидеры планетарного футбола новых имен, как в бытность Пеле или Эйсебио, Беккенбауэра или Круиффа, Платини или Марадоны. Но зато он выявил и символически как бы закрепил общность судьбы двух футбольных долгожителей по воображаемой оси Лондон — Яунде. Да, Милла и Шилтон, Шилтон и Милла; 38-летний африканец и отсчитавший 40 годков питомец родины футбола... Они и впрямь стали открытиями 1990 года. И не потому вовсе, что кое-кто из советских комментаторов прессы пишущей и электронной неожиданно поторопился причислить давно и широко известного камерунского спортсмена едва ли не к новичкам-дебютантам. А в силу того, что сродненность предназначения и схожесть манеры самовыражения обоих ветеранов, мне кажется, исчерпывающе отразилась в мысленном обращении большинства из 27 миллиардов землян переживавших ошибки этого лукавого футбола на Апеннинах прошедшим летом, к каждому из них, в словах: «Спасибо, старина!»

Спасибо за игру, за мастерство, за высокий дух. За необманутые надежды на вечно ускользающую мечту о том, чтобы молодость, черт побери, длилась, иногда хотя бы, бесконечно. Ведь они порой нас убеждали в этой недостижимой возможности.

КЛЫКИ «НЕУКРОТИМЫХ ЛЬВОВ»

Когда в тот телевизионный вечер по случаю 50-летия Пеле вновь увидел среди недавних участников мирового первенства этот длинный крепкий торс на узловатых ногах, эти покатые плечи, этот широкий африканский лоб и этот скрадывающий скорость текучий бег, то вспомнил по вполне, впрочем, законо-

мерной ассоциации, как неким ясным днем, порядком лет тому назад...

— Ты хочешь стать нарушителем границы? Нет? Тогда разговаривай со мной, иначе задремлю и вкатимся мы прямехонько в «португальскую» Гвинею (ныне Республика Гвинея-Бисау. — И. М.), она рядом. И это будет первая, но не самая большая неприятность, что ждет нас там. Верно?

Так рассуждает Юсуф, наш горластый и разбитной водитель, который сидит слева от меня за баранкой грузовичка. Саванна, монотонная, как линованная тетрадь, плывет мимо, сухая, безмятежная, затопленная масляной густоты солнцем.

Юсуф жмурится, как кот, смеется, напоминает: «А что, здорово эта мелюзга играла вчера?» И выкатывает на меня свои напористые выпуклые глазки.

— Когда-нибудь мы побьем всех в футболе, — удовлетворенно комментирует он мой одобрительный отзыв.

— Кто это, мы? Гвинейцы?
— Может, и гвинейцы. Но вообще — мы, африканцы.

— Боюсь, долго еще ждать придется...
— подзадориваю его.

— Ну, не завтра, конечно. А вот послезавтра... Их бы подкормить да подучить немножко, вчерашних. А если бы ты знал, сколько таких, да еще полчуже, видел я. Слава богу, довелось мне помотаться по Западной Африке...

Часа четыре назад мы выехали из гвинейской деревушки, уцепившейся за край крутого зеленого склона где-то далеко от кондиционированного воздуха, автомашин, электрических огней.

Костер, старики вокруг, женщины с детьми на руках, хижины. Что XX век, что XVI век — им все едино. Но! Вечером местная ребятня пригласила поиграть в футбол. Первым в их жизни мячом. Его подарили геологи из тогдашней Чехословакии. Они же и показали, как играть, зачем, какие правила. Поражали ловкость, цепкость и мягкость, с какими эти босоногие мальчонки оставивали мяч бедром, стопой, грудью, как четко пасовали. Били, правда, хуже, силенок не хватало. Воочию убедился тогда, как легко африканцы входят в спорт, особенно в футбол, будто это новый, но все же знакомый дом.

...Вот о чем вспомнилось, да и не раз,

а тем более однажды в Марселе, где в середине 70-х годов французский коллега познакомил меня с Роже Милла, выступавшим в то время, кажется, за «Бастию», клуб с французского острова Корсика. Он показался немного высокомерным, что ли, и я почел тогда за благо отнести это на счет затаенной обиды. А их, обид, как оказалось, немало натерпелся Милла в бывшей метрополии. Многим это покажется странным: Франция, дескать, есть ли страна с более глубокими традициями демократии и т. д. Однако поди ж ты...

Вот рассказ его и о нем, записанный частично в те дни и дополненный ныне, после чемпионата мира-90, сведениями из французской прессы.

— Нас было четверо братьев, жили в пригороде Яунде — это столица моего Камеруна, знаете? Так вот, отец порой запирал нас в доме, чтобы не мяч гоняли, а уроки готовили к школе. Но куда там, разве уследишь. Братья здорово играли, но такого таланта, как у меня, не имели. Меня же называли «маленький Пеле». Отец был железнодорожник, поездил по стране, потом обосновались в городе Дуала, там я записался впервые в футбольный клуб «Молния» и встретился с месье, которого звали Бахобенким. Он-то и подарил мне первую в жизни пару бутс. Он же научил, как правильно жить, дисциплинированно. Без этого нет футболиста, поверьте. Из-под его руки вышли почти все наши известные камерунцы, в том числе вратари Томас Н'Коно и Жозеф-Антуан Белл. Он нам был вроде папы родного. Скажу вам, что я родился дриблером, мяч у меня никогда ни в уличных играх отобрать не могли, ни позднее, на больших стадионах. Это правда...

...И перед глазами: Румыния — Камерун, мяч падает с высокой подачи, Роже прыгает; остановка грудью и чуть вперед себе, защитник пытается снести Милла, но тот устоял, потом финт влево, другой, уходит, бьет сильно, точно, впритык к стойке. Второй эпизод: мощный выход в штрафную, обводка внешне тягучая — это чисто африканская пластика, и второй гол. А еще два мяча во встрече с Колумбией? А голевой пас и заработанный пенальти в драматическом матче с англичанами, когда столько раз спасал Шилтон?

Его полное имя — Альбер Роже Моох Милла, ему 38 лет; до встречи с советским тренером Валерием Непомнящим, который подбирал нападающего в пару к Омаму Бийку, уже, увы, надел капитанскую повязку команды города Сент-

Пьер, что на острове Реюньон в архипелаге Маскаренских островов в Индийском океане. Словом, считалось, отыграл папаша, хоть и остался ни с чем, но в звании национального героя.

— Вы порядком поколесили по Франции, какие впечатления? Говорят, таким клубом, как знаменитому в свое время «Сент-Этьенну», например, помогли вернуться в высший дивизион?

— В «Сент-Этьенне» я забил половину голов, проведенных командой и открывших путь возвращения наверх. Президент клуба Лоран обещал мне самую большую зарплату в высшем дивизионе, а потом оказалось, что правый защитник, француз, получает вдвое больше против моих 30 тысяч франков. Когда выступал за «Монако», сыграл все матчи Кубка Франции, а перед финалом тренер Банид говорит мне: «Вместо тебя выйдет Эмон, извини Роже, такое дело, решается вопрос возьмут ли его в сборную Франции. Ты извини, Роже, но он француз...» В «Лионе» играл в «Монпелье», было хорошо, там честные люди. А в «Бастии» я раскрылся по-настоящему, полностью, я попросту блистал (Милла не злопамятен, напротив; ведь клуб «Бастия» до сих пор, по свидетельству французской «Либерасьон», должен африканцу 300 тысяч франков. — И. М.). А что мне было делать с 30 тысячами франков и 12 домочадцами, которых надо кормить? Так и получилось, что 11 лет словно коту под хвост. Обидно.

Далеко не все в команде «Неукротимых львов» встретили возвращение бывшего идола публики с распростертыми объятиями. Маститые ворчали, отговаривали Непомнящего и министра Фофе, который также поддерживал советского тренера. А тот не сразу,

впрочем, дал добро на использование услуг Милла. Зато когда увидел его в тренировочной игре, сначала в двусторонней, потом в Югославии с «Железничаром», сразу успокоился. Старина Альбер Роже Моох Милла нещадно разрывал защиту. Ему суждено было стать самым острым клыкком в пасти «Неукротимых львов», да простится мне столь цветистый образ, хоть он и в духе африканского фольклора.

«Ну, они поворчали, потом смирились, — рассказывает Милла. — А вообще-то жаль прежние времена. Тогда все было правильнее. Старших уважали. Когда в 1972 году я попал в команду «Львов» Камеруна, молодые стирали старшим форму, чистили бутсы, убирали комнаты, даже если сами забивали по полсотне мячей за сезон. Даже если были способны на такие же подвиги, как, скажем, Непомнящий молодежь опрастил-таки себя званием подлиннее, чем мы. Но что-то ушло навсегда, что-то из обстановки в команде когда я переехал во Францию, то начал играть в клубе «Валексия», отнюдь не первого разряда. Но так уж случилось, сначала мне все время было холодно, я не мог забывать. Они купили мне рейтузы и перчатки. Дело наладилось. Тамашняя публика скоро полюбила меня, я был дорогим, особенно одному хозяину бистро. Как он мне помогал, моралью и всячески. Но — ужас! — забыл его имя. Но я знаю его бистро на углу улицы и вокзала. Найду...»

Милла принадлежал к племени бакоко, а людей этой народности в Камеруне относят к категории рассудительных и практичных. Однако, похоже, именно практичности всегда не хватало Роже Милла. Но он не ропщет: «Мне все равно. Я спокоен. Я знаю, что мне в

Камеруне поклоняются, как идолу. Ну и пусть. В отличие от многих африканцев я всегда держу голову в холоде. Да и чего мне бояться, если защитники меня боятся пуще всего сами? У меня не бывает, как его?.. Мандража в раздевалке, перед выходом на поле. Никогда».

Милла говорит, что почти всегда наверняка чувствует, когда забьет: «Если у вас обводка в крови, инстинкт фехтования и технику вы не утрачиваете и в 90 лет». Сидя перед телевизором в день матча Англия — Бельгия, который определял их соперника в одной восьмой финала, Милла заснул. Один из помощников Валерия Непомнящего Жюль Нионга замечает по этому поводу: «Что вы хотите? Милла выйдет на финал, как вы на танцплощадку. Он только любит, чтобы пас был в ноги, а не вперед, как предпочитают многие нынешние нападающие. До игры, без мяча, он бывает страшно криклив. Когда же мяч у него в ногах, будьте спокойны: обвести он сможет любого и бьет жестко, резко. Аргентинцев ведь только штанга спасла после его ударов. Дважды».

Избранник народа, смешно сказать, Милла помог притушить политические страсти в Камеруне. И хотя спорт далеко не полностью оправдал в развивающихся странах Черного континента ту социальную роль в консолидации наций, которую ему отводили в первые годы независимости, он все же внес лепту в сложный процесс становления национальной самосознания. Жюль Нионга благодарил Роже: «После всего, что ты сделал для нас, для Камеруна, президент не оставит тебя, он тебе поможет. Теперь поможет». Роже Милла отвечал: «Мои дети живут в Камеруне. Я хотел бы умереть камерунцем». Говорят, что в этой западноафриканской стране близ экватора действительно знают и помнят своих героев. Дай-то бог... Ему и дюжине его домочадцев.

КАК ГОРДОН БЭНС И КАК ЛЕВ ЯШИН

Любопытное суждение высказал известный вратарь из Камеруна Жозеф-Антуан Белл, играющий за французский клуб «Монако»: «Великий голкипер, как и великий нападающий, — это прежде всего человек парадоксальный. Вот почему работать с ним нужно, обыгравая противоречия. А это значит тренировать на выходах, если он мал ростом. Отрабатывать быстроту и живость жестов, движений, если он высок и тяжел. Но главное — делать все это без чрезмерного нажима. Потому что, если, как делают некоторые тренеры, часто заставлять вратаря исполнять акробатические упражнения без мяча, он рано или поздно станет злоупотреблять акробатикой, но уже с мячом. А это чревато».

А теперь сравним приведенное высказывание со словами Питера Шилтона в ответ на просьбу охарактеризовать самого себя: «Я не выношу ничего прилизительного, неточного. Я не выношу тех, кто хотел бы увидеть в моем испол-

нении невероятные трюки. Но если вы спросите меня самого, то признаюсь: в глубине души от себя-то я и жду именно этих невероятных трюков».

Не правда ли, любопытная получается переключка? Питер Шилтон считался бы самым обыкновенным человеком, если бы не «считанные сантиметры». В детстве меня преследовала идея фикс: «Если так будет продолжаться, — останусь карликом, а значит, не стоять мне в воротах. И тем более не стать голкипером такого масштаба, как Гордон Бэнкс, мой соотечественник, или как русский Лев Яшин. Теперь же мои руки примерно на десять сантиметров длиннее рук среднего человека. А почему?»

Выясняется, что жил-был в Броунстоуне, предместье английского города Лестера, что на полпути от Бирмингема к Ноттингему, в доме бакалейщика Шилтона маленький человек по имени Питер. Ремесло отца не привлекало его, с детства вселилась мечта стать ровень с Бэнксом и Яшиным. Вровень в буквальном смысле — подрасти, а там, шутки в сторону, может быть, и в фигуральном. Отец с матерью частенько заставляли любимое чадо за странным занятием: лежа на полу в амбаре, он изо всех силенок тянулся руками к черте, нарисованной мелом, куда, казалось, дотянуться невозможно при его скромном росте. В самой лавке бакалейщика, случалось, его видели висящим в лестничном пролете опять-таки на вытянутых руках, и подолгу. При этом он не забывал попросить родичей немного повисеть у него на ногах, чтобы эффект вытягивания стал еще более явным. Как ни забавно, но Питер, мы уже знаем, этим своего достиг.

Пожалуй, главная черта Шилтона — не просто целеустремленность, скорее, одержимость. Одержимость в постоянном стремлении к совершенствованию в рамках выбранной раз и навсегда профессии — футбольного вратаря. Говорят, что его школьные тетради — сплошь рисунки и чертежи, где мяч под самыми разными углами устремлялся в клетку ворот. Остальные упражнения оставили менее заметные следы в его школярском скарбе. Кстати, Питер стоял в воротах за свою школу, выступал голкипером в международных соревнованиях школьников, но в других матчах предпочитал роль центрфорварда.

«С самого начала мне хотелось проникнуть в душу нападающего, понять его, постигнуть склад его мышления. Потому так, — рассуждает Шилтон в «Таймс», — что я всегда знал: голкипер не должен иметь слабых мест в подготовке. Никогда. И еще: я никогда не верил в удачу, в счастливый случай. Подлинный профессионал обязан свести случайность к минимуму минимуму — минимум минимуму. А трудиться, трудиться в поте лица я привык. Опять же с детства».

Уже в 16 лет Питер становится в ряды английских профессионалов. И надо заметить, его детская мечта почти осуществляется. В 1966 году в клубе «Лестер» ему доверяют почетное место дублера самого прославленного Гор-

дона Бэнкса. Оказавшись в среде тертых молодцов, скорых к тому же на острое словцо, Питер не потерялся, хотя, по слухам, исправно попервоначалу исполнял обязанности «молодо-го». Но очень скоро показал характер и намерение стать, по крайней мере на полтора часа игры, хозяином в команде. «Должен подчеркнуть, что пост вратаря можно занимать лишь при одном условии: у вас есть характер. Ведь когда ты в воротах, твои просчеты всегда у всех на виду. У меня порой впечатление, что для вратаря футбол — почти индивидуальный, а не коллективный, как для остальных игроков, вид спорта. Думаю, что мой выбор пал на футбол потому, что мне хотелось обрести чувство личной ответственности. Во мне живет руководитель».

Причем руководитель, судя по всему, весьма темпераментный. Защитники, в том числе и сборной Англии, покорно склоняют головы в знак признания своей вины, когда на них обрушивается гнев Шилтона. А обрушивается он при малейшей ошибке партнеров, создающей угрозу воротам, где властвует Питер. Он, впрочем, признает, в отличие от многих подобных ему крикунов на поле, что «это и впрямь довольно противная моя черта, ничего не скажешь».

Личность одержимая, он и максималист. Если тренироваться — так до изнеможения. Если играть — до полного самоотвержения. И он доказывал это не раз за те годы, что провел на поле в составе клуных команд и в ходе 125 матчей за сборную Англии Шилтон написал книгу. Ее название — «Великолепное наваждение». На ее страницах возникает образ страстного человека, который требует невозможного — такой же одержимости от других, коль скоро они подвизаются на ниве футбольного поля. Именно этого, невозможного, он требует и от партнеров, упрямая их в нежелании совершенствовать свое мастерство с той же иступленностью, как и он. Еще до чемпионата мира в Италии Шилтон писал в уже упоминавшейся «Таймс» о необходимости совершенствовать также и правила. Правда, ему не приходила в голову безумная мысль, как это приключилось с некоторыми деятелями из ФИФА (она не придет ни одному человеку, когда-либо всерьез игравшему в футбол). Зато он рекомендует нечто вполне реалистическое, даже личное в рассуждении действенной борьбы с костоломами. Оценим искренность его любви к футболу, которой чужд даже как будто и понятный в конкретном контексте вратарский эгоизм. Шилтон предлагает, чтобы штрафные, заработанные в результате грубости близ штрафной площадки, пробивались без стенки. Без! Легко ли вратарю предлагать такое? Особенно если узнаешь, что Шилтон тяжело переживает каждый пропущенный мяч, заставляя товарищей по команде вновь и вновь проигрывать на тренировках печальный эпизод, чтобы избежать его повторения в будущем. При наличии

великолепных данных в уже зрелом возрасте Питер Шилтон тренировался неустово. Так, он часами отрабатывал технику перехвата навесов с края в штрафную ударом кулака, двумя кулаками, даже, трудно поверить... спиной. Английские обозреватели считают, что Шилтон — единственный голкипер в мире, который умеет перехватывать подачу в момент, когда мяч достиг высшей точки в траектории полета. То есть когда он наиболее труднодоступен не только игроку атаки, но и самому вратарю. Любопытно, что Шилтон, будучи бессменным стражем ворот сборной, играл преимущественно в сравнительно посредственных клубах. Таких, как «Лестер», «Сток Сити», «Саусхэмптон», «Дерби Каунти». Лишь однажды ему удалось выиграть лавры чемпиона Англии и стать обладателем Кубка чемпионов в составе «Ноттингем Форест», клуба знаменитого. «Там, где я играл, блеснуть было легче», — как бы в шутку оправдывает свой выбор Шилтон. Его рекорд — 125 выступлений за сборную — выдающееся достижение, которое при относительной скоротечности большинства современных футбольных карьер вряд ли удастся повторить в обозримом будущем. И он мечтал об этом рекорде. Вернее, и о нем тоже. Ибо самая дорогая мечта Шилтона была стать чемпионом мира в 40 лет, как это удалось лишь итальянцу Дино Дзоффу в 1982 году. Не получилось...

Но последний жестокий удар ожидал его в самом конце чемпионата, когда бронзовая медаль в борьбе за третье место могла бы хоть чуть-чуть смягчить утрату. Именно в своем 125-м матче и впервые, пожалуй, на этом чемпионате, где он был сама надежность, Питер Шилтон допустил ту самую оплошность, что всегда у всех на виду. Кроме вратаря, быть может. С ужасом мы видели на экране телевизора, как Шилтон не видит, не замечает, не чувствует, что Бадж вот сейчас выбьет у него мяч прямо из-под рук. Как у мальчишки. И тут же получит его обратно от Скилаччи, и тут же поразит цель за мощными плечами англичанина. Платт потом сравнял счет, но вскоре последовал пенальти.

«Я никогда не верил в удачу...» Шилтон не верил, и она не пришла ему на помощь.

«Тот день, когда я закончу свою карьеру в большом футболе, будет страшным днем в моей жизни, — говорит Питер Шилтон, наследник Яшина и Бэнкса, еще в 1988 году. — Даже если останусь в футбольной среде. Потому что я никогда не смогу свыкнуться с мыслью, что лучшее в моей жизни уже миновало».

Миновало... И все же, честное слово, жаль, что в тот осенний день футбола в честь Пеле в составе сборной мира не оказалось Шилтона. И не сошли они в одной команде с крикливым вожаком из племени бакоко, что живет в Камеруне. Ибо тогда оба как бы закрепили ось Лондон — Яунде, ось вершинных достижений их футбольной жизни. Впрочем, что значит футбольной. Есть ли другая у футболиста?

В ваших статьях об НХЛ иногда встречается выражение «Монреаль» (или «Эдмонтон», или «Нью-Йорк Айлендерс») — это династия НХЛ. Смысл понятен: клуб был «правящим», то есть сильнейшим в НХЛ. Однако хотелось бы узнать, существуют ли объективные показатели, по которым команда получает право именоваться «династией».

Москва

А. ЛЯМИН

Понятие «династия НХЛ» в принципе понятие эмоциональное — обычно так титулуется команда, несколько раз выигрывавшая Кубок Стэнли. Но «Оффшл гайд энд рекорд бук НХЛ 1990—1991 г.» попытался поставить эмоции на статистическую основу. Критерии же таковы: к «династии» относят клуб, который

1) три или более раз подряд выиграл Кубок Стэнли;

2) пять или шесть лет подряд выступал в этом розыгрыше, четырежды победив в эти годы в финале;

3) семь раз подряд выступал в Кубке Стэнли и пять раз становился его обладателем.

По этим критериям за послевоенные годы в НХЛ существовало восемь династий:

1947—1951 гг. «Торонто Мейпл Ливз» (обладатель Кубка Стэнли 1947—1949 и 1951 годов)

1950—1955 гг. «Детройт Ред Уингз» (1950, 1952, 1954—1955).

1956—1960 гг. «Монреаль Канадиенс» (1956—1960).

1962—1964 гг. «Торонто Мейпл Ливз» (1961—1964).

1965—1969 гг. «Монреаль Канадиенс» (1965—1966, 1968—1969).

1976—1979 гг. «Монреаль Канадиенс» (1976—1979).

1980—1983 гг. «Нью-Йорк Айлендерс» (1980—1983).

1984—1990 гг. «Эдмонтон Ойлерз» (1984—1985, 1987—1988 и 1990).

О трех последних династиях наш журнал писал достаточно много. Напомним лишь, что у «Эдмонта» тон задавали форварды Уэйн Гретцки, Марк Мессье, Яри Курри, Гленн Андерсон, защитники Пол Коффи, Рэнди Грегг, Чарли Хадди, Кевин Лоу и вратарь Грант Фюр. Среди «Айлендерс» выделялись такие игроки, как нападающие Майк Босс, Кларк Жиль, Батч Горинг, Брайен Тротье, защитники Кен Морроу, Денис Потвин и вратарь Билли Смит. Наконец наши любители хоккея наверняка помнят таких представителей «Канадиенс» 70-х годов, как вратарь Кен Драйден, защитники Серж Савар, Ги Лапойнт, Ларри Робинсон и целую плеяду форвардов — Ги Лафлера, Айвена Курнуайе, Боба Гейни, Ивона Ламбера и Жака Лемэра, Стива Шатта и Дуга Райсбро. Именно эти игроки «Канадиенс» вместе с хоккеистами ЦСКА создали зрелище, которое в новогоднюю ночь 1976 года приковало к телевизору

миллионы советских болельщиков (матч закончился вничью — 3:3).

А кто же представлял предыдущие династии? Увы, большинство из них неизвестны нашим любителям хоккея. Попробуем восполнить этот пробел. И начнем с «Торонто» конца 40-х годов.

Вратарь «Мейпл Ливз» тех лет Тюрк Брода все 14 сезонов провел в этом клубе. Сыграл 629 матчей, в 62 из которых оставался — фантастический показатель! — «сухим». Всего же в среднем Брода пропускал 2,53 шайбы за матч. Не мудрено, что этот голкипер считался одним из главных «виновников» успехов «Торонто». Равно как чрезвычайно жесткий защитник Гэз Мортсон (797 игр, 46 голов + 152 передачи), входивший (1950 г.) в первую шестерку «Олл Старз», и центрфорвард Тед Кеннеди (696, 231 + 329).

В детройтской династии первой половины 50-х годов корифеев было побольше. И конечно же номер один среди них — знаменитый правый крайний Горди Хоу.

Уже одно то, что дебютировав в сезоне 1946/47 года, Хоу играл еще, будучи пятидесятилетним, и оставил лед только в 1980 году, делает этого игрока уникалом. А ведь следует учесть, что кроме 26 сезонов в НХЛ (1767, 801+1049) Горди Хоу выступал еще 9 сезонов и в ВХА. Не мудрено, что и по сей день он сохраняет в НХЛ первое место и по количеству сыгранных матчей, и по числу заброшенных (801) шайб. У Уэйна же Гретцки, ближайшего к Хоу из ныне действующих игроков, на счету «только» 677 голов.

Интересно, что и сегодня едва ли не эталонной — по гибкости, красоте игры — считается тройка «Детройта», в которую, кроме Горди Хоу, входили центрфорвард Сид Абель и левый край Тед Линдсей. Причем последний в 1949/50 году по результативности превзошел Хоу, за что и получил приз Арта Росса.

Одним из лучших в НХЛ был и защитник Ред Келли, пять раз входивший в первый состав «Олл Старз». Однако столпом обороны в династии детройтцев являлся, безусловно, вратарь Терри Савчук.

Савчук, «человек с тысячей шрамов», был вратарем-легендой (сыграл 971 матч за 21 сезон, пропускал в среднем 2,52 шайбы за матч, а в 103 оставался «сухим»). И до появления в середине 50-х знаменитого монреальца Жака Планта именно Савчук безоговорочно считался голкипером № 1 в НХЛ.

Плант подтвердил истину, что без вратаря экстракласса Кубок Стэнли выиграть невозможно — пока Жак царствовал среди голкиперов (он получал приз Везины с 1956 по 1960 год, показатели 837, 18, 2, 38 и 82) и «Монреаль Канадиенс» царствовали в НХЛ.

Впрочем, тогда, во второй половине 50-х, у Планта подобралась более чем

блестящая компания. Легендарный Морис Ришар (978, 544+421), по прозвищу Ракета, о котором мы не раз писали, играл на правом крыле в тройке, где центром был Жан Беливо (1125, 507+712). Причем споры о том, кто из них нападающий № 1, шли в те годы жаркие.

Беливо у нас малоизвестен, а потому приведем некоторые вехи его карьеры. Он четыре раза входил в первую шестерку «Олл Старз» (1956—1957 и 1959—1960), однажды — во вторую (1958). Получил приз Росса, как самый результативный хоккеист (1956), и призывался МР лиги (1956), за что и был удостоен приза Харта. Причем Беливо всю жизнь был однолюбом — 20 сезонов в НХЛ он носил только форму «Канадиенс». Да и сегодня является вице-президентом монреальского клуба.

Кроме этих хоккеистов уровень игры «Монреалья» определяли защитник Дуг Харви, получавший четыре сезона приз Норриса (1956—1958, 1960), форварды Дик Мур и Берни Джеффрив.

В начале 60-х годов на авансцену опять выдвинулись хоккеисты «Торонто Мейпл Ливз». Любопытно, что это была команда почти без звезд экстракласса — к ним с известной натяжкой можно отнести разве что вратаря Джонни Бауэра, форвардов Фрэнка Маховлича и Джорджа Армстронга да защитников Карла Бревера, знакомого нашим любителям хоккея и по игровой, и по тренерской деятельности, и Тима Хортон. Доигрывал в «Торонто» и экс-детройтеец Ред Келли, и весьма популярный среди болельщиков Дейв Кеон.

Век «беззвездной» команды был короток — всего три года. А затем, во второй половине 60-х, на трон вернулись «Канадиенс» во главе с неуязвимым Беливо. Правда, на этот раз, в отличие от конца 50-х, нападающие «Монреалья» уступали защите. Это видно хотя бы по тому, что индивидуальные призы по амплуа получали в основном вратари (Лорн Уорсли — 1966 и 1968, Роже Вашингтон — 1968) и защитники (Жак Лаперьер — 1966, Серж Савар — 1969). Да и в первую и вторую пятёрки «Олл Старз» из форвардов входили лишь Курнуайе (1969), Беливо (1966, 1969) и Клод Прова (1965), тогда как среди лучших защитников и голкиперов НХЛ фигурировали Жак Лаперьер, Жан-Клод Трамбле, Тед Харрис, Серж Савар, Чарли Ходж и Лорн (Гамп) Уорсли.

В начале 70-х годов в НХЛ, воцарилась междуцарствие — на трон на сезон-другой всходили то «Бостон», то «Монреаль», то «Филадельфия». И лишь в 1976 году опять начала царствовать династия «Канадиенс».

Впрочем, об этой династии мы уже рассказывали.

Б. СПРЕНСКИЙ

Н. СИМОНЯН. «Тренерской солидарности нет и в помине»	1
А. БЫШОВЕЦ. Чем труднее, тем интереснее	4
Э. ФРИМЕРМАН. Надежный	6
В. БЕРЕЗОВСКИЙ. Селекция — «та же добыча радия»	8
И. ЕДЕШКО. Время собирать камни	10
В. БЕРЕЖНОЙ. «Не мы выбираем — нас выбирают»	12
С. ГУСЬКОВ. Экспансия или интересы спорта?	14
В. ВОРОБЬЕВ, М. ГРОЗОВСКИЙ. Скупой платит дважды	16
Д. РЫЖКОВ. Пока гром не грянет...	20
Рекорды — навсегда?	вкл. 1
И. КУПРИН. Метаморфозы Валерия Каменского	вкл. 4
В. ФЕТИСОВ, А. КАСАТОНОВ, С. МАКАРОВ. Берег левый — берег правый	21
А. ГОРБУНОВ. Мечта — НХЛ	24
Ю. ЮРИС. Бизнес Сергея Бубки	26
В. МЕЛЬНИКОВ. Играть, чтобы выжить	28
В. КАПРАЛОВ. Карамболь	31
Э. ЯКОВЛЕВ. Вторая попытка Кальмана Месёи	34
И. МАРИНОВ. Ось Лондон—Яунде	36
Б. СРЕТЕНСКИЙ. Послевоенные династии НХЛ	39

На обложках

Хоккей, борьба, чемпионат мира... Отчаяние...

Фото Андрея ГОЛОВАНОВА

Царь

СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ

430 (апрель)

Главный редактор
Д. Л. РЫЖКОВ

Сдано в набор 22.01.91
Подписано к печати 26.02.91
84 × 108^{1/16}
Глубокая печать
Усл. печ. л. 4,3+0,42 вкл.
Уч.-изд. л. 7,81
Усл. кр.-отт. 10,92
Тираж 80.000 экз.
Зак. 1987
Цена номера:
по подписке — 80 коп.
в рознице — 1 руб. 50 коп.

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
СПОРТИВНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Редакционная коллегия:

А. А. ГОРБУНОВ
Ю. В. КОРОЛЕВ
Ю. С. ЛУКАШИН
В. Г. ПОДГОРНОВ
В. А. ПРАВДИН
Н. П. СИМОНЯН
Л. И. ФИЛАТОВ

Адрес редакции:
101421, ГСП, Москва, К-6,
Калевская ул., 27
Телефон: 258-06-56
Ордена Трудового
Красного Знамени
Тверской
полиграфический комбинат
Государственного
комитета СССР
по печати
170024, г. Тверь,
пр. Ленина, 5

Основан в июне 1955 года

**Орган
Государственного
комитета СССР
по физической
культуре и спорту**

Технический редактор
Р. Р. Баруцци

Москва
Ордена Почета
издательство
«Физкультура и спорт»

Оформление
Ю. А. Ильичева

© «Физкультура и спорт»
Спортивные игры 1991 г.

Мы, конечно, не можем настаивать на том, чтобы Вы подписывались на наш журнал, но советуем, тем не менее, сделать это, поскольку лучше получать его дома, чем пытаться найти в киосках.

Если Вы выпишете «Спортивные игры», то у Вас будет больше свободного времени для того, чтобы прочесть в пред-олимпийском году, как готовятся к Барселоне-92 советские футболисты и баскетболисты, волейболисты и гандболисты, какие планы перед Зимней Олимпиадой у сборной СССР по хоккею.

Только в нашем журнале — подробности с чемпионата мира по хоккею, розыгрыша Кубка Канады, других крупных турниров; встречи с Александром Уваровым, Геннадием Еврюжихиным и многими, многими другими спортсменами и тренерами.

Уважаемые читатели! В случае обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться по адресу: 170024, Тверь, пр. Ленина, 5. Полиграфкомбинат.

«СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ», год 1957-й

«Для того, чтобы точно послать мяч головой в нужном направлении, надо прыгнуть выше соперника, а высоко прыгать-то наши игроки и не умеют... Наши футболисты неохотно тренируются в прыжках в высоту, так как такие прыжки требуют предельных напряжений. В результате ни один из игроков, за исключением вратаря Разинского, не в состоянии взять высоты большей, чем 150 см. Горько об этом писать, но это факт!» («Что посеял, то и пожинаешь», С. Савин, заместитель председателя всесоюзного тренерского совета, № 7).

«Прежде всего хочется сказать, что советскому спорту должна быть чуждой сугубо оборонительная тактика. Придерживаясь оборонительной тактики как основной, немислимо в полной мере использовать инициативу нашей молодежи, ее спортивный азарт, атакующий порыв, поистине неограниченные творческие возможности. И, конечно, в этом случае нельзя в полной мере показать лучшие черты советской школы хоккея: скоростное маневрирование, коллективные действия, темповые атаки, весь богатый арсенал технических и тактических приемов». («Проверка боем», А. Тарасов, заслуженный мастер спорта, № 11).

«Мы с особенным любопытством смотрели в ходе турнира на чемпионке мира — спортсменок США. Выглядела их основная пятерка довольно внушительно: правофланговая Барбара Сайпс имела рост 193 см, на левом фланге замыкала шеренгу самая «низкорослая» спортсменка ростом 180 см. В нашей же команде я самая высокая, а мой рост — 175 сантиметров.

Но поймите меня правильно. Мы отнюдь не были напуганы ростом наших основных соперниц. Мы знали, что высокорослые американки медлительны и неповоротливы, и считали, что наша подвижность, а значит, и маневренность должны уравновесить шансы. В целом мы не ошиблись в своих предположениях, хотя нам и не удалось добиться перевеса над американцами». («Почему мы

упустили победу». Уроки женского чемпионата мира по баскетболу, Н. Максимальнова, заслуженный мастер спорта, капитан сборной СССР, № 12).

«Под лозунгом «Подготовим смену мастерам!» иные деятели творили сущую несуряцицу. Для футболистов физкультурных коллективов в играх на первенство республики или города вдруг устанавливался возрастной ценз. Кстати, и сегодня не вывелись сторонники таких ограничений». («Игра, любимая миллионами», М. Розин, Л. Филатов, № 3).

«Первый искусственный каток «Роклунд», на котором можно играть в бэнди, уже построили шведы в г. Вестеросе, неподалеку от Стокгольма.

Можно не сомневаться, что прогресс современной холодильной техники вскоре позволит еще быстрее и дешевле сооружать искусственные ледяные поля большого размера. А это значит, что хоккеисты смогут играть не только зимой, но и весной и осенью». («Это было впервые», М. Заславский, наш специальный корреспондент, № 4).

Индекс 70875

Цена номера:

по подписке — 80 коп.

в рознице — 1 руб. 50 коп.

**В МАЙСКОМ
НОМЕРЕ**

ФУТБОЛ

**Борис
Пайчадзе —
портрет
Человека
с большой
буквы**

**Хозяева
чемпионата
мира-94
осваивают
секреты
«соккера»**

ХОККЕЙ

**Кубок
европейских
чемпионов
повышает
свой
рейтинг?**

ПРОБЛЕМЫ СПОРТА

**Медали
в погребальном
венке
допинговых
препаратов**

